THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

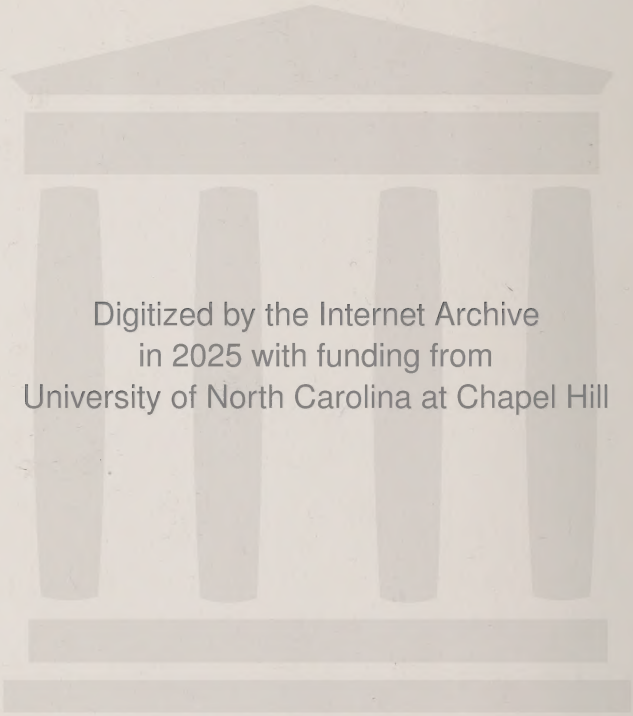
ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

GR550
.P76

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
APR 6 1985 W			
MAR 2 9 '86			
APR 2 9 1985 W		APR 2 2 '86	
JUN 0 9 1986			
MAY 0 7 '96			
DEC 1 4 2011			
DEC 22 2011			

Form No. 513, Rev. 1/84


Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/morfologiiaskazk00prop

опросы

оэтики

сударственный
Институт
Истории
Искусств

В. Пропп

МОРФОЛОГИЯ СКАЗКИ

Ленинград 1928

ACADEMIA

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ

ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ

НЕПЕРИОДИЧЕСКАЯ СЕРИЯ, ИЗДАВАЕМАЯ
ОТДЕЛОМ СЛОВЕСНЫХ ИСКУССТВ

ВЫПУСК XII

«ACADEMIA»
ЛЕНИНГРАД
1928

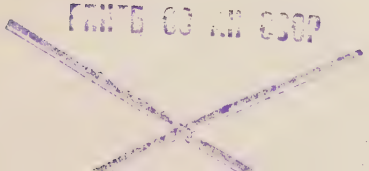
GR 550
.P76

В. ПРОПП

МОРФОЛОГИЯ СКАЗКИ

MORFOLOGIIA SKAZKI

«ACADEMIA»
ЛЕНИНГРАД
1928



Напечатано по распоряжению Отдела Словесных Искусств Г. И. И. И.

Председатель Отдела
В. Жирмунский

30 ноября 1927 г.

Ленинградский Областлит № 2977. Тираж 1.600 экз.—9½ л. Заказ № 435

Госуд. тип. изд. „Ленинградская Правда", Ленинград, Социалистическая 14

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Морфология еще должна легитимироваться, как особая наука, делая своим главным предметом то, что в других трактуется при случае и мимоходом, собирая то, что там рассеяно, и устанавливая новую точку зрения, позволяющую легко и удобно рассматривать вещи природы. Явления, которыми она занимается, в высшей степени значительны; те умственные операции, при помощи которых она сопоставляет явления, сообразны с человеческой природой и приятны ей, так что даже неудавшийся опыт все таки соединит в себе пользу и красоту."

Гете.

Слово „морфология" означает учение о формах. В ботанике под морфологией понимается учение о составных частях растения, об их отношении друг к другу и к целому, иными словами—учение о строении растения.

Но „морфология сказки"—о возможности такого понятия вряд ли кто нибудь думал.

И тем не менее рассмотрение форм сказки возможно с такой же точностью, как возможна морфология органических образований. Если этого нельзя утверждать

о сказке в целом, во всем ее объеме, то во всяком случае это можно утверждать о так. наз. „волшебных“ сказках, о сказках „в собственном смысле слова“. Им только и посвящена настоящая работа.

Предлагаемый опыт явился в результате довольно кропотливой работы. Подобные сопоставления требуют от исследователя некоторого терпения. Но мы постарались найти такую форму изложения, которая не слишком искушала бы терпения читателя, упрощая и сокращая, где только можно.

Работа пережила три фазиса. Первоначально это было широкое исследование с большим количеством таблиц, схем, анализов. Опубликовать такую работу оказалось невозможным уже в виду ее большого объема. Было предпринято сокращение, рассчитанное на минимум объема при максимуме содержания. Но такое сокращенное, сжатое изложение оказалось бы не по плечу рядовому читателю: оно походило на грамматику или на учебник гармонии. Форму изложения пришлось изменить. Правда, есть вещи, которые изложить популярно невозможно. Есть они и в этой работе. Но все же думается, что в настоящей форме работа доступна каждому любителю сказки, если только он сам захочет последовать за нами в лабиринт сказочного многообразия, которое в итоге предстанет перед ним, как чудесное единообразие.

В интересах более краткого и живого изложения пришлось поступится многим, чем дорожил бы специалист. В первоначальном виде работа охватывала, кроме тех частей, которые даны ниже, также исследование богатой области атрибутов действующих лиц (т. е. персонажей, как таковых); она подробно касалась

вопросов метаморфозы, т. е. трансформации сказки, были включены большие сравнительные таблицы (остались только заголовки их в приложении), всей работе предшествовал более строгий методологический очерк. Предполагалось дать исследование не только морфологической, но и совершенно особой логической структуры сказки, что подготовляло изучение сказки, как мифа. Самое изложение было более детальным. Элементы, которые здесь только выделены, как таковые, подвергались подробному рассмотрению и сопоставлению. Но выделение элементов составляет ось всей работы и предопределяет выводы. Опытный читатель сам сумеет дорисовать наброски.

Наши научные учреждения оказали мне широкую поддержку, дав возможность обменяться мыслями с более опытными работниками науки. Сказочная Комиссия Госуд. Географ. О-ва под председательством академика С. Ф. Ольденбурга, Исследовательский Институт при Ленинградском Государственном Университете (секция „Живая Старина“) под председательством проф. Д. К. Зеленина и Фольклорная Секция Отдела Словесных Искусств Государственного Института Истории Искусств под председательством академика В. Н. Перетца по частям и в целом обсуждали методы и выводы этой работы. Председатели этих учреждений, а также другие участники собраний давали порой очень ценные указания, и всем им я приношу свою глубочайшую благодарность.

Особое дружеское участие принял во мне профессор В. М. Жирмунский. Он просмотрел часть работы в первой ее редакции, дал несколько важных советов, и по его инициативе работа передана Институту Исто-

рии Искусств. Если работа ныне появляется в свет то я обязан этим Институту и в первую голову председателю Отдела Словесных Искусств, Виктору Максимовичу Жирмунскому. Я позволю себе выразить ему живейшую благодарность и признательность за его поддержку и содействие.

В. Пропп

15 июля 1927 г.

I. К ИСТОРИИ ВОПРОСА

„История науки принимает всегда очень важный вид на той точке, где мы находимся; мы ценим, правда, своих предшественников и до известной степени благодарим их за услугу, которую они нам оказали. Но никто не любит рассматривать их, как мучеников, которых неудержимое влечение заводило в опасные, иногда почти безысходные положения; и, однако, у предков, заложивших фундамент нашему существованию, часто больше серьезности, чем среди изживающих это наследие потомков."

Гете.

Научная литература о сказке не слишком богата. Помимо того, что трудов издается мало, библиографические сводки показывают следующую картину: больше всего издается текстов; довольно много работ по частным вопросам; совершенно отсутствуют общие труды по сказке. Если же они есть, то это труды сводно-инструктивного, а не исследовательского характера в целом. А между тем, ведь именно общие вопросы больше всего возбуждают интереса, в их решении— цель науки. Вот как характеризует создавшееся положение проф. М. Сперанский: „Не останавливаясь на полученных выводах, научное народоведение продолжает разыскания, считая собранный материал все еще недостаточным для общего построения. Таким образом, наука опять обращается к собиранию материала и к обработке этого материала в интересах будущих поколений,

а каковы будут эти обобщения, и когда мы их будем в состоянии сделать—неизвестно" [1].

В чем же причина этого бессилия, этого тупика, в который уткнулась наука о сказке?

Сперанский винит в этом недостаточность материала. Но с тех пор, как писались приведенные строки, прошло 10 лет. За это время окончен капитальный трехтомный труд Больте и Поливки, озаглавленный „Примечания к сказкам бр. Гримм" [2]. Здесь под каждую сказку этого сборника подведены варианты со всего мира. Последний том заканчивается библиографией, где приведены источники, т. е. все известные авторам сборники сказок и другие материалы, содержащие сказки. Перечень этот охватывает около 1200 названий. Правда, среди материалов есть и случайные, мелкие материалы, но есть и крупнейшие сборники, как 1001 ночь или Афанасьевский сборник с его 400 текстами. Но это еще не все. Огромное количество сказочного материала еще не издано, частью даже не описано. Оно хранится в архивах различных учреждений и у частных лиц. Специалисту некоторые из этих собраний доступны. Сказочная Комиссия Географического Общества в своем „Обзоре Работ за 1926 год" регистрирует 531 номеров сказки, находящихся в распоряжении ее членов. Предыдущий обзор дает прибл. в трое больше. Благодаря этому материал Больте и Поливки в отдельных случаях может быть увеличен [3]. Но если это так, то какое же количество

[1] Проф. М. Сперанский. Русская устная словесность. Москва, 1917, стр. 400.

[2] J. Bolte und G. Polivka „Anmerkungen zu den Kinder—und Hausmärchen der Brüder Grimm" I Bd. 1913. II. Bd. 1915. III. Bd. 1918.

[3] Пользуемся этим случаем, чтобы указать, что подобное увеличение возможно лишь при правильном международном обмене материалами. Хотя наш Союз—одна из самых богатых сказками стран мира (как важны хотя бы сказки инородцев, где скрещиваются монгольские, индийские и европейские влияния), но мы до сих пор не имеем такого центра, который давал бы нужные справки. Институт Истории Искусств организует архив для материалов, собранных его сотрудниками. Превращение его в общесоюзный архив имело бы международное значение.

сказок имеется в нашем распоряжении вообще? И далее: много ли таких исследователей, которые охватили хотя бы только один печатный материал?

Говорить при таких условиях, что „собранного материала все еще недостаточно"—совершенно не приходится.

Итак, дело не в количестве материала. Дело в ином: в методах изучения.

В то время, как физико-математические науки обладают стройной классификацией, единой терминологией, принятой специальными съездами, методикой, совершенствовавшейся преемственностью от учителей к ученикам, у нас всего этого нет. Пестрота и красочное многообразие сказочного материала приводят к тому, что четкость, точность в постановке и решении вопросов достигается лишь с большой трудностью. Посмотрим же, как велось изучение сказки, и с какими трудностями приходится бороться. Настоящий очерк не преследует цели дать связное изложение истории изучения сказки. В короткой вводной главе это невозможно, да в этом и нет большой необходимости, так как эта история уже неоднократно излагалась [1]. Мы постараемся лишь критически осветить попытки разрешения нескольких основных проблем сказочного изучения и попутно ввести читателя в круг этих проблем.

Вряд ли можно сомневаться в том, что окружающие нас явления и объекты могут изучаться или со стороны их состава и строения, или со стороны тех процессов и изменений, которым они подвержены, или со стороны их происхождения. Совершенно очевидно также и не требует никаких доказательств, что о происхождении какого бы то ни было явления можно говорить лишь после того, как явление это описано.

Между тем, изучение сказки велось, главным образом, лишь генетически, большей частью без попыток предварительного систематического описания. О историче-

[1] См. Савченко. Русская народная сказка. Киев. 1913.

ском изучении сказки мы пока говорить не будем, мы будем говорить только об описании их—ибо говорить о генетике без специального освещения вопроса об описании, как это делается обычно,—совершенно бесполезно. Ясно, что прежде, чем осветить вопрос, откуда сказка происходит, надо ответить на вопрос, что она собой представляет.

Так как сказка чрезвычайно многообразна и, повидимому, не может быть изучена сразу по всему объему, то материал следует разделить на части, т. е. классифицировать его. Правильная классификация—одна из первых ступеней научного описания. От правильности классификации зависит и правильность дальнейшего изучения. Но, хотя классификация и ложится в основу всякого изучения, сама она должна быть результатом известной предварительной проработки. Между тем мы видим как раз обратное: большинство исследователей начинает с классификации, внося ее в материал извне, а не выводя ее из материала по существу. Как мы увидим дальше, классификаторы сверх того часто нарушают самые простые правила деления. Здесь мы находим одну из причин того тупика, о котором говорит Сперанский.

Остановимся на нескольких образцах.

Самое обычное деление—это деление на сказки с чудесным содержанием, сказки бытовые, сказки о животных [1]. На первый взгляд все кажется правильным. Но поневоле возникает вопрос: а разве сказки о животных не содержат элемента чудесного иногда в очень большой степени? И наоборот: не играют ли в чудесных сказках очень большую роль именно животные? Можно ли считать такой признак достаточно точным? Афанасьев, напр., причисляет сказку о рыбаке и рыбке к сказкам о животных. Прав он или нет? Если неправ, то почему? Ниже мы увидим, что сказка с величайшей

[1] Предложено В. Ф. Миллером. Эта классификация по существу совпадает с классификацией мифологической школы (мифические, о животных, бытовые).

легкостью приписывает одинаковые действия людям, предметам и животным. Это правило главным образом верно для так называемых волшебных сказок, но оно встречается и в сказках вообще. Один из наиболее известных в этом отношении примеров, это сказка о дележе урожая (мне, Миша, вершки, тебе корешки). В России обманутым является медведь, а на западе чорт. Следовательно эта сказка с привлечением западного варианта вдруг выпадает из ряда сказок о животных. Куда же она попадет? Ясно, что это и не бытовая сказка, ибо где же видано, чтобы в быту урожай делился подобным образом? Но это и не сказка с чудесным содержанием. Она в данной классификации вообще не умещается.

И тем не менее мы будем утверждать, что приведенная классификация в основах своих правильна. Исследователи здесь шли инстинктом, и их слова не соответствуют тому, что они ощущали на самом деле. Вряд ли кто нибудь ошибется, отнеся сказку о жар-птице и сером волке к сказкам о животных. Для нас также совершенно ясно, что и Афанасьев ошибся с сказкой о золотой рыбке. Но это мы видим не потому, что в сказках фигурируют или не фигурируют животные, а потому, что волшебные сказки обладают совершенно особым строением, которое чувствуется сразу и определяет разряд, хотя мы этого и не сознаем. Всякий исследователь, говоря, что он классифицирует по приведенной схеме, фактически классифицирует иначе. Но, противореча самому себе, он именно поступает правильно. Но если это так, если в основу деления подсознательно положено строение сказки, еще не изученное и даже не зафиксированное, то всю классификацию сказок следует поставить на новые рельсы. Ее нужно перевести на формальные, структурные признаки. А для того, чтобы это сделать, эти признаки следует изучить.

Но мы забегаем вперед. Обрисованное положение осталось невыясненным до наших дней. Дальнейшие попытки по существу не вносят улучшения. В своей

известной работе „Психология народов“ Вундт предлагает следующее деление: [1]

1) Мифологические сказки-басни. (Mythologische Fabelmärchen).

2) Чистые волшебные сказки. (Reine Zaubermärchen).

3) Биологические сказки и басни. (Biologische Märchen und Fabeln).

4) Чистые басни о животных. (Reine Tierfabeln).

5) Сказки „о происхождении“. (Abstammungsmärchen).

6) Шутливые сказки и басни. (Scherzmärchen und Scherzfabeln).

7) Моральные басни. (Moralische Fabeln).

Эта классификация много богаче прежней, но и она вызывает возражения. „Басня“ (термин, который встречается пять раз при семи разрядах) есть категория формальная. Изучение басни еще только начинается [2]. Что под этим подразумевал Вундт—неясно. Далее, термин „шутливая“ сказка вообще недопустим, так как та же сказка может трактоваться и героически, и комически. Далее спрашивается: какая разница между „чистой басней о животных“ и „моральной басней“? Чем „чистые басни“ не „моральны“ и наоборот?

Разобранные классификации касаются распределения сказок по разрядам. На ряду с распределением сказок по р а з р я д а м имеется деление по с ю ж е т а м.

Если неблагополучно обстоит дело с делением на разряды, то с делением на сюжеты начинается уже полный хаос. Мы не будем уже говорить о том, что такое сложное, неопределенное понятие, как „сюжет“ или вовсе не оговаривается, или оговаривается всяким автором по своему. Забегая вперед, мы скажем, что деление волшебных сказок по сюжетам по существу вообще невозможно. Оно также должно быть поставлено на новые рельсы, как деление по разрядам. Сказки обла-

---

[1] W. Wundt. Völkerpsychologie. Bd. II. Abt. I. S. 346 ff.

[2] См. Лидия Виндт. „Басня, как литературный жанр“ (Поэтика III. Ленинград. 1927).

дают одной особенностью: составные части одной сказки без всякого изменения могут быть перенесены в другую. Ниже этот закон перемещаемости будет освещен подробнее, пока же можно ограничиться указанием на то, что, напр., баба яга может встречаться в самых разнообразных сказках, в самых различных сюжетах. Эта черта—специфическая особенность сказки. Между тем, не взирая на эту особенность, сюжет обычно определяется так: берется одна какая нибудь часть сказки (часто случайная, просто бьющая в глаза), прибавляется предлог „о", и определение готово. Так сказка, в которой есть бой со змеем, это сказка „о змееборстве", сказка, в которой есть Кощей, это сказка „о Кощее" и т. д., причем единого принципа в выборе определяющих элементов нет. Если теперь вспомнить о законе перемещаемости, то с логической неизбежностью получается путаница, или, выражаясь точнее, перекрестное деление, а такая классификация всегда искажает сущность изучаемого материала. К этому прибавляется еще невыдержанность основного принципа разделения, т. е. нарушается еще одно из элементарнейших правил логики. Такое положение продолжается вплоть до наших дней.

Мы проиллюстрируем это положение двумя примерами. В 1924 г. появилась книга о сказке одесского профессора Волкова [1]. Волков с первых же страниц своего труда определяет, что фантастическая сказка знает 15 сюжетов. Сюжеты эти следующие:

1) О невинно гонимых.
2) О герое-дурне.
3) О трех братьях.
4) О змееборцах.
5) О добывании невест.
6) О мудрой деве.

---

[1] Р. М. Волков. Сказка. Розыскания по сюжетосложению народной сказки. Том I. Сказка великорусская, украинская, белорусская. Госуд. изд. Украины. 1924.

7) О заклятых и зачарованных.
8) Об обладателе талисмана.
9) Об обладателе чудесных предметов.
10) О неверной жене и т. д.

Как устанавливаются эти 15 сюжетов — не оговорено. Если же всмотреться в принцип деления, то получится следующее: первый разряд определен по завязке (что здесь действительно завязка, мы увидим ниже), второй — по характеру героя, третий — по количеству героев, четвертый — по одному из моментов хода действия и т. д. Таким образом, принцип деления вообще отсутствует. Получается действительно хаос. Разве нет сказок, где три брата (третий разряд) добывают себе невест (пятый разряд)? Разве обладатель талисмана не наказывает с помощью этого талисмана неверную жену? Таким образом, данная классификация не является научной классификацией в точном смысле слова, она не более, как условный указатель, ценность которого весьма сомнительна. И разве может подобная классификация хотя бы отдаленно сравниваться с классификацией растений или животных, произведенной не на глаз, а после точного и длительного предварительного изучения материала?

Затронув вопрос о классификации сюжетов, мы не можем обойти молчанием указателя сказок Аарне [1]. Аарне является одним из основателей т. н. финской школы. Работы этой школы представляют собой в настоящее время вершину сказочного изучения. Здесь не место дать надлежащую оценку этому направлению [2]. Укажем лишь на то, что в научной литературе имеется довольно значительное количество статей и заметок о вариантах к отдельным сюжетам. Такие варианты иногда добываются из самых неожиданных источников. Постепенно

---

[1] A. Aarne. Verzeichnis der Märchentypen. Folklore Fellows Communications № 3. Helsinki 1911.

[2] Перечень работ этой школы, выходящих под общим заглавием „Folklore Fellows Communications (сокращенно F. F. C.) дан в первом номере журнала „Художественный Фольклор" в статье Н. П. Андреева.

их накопляется очень много, а систематической разработки нет. Сюда главным образом и направлено внимание нового направления. Представители этой школы добывают и сравнивают варианты отдельных сюжетов по их мировому распространению. Материал группируется гео-этнографически по известной, вперед выработанной системе, и затем делаются выводы об основном строении, распространении и происхождении сюжетов. Однако, и этот прием вызывает ряд возражений. Как мы увидим ниже, сюжеты (в особенности сюжеты волшебных сказок) состоят в теснейшем родстве между собой. Определить, где кончается один сюжет с его вариантами и где начинается другой, можно лишь после межсюжетного изучения сказок и точной фиксации принципа отбора сюжетов и вариантов. Между тем, этого нет. Перемещаемость элементов здесь также не принята во внимание. Работы этой школы исходят из неосознанной предпосылки, что каждый сюжет есть нечто органически-цельное, что он может быть выхвачен из ряда других сюжетов и изучаться самостоятельно.

Между тем, вполне объективное отделение одного сюжета от другого и подбор вариантов—дело совсем не простое. Сюжеты сказки так тесно связаны между собою, так переплетаются друг с другом, что этот вопрос требует специального предварительного изучения раньше выделения сюжетов. Без такого изучения исследователь предоставлен своему вкусу, объективное же отделение пока даже просто невозможно. Приведем один пример. В числе вариантов к сказке „Frau Holle“ Больте и Поливка приводят Афанасьевскую сказку № 58 (известную сказку „Баба-яга“). Они приводят и ряд других русских сказок, даже таких, в которых яга заменена змеем или мышами. Но они не приводят сказки „Морозко“. Спрашивается — почему? Ведь здесь мы имеем то же изгнание падчерицы и ее возвращение с подарками, ту же отсылку родной дочери и ее наказание. Мало того: ведь и Морозко и „Frau Holle“ представляют собой персонификацию зимы, но в немецкой

сказке мы имеем персонификацию в женском облике, а в русской—в мужском. Но, повидимому, „Морозко", в силу художественной яркости этой сказки, субъективно зафиксировался, как определенный сказочный тип, как определенный самостоятельный сюжет, который может имет свои собственные варианты. Таким образом мы видим, что вполне объективных критериев для отделения одного сюжета от другого нет. Там, где один исследователь будет видеть новый сюжет, другой будет видеть вариант и наоборот. Мы привели пример очень простой, а при расширении и увеличении материала увеличиваются и возрастают трудности.

Но, как бы то ни было, методы этой школы прежде всего потребовали списка сюжетов.

Составление такого списка и предпринято Аарне.

Список этот вошел в междунардный обиход и оказал делу изучения сказки крупнейшую услугу: благодаря указателю Аарне стала возможна ш и ф р о в к а сказки. Сюжеты названы Аарне т и п а м и, и каждый тип занумерован. Краткое условное обозначение сказок, (в данном случае—ссылкой на номер указателя) очень удобно. В частности, Сказочная Комиссия не смогла бы описать своего материала без этого списка, ибо пересказ 530 сказок потребовал бы много места, а для ознакомления с этим материалом пришлось бы прочесть все пересказы. Сейчас смотрятся одни цифры, и дело ясно с первого взгляда.

Но наряду с этими достоинствами указатель обладает и рядом существенных недостатков: как классификация, он не свободен от тех ошибок, которые делает Волков. Основные разряды следующие: I. Сказки о животных. II. Собственно сказки. III. Анекдоты. Мы легко узнаем прежние приемы, перестроенные на новый лад. (Несколько странно, что сказки о животных как будто не признаются собственно сказками). Далее хочется спросить: имеем ли мы настолько точное изучение понятия а н е к д о т а, чтобы им можно было пользоваться совершенно спокойно (ср. басни у Вундта)?

Мы не будем входить в подробности этой классификации [1], а остановимся лишь на волшебных сказках, которые выделены им в подразряд. Заметим кстати, что введение подразрядов—одна из заслуг Аарне, ибо деление на роды, виды, и разновидности не разрабатывалось до него. Волшебные же сказки охватывают по Аарне следующие категории: 1) чудесный противник, 2) чудесный супруг (супруга), 3) чудесная задача, 4) чудесный помощник, 5) чудесный предмет, 6) чудесная сила или уменье, 7) прочие чудесные мотивы. По отношению к этой классификации могут быть почти дословно повторены возражения на классификацию Волкова. Как же быть, напр., с теми сказками, в которых чудесная задача разрешается чудесным помощником, что именно встречается очень часто, или с теми сказками, в которых чудесная супруга и есть чудесный помощник?

Правда, Аарне и не стремится к созданию собственно научной классификации: его указатель важен, как практический справочник, и как таковой он имеет огромное значение. Но указатель Аарне опасен другим. Он внушает неправильные представления по существу. Четкого распределения на типы фактически не существует, оно очень часто является фикцией. Если типы и есть, то они существуют не в той плоскости, как это намечается Аарне, а в плоскости структурных особенностей сходных сказок, но об этом после. Близость сюжетов между собой и невозможность вполне объективного отграничения приводит к тому, что при отнесении текста к тому или другому типу часто не знаешь, какой номер выбрать. Соответствие между типом и определяемым текстом часто лишь весьма приблизительно. Из 125 сказок, указанных в собрании А. И. Никифорова, 25 сказок (т. е. 20%) отнесены к типам при-

[1] См. статью Н. П. Андреева. „Система Аарне и катологизация русских сказок" в Обзоре Работ Сказочной Комиссии за 1924—25 г.г. Он же готовит перевод указателя Аарне с переработкой его в применении к русскому материалу.

близительно и условно, что отмечено А. И. Никифоровым скобками [1]. Но если различные исследователи начнут относить ту же сказку к разным типам, то что же из этого может получиться? С другой стороны, так как типы определены по наличности в них тех или иных ярких моментов, а не по построению сказок, а одна сказка может содержать несколько таких моментов, то одну сказку иногда приходится относить к нескольким типам сразу (до 5 номеров для одной сказки), что совсем не означает, что данный текст состоит из пяти сказок. Такой способ фиксации по существу является определением по составным частям. Для известной группы сказок Аарне даже делает отступление от своих принципов и вдруг совершенно неожиданно и несколько непоследовательно вместо деления на сюжеты переходит на деление по мотивам. Так распределен им один из его подразрядов, группу, которую он озаглавливает „о глупом чорте". Но эта непоследовательность опять представляет собой инстинктивно взятый правильный путь. Ниже мы постараемся показать, что изучение по дробным составным частям есть правильный способ изучения.

Таким образом, мы видим, что с классификацией сказки дело обстоит не совсем благополучно. А ведь классификация—одна из первых и важнейших ступеней изучения. Вспомним хотя бы, какое важное значение для ботаники имела первая научная классификация Линне. Наша наука находится еще в до-линнеевском периоде [2].

---

[1] А. И. Никифоров. Сказочные материалы Заонежья, собранные в 1926 году. Обзор Работ Сказ. Ком. за 1926 г.

[2] Наши основные положения могут быть проверены еще на следующих классификациях: Ор. Миллера в „Опыте исторического обозрения русской словесности". 2 изд. С.П.Б. 1865 и в „34-м присуждении Демидовских наград". 1866. J. G. v. Hahn. Griechische und albanesische Märchen. Lpz. 1864. G. L. Gomme. The Handbook of Folklore. London. 1890. П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев. 1896. А. М. Смирнов. Систематический указатель тем и вариантов русских народных сказок. (Изв. Отд. русск. яз. и слов.

Мы переходим к другой важнейшей области изучения сказки: к описанию ее по существу. Здесь можно наблюдать следующую картину: очень часто исследователи, затрагивающие вопросы описания, не занимаются классификацией (Веселовский). С другой стороны, классификаторы не всегда подробно описывают сказку, а изучают лишь некоторые стороны ее (Вундт). Если один исследователь занимается тем и другим, то не классификация следут за описанием, а описание ведется в рамках предвзятой классификации.

Очень немного говорил об описании сказки Веселовский. Но то, что он говорил, имеет огромное значение. Веселовский понимает под сюжетом комплекс мотивов. Мотив может приурочиваться к различным сюжетам [1]. („Серия мотивов—сюжет. Мотив вырастает в сюжет". „Сюжеты вариируются: в сюжеты вторгаются некоторые мотивы, либо сюжеты комбинируются друг с другом". „Под сюжетом я разумею тему, в которой снуются разные положения - мотивы"). Для Веселовского мотив есть нечто первичное, сюжет—вторичное. Сюжет для Веселовского уже акт творчества, соединения. Отсюда для нас вытекает необходимость изучать не столько по сюжетам, сколько прежде всего по мотивам.

Если бы наука о сказке лучше освоилась с заветом Веселовского: „отграничить вопрос о мотивах от вопроса о сюжетах" (курсив Веселовского), то много неясностей уже было бы ликвидировано [2].

Но учение Веселовского о мотивах и сюжетах представляет собой только общий принцип. Конкретное

Ак. Наук. XVI—4, XVII—3, XIX—4). Ср. также A. Christensen. Motif et thème. Plan d'un dictionnaire des motifs de contes populaires, de legendes et de fables. F F C № 59. Hels. 1925.

[1] А. Н. Веселовский. Поэтика. Том. II, вып. I (поэтика сюжетов). Введение, гл. I и II.

[2] Роковая ошибка Волкова: „Сказочный сюжет и есть та постоянная единица, из которой единственно возможно исходить в изучении сказки" („Сказка" стр. 5). Ответим: сюжет не единица, а комплекс, он не постоянен, а изменчив, исходить из него в изучении сказки нельзя.

растолкование Веселовским термина „мотив" в настоящее время уже не может быть применено. По Веселовскому мотив есть неразлагаемая единица повествования („Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу". „Признак мотива—его образный, одночленный схематизм; таковы неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки"). Однако, те мотивы, которые он приводит в качестве примеров, раскладываются. Если мотив есть нечто логически целое, то всякая фраза сказки дает мотив. (У отца три сына—мотив; падчерица покидает дом—мотив; Иван борется со змеем—мотив и т. д.). Это было бы совсем не так плохо, если бы мотивы действительно не разлагались. Это дало бы возможность составить указатель мотивов. Но вот возьмем мотив „змей похищает дочь царя", (пример не Веселовского). Этот мотив разлагается на 4 элемента, из которых каждый в отдельности может вариировать. Змей может быть заменен Кощеем, вихрем, чортом, соколом, колдуном. Похищение может быть заменено вампиризмом и различными поступками, которыми в сказке достигается исчезновение. Дочь может быть заменена сестрой, невестой, женой, матерью. Царь может быть заменен царским сыном, крестьянином, попом. Таким образом, вопреки Веселовскому, мы должны утверждать, что мотив не одночленен, не неразложим. Последняя разложимая единица, как таковая, не представляет собой логического целого. Соглашаясь с Веселовским, что часть для описания первичнее целого (а по Веселовскому мотив и по происхождению первичнее сюжета), мы впоследствии должны будем решить задачу выделения каких то первичных элементов иначе, чем это делает Веселовский.

То, что не удалось Веселовскому, не удавалось и другим исследователям. Как на пример методически очень ценного приема, можно указать на методы Бедье [1]. Ценность приемов Бедье состоит в том, что он первый

[1] Bedier. Les fabliaux Paris 1893.

осознал, что в сказке существует какое то отношение между ее величинами постоянными и величинами переменными. Он пробует это выразить схематически. Постоянные, существенные величины он называет „элементами“ и обозначает их греческой омегой. Остальные, переменные величины он обозначает латинскими буквами. Таким образом, схема одной сказки дает омегу + a + b + c, другой — омегу + a + b + c + n, далее омегу + m + 1 + n и т. д. Но правильная по существу мысль разбивается о невозможность уловить эту омегу в точности. Что такое по существу, объективно представляют собой элементы Бедье, и как их выделить, это остается невыясненным [1].

Проблемами описания сказки вообще занимались мало, предпочитая взять сказку, как нечто готовое, данное. Только в наши дни мысль о необходимости точного описания становится все более и более широкой, хотя о формах сказки говорят уже очень давно. И действительно, в то время, как описаны и минералы, и растения, и животные (и описаны и распределены именно по их строению), в то время, как описан целый ряд литературных жанров (басня, ода, драма и т. д.), сказка все еще изучается без такого описания. До какого абсурда иногда доходит генетическое изучение сказки, не останавливающееся на формах ее, показал Шкловский [2]. В качестве примера он приводит известную сказку об измерении земли кожей. Герой сказки получает разрешение взять столько земли, сколько можно охватить воловьей кожей. Он разрезает кожу на ремни и охватывает земли больше, чем ожидала обманутая сторона. В. Ф. Миллер и другие старались видеть здесь следы юридического акта. Шкловский пишет: „Оказывается, что обманутая сторона,—

[1] Ср. С. Ф. Ольденбург. Фабло восточного происхождения (Журн. Мин. Нар. Просв. Октябрь 1906), где дана более подробная оценка приемов Бедье.

[2] В. Шкловский. Теория прозы. Москва — Ленинград, 1925, стр. 24 и сл.

а во всех вариантах сказки дело идет об обмане,— потому не протестовала против захвата земли, что земля вообще мерилась этим способом. Получается нелепость. Если в момент предполагаемого совершения действия сказки обычай мерить землю „сколько можно обвести ремнем" существовал и был известен и продавцу и покупателю, то нет не только никакого обмана, но и сюжета, потому что продавец сам знал, на что шел". Таким образом, возведение рассказа к исторической действительности без рассмотрения особенностей рассказа, как такового, приводит к ложным заключениям, несмотря на огромную эрудицию исследователей.

Приемы Веселовского и Бедье принадлежат более или менее отдаленному прошлому. Хотя эти ученые работали, главным образом, как историки фольклора, их приемы формального изучения представляли собой новые, по существу верные, но никем не разработанные и не примененные достижения. В настоящее время необходимость изучения форм сказки не вызывает никаких возражений [1].

Однако, в этом отношении современность иногда перегибает палку. Упомянутая уже книга Волкова дает следующий прием описания. Сказки прежде всего раскладываются на мотивы. Мотивами считаются как качества героев („два зятя умных, третий дурак"), так и количества их („три брата"), поступки героев („завет отца после смерти дежурить на его могиле, завет, исполняемый одним дурнем"), предметы (избушка на курьих ножках, талисманы) и т. д. Каждому такому мотиву соответствует условный знак—буква и цифра или буква и две цифры. Более или менее сходные мотивы обозначаются одной буквой при разных цифрах. Теперь спрашивается: если быть действительно последовательным и обозначать подобным образом реши-

[1] Печатается статья А. И. Никифорова: К вопросу о морфологическом изучении сказки (Сборник в честь А. И. Соболевского).

тельно все содержимое сказки, то сколько же мотивов должно получиться? Волков дает около 250 обозначений (точного списка нет). Ясно, что пропущено очень многое, что Волков как то выбирал, но как—неизвестно. Выделив таким образом мотивы, Волков затем транскрибирует сказки, механически переводя мотивы на знаки и сравнивая схемы. Сходные сказки, ясно, дают сходные схемы. Транскрипции занимают собой всю книгу. Единственный „вывод", который можно сделать из такой переписки, это—утверждение, что сходные сказки похожи друг на друга,—вывод, ни к чему не обязывающий и ни к чему не приводящий [1].

Мы видим, каков характер разрабатываемых наукой проблем. У мало подготовленного читателя может возникнуть вопрос: не занимается ли наука такими отвлеченностями, которые в сущности вовсе не нужны? Не все ли равно, разложим или неразложим мотив, не все ли равно, как выделять основные элементы, как классифицировать сказку, изучать ли ее по мотивам или по сюжетам? Поневоле хочется постановки каких то более конкретных, осязаемых вопросов, вопросов—более близких всякому человеку, просто любящему сказку. Но такое требование основано на заблуждении. Приведем аналогию. Возможно ли говорить о жизни языка, ничего не зная о частях речи, т. е. о известных группах слов, расположенных по законам их изменений? Живой язык есть конкретное данное, грамматика—его отвлеченный субстрат. Эти субстраты лежат в основе очень многих жизненных явлений, и сюда именно и обращено внимание науки. Без изучения этих отвлеченных основ не может быть объяснена ни одна конкретная данность.

Наука не огряничилась теми вопросами, которые затронуты здесь. Мы говорили лишь о тех вопросах,

---

[1] Ср. рецензии Р. Шор („Печать и Революция" 1924 кн. 5) С. Савченко (в „Этнографічном Віснике" 1925, кн. I) и А. И. Никифорова (Изв. Отд. р. яз. и слов. Ак. Наук, т. XXXI, 1926, стр. 367).

которые имеют отношение к морфологии. В частности, мы не затронули огромной области исторических разысканий. Эти исторические разыскания могут быть внешне интереснее разысканий морфологических, и здесь сделано очень многое. Но общий вопрос: откуда происходит сказка—в целом не разрешен, хотя и здесь несомненно имеются законы зарождения и развития, которые еще ждут своей разработки. Зато тем больше сделано по отдельным частным вопросам. Перечисление имен и трудов не имеет смысла [1]. Но мы будем утверждать, что, пока нет правильной морфологической разработки, не может быть и правильной исторической разработки. Если мы не умеем разложить сказку на ее составные части, то мы не сумеем произвести правильного сравнения. А если мы не умеем сравнивать, то как же может быть пролит свет, например, на индоегипетские отношения, или на отношения греческой басни к индийской и т. д.? Если мы не сумеем сравнить сказку со сказкой, то как изучать связь сказки с религией, как сравнивать сказку с мифами? Наконец, подобно тому, как все реки текут в море, все вопросы сказочного изучения в итоге должны привести к разрешению важнейшей, до сих пор не разрешенной проблемы—проблемы сходства сказок по всему земному шару. Как объяснить сходство сказки о царевне-лягушке в России, Германии, Франции, Индии, в Америке у краснокожих и в Новой Зеландии, причем исторически общения народов доказано быть не может? Это сходство не может быть объяснено, если о характере этого сходства у нас неправильные представления. Историк, не искушенный в морфологических вопросах, не увидит сходства там, где оно есть на самом деле; он пропустит важные для него, но не замеченные им совпадения, и, наоборот, там, где усматривается сходство, специалист морфолог

[1] См. E. Hoffmann — Krayer. Volkskundl Bibliographie für das Jahr 1917 (Strassburg 1919), für das Jahs 1918 (Berl.—Lpz. 1920), für das Jahr 1919 (Berl.—Lpz. 1922). Богатый материал дают обзоры в Zeitschrift des Vereins für Volkskunde.

может показать, что сравниваемые явления совершенно гетерономны.

Мы видим, таким образом, что от изучения форм зависит очень многое. Не будем же отказываться от черной, аналитической, несколько кропотливой работы, осложненной еще тем, что она предпринята под углом зрения вопросов отвлеченно-формальных. Подобная черная „неинтересная" работа — путь к обобщающим „интересным" построениям [1].

---

[1] Главнейшая общая литература о сказке: Clouston. W. A. Popular tales and fictions, their migrations and transformations. London. 1887.—Миллер, В. Ф. Всемирная сказка в культурно-историческом освещении. (Русская Мысль 1893, XI).—Koehler, R. Aufsätze über Märchen und Volkslieder. Berl. 1894. Халанский, М. Е. Сказки. (История русск. литер. под ред. Аничкова, Бороздина и Овсяника-Куликовского. Том I, вып. 2, гл. 6). М. 1908.—Thimme. Das Märchen. Lpz. 1909. Van Gennep, A. La formation des legendes. Paris 1910. F. v. d. Leyen. Das Märchen. 2-te Aufl. 1917. K. Spiess. Das deutsche Volksmärchen. (Aus Natur und Geisteswelt. Bd. 587). Lpz. nnd Berl. 1917. — С. Ф. Ольденбург. Странствование сказки. („Восток" № 4).—G. Huet. Les contes populaires. Paris, 1923.

II. МЕТОД И МАТЕРИАЛ

„Я был совершенно убежден, что общий, основанный на трансформациях тип проходит через все органические существа, и что его хорошо можно наблюдать во всех частях на некотором среднем разрезе".

Гете.

Прежде всего постараемся формулировать нашу задачу.

Как уже упомянуто в предисловии, мы посвящаем работу волшебным сказкам. Существование волшебных сказок, как особого разряда, допускается, как необходимая рабочая гипотеза. Под „волшебными" пока подразумеваются сказки, выделенные Аарне под №№ 300—749. Это—определение искусственное, но впоследствии представится случай дать более точное определение на основании полученных выводов. Мы предпринимаем межсюжетное сравнение этих сказок. Для сравнения мы выделяем составные части волшебных сказок по особым приемам (см. ниже) и затем сравниваем сказки по их составным частям. В результате получается морфология, т. е. описание сказки по составным частям и отношению частей друг к другу и к целому.

Какими же методами может быть достигнуто точное описание сказки?

Сравним следующие случаи:

1. Царь дает удальцу орла. Орел уносит удальца в иное царство.

2. Дед дает Суценке коня. Конь уносит Суценко в иное царство.

3. Колдун дает Ивану лодочку. Лодочка уносит Ивана в иное царство.

4. Царевна дает Ивану кольцо. Молодцы из кольца уносят Ивана в иное царство и т. д. [1]

В приведенных случаях имеются величины постоянные и переменные. Меняются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, не меняются их действия или функции. Отсюда вывод, что сказка нередко приписывает одинаковые действия различным персонажам. Это дает нам возможность изучать сказку по функциям действующих лиц.

Мы должны будем определить, в какой степени эти функции действительно представляют собой повторные, постоянные величины сказки. Постановка всех других вопросов будет зависеть от разрешения первого вопроса: сколько функций известно сказке?

Исследование покажет, что повторяемость функций поразительна. Так, и баба-яга, и Морозко, и медведь, и леший, и кобылячья голова испытывают и награждают падчерицу. Продолжая наблюдения, можно установить, что персонажи сказки, как бы они ни были разнообразны, часто делают то же самое. Самый способ осуществления функций может меняться: он представляет собой величину переменную. Морозко действует иначе, чем баба-яга. Но функция, как таковая, есть величина постоянная. Для изучения сказки важен вопрос что делают сказочные персонажи, а вопрос кто делает и как делает—это вопросы уже только привходящего изучения. Функции действующих лиц представляют собой те составные части, которыми могут быть заменены „мотивы“ Веселовского или „элементы“ Бедье. Заметим, что повторяемость функций при различных выполнителях уже давно замечена историками религии в мифах и верованиях, но не замечена историками

[1] См. Афанасьев №№ 104а, 79, 78, 93.

сказки (Вундт, Negelein) [1]. Подобно тому, как свойства и функции богов переходят с одних на других и, наконец, даже переносятся на христианских святых, точно так же функции одних сказочных персонажей переходят на другие персонажи. Забегая вперед, можно сказать, что функций чрезвычайно мало, а персонажей чрезвычайно много. Этим объясняется двоякое качество сказки: ее поразительное многообразие, ее пестрота и красочность, с другой стороны — ее не менее поразительное однообразие, ее повторяемость.

Итак, функции действующих лиц представляют собой основные части сказки, и их мы прежде всего и должны выделить.

Для выделения функций их следует определить. Определение должно исходить из двух точек зрения. Во первых, определение ни в коем случае не должно считаться с персонажем—выполнителем. Определение чаще всего представит собой имя существительное, выражающее действие (запрет, выспрашивание, бегство и проч.). Во вторых, действие не может определяться вне своего положения в ходе повествования. Следует считаться с тем значением, которое данная функция имеет в ходе действия.

Так, если Иван женится на царевне, то это совершенно иное, чем брак отца на вдове с двумя дочерьми. Другой пример: если в одном случае герой получает от отца сто рублей и покупает себе впоследствии на эти деньги вещую кошку, а в другом случае герой награждается деньгами за совершонное геройство, и сказка на этом кончается, то перед нами, несмотря на одинаковость действий (передача денег), морфологически различные элементы. Таким образом, одинаковые поступки могут иметь различное значение и наоборот. Под функцией понимается поступок дей-

---

[1] W. Wundt. Völkerpsychologie Bd. II Abtl. I (Mythus und Religion) Negelein. Germanische Mythologie.—Negelein создает чрезвычайно удачный термин „Depossedierte Gottheiten".

ствующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия.

Приведенные наблюдения могут быть коротко формулированы следующим образом:

I. Постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки.

II. Число функций, известных волшебной сказке,—ограничено.

Если функции выделены, то возникает другой вопрос: в какой группировке и в какой последовательности встречаются эти функции? Прежде всего о последовательности. Есть мнение, что эта последовательность случайна. Веселовский говорит: „Выбор и распорядок задач и встреч (примеры мотивов) предполагает уже известную свободу". Еще резче выразил эту мысль Шкловский: „Совершенно непонятно, почему при заимствовании должна сохраняться случайная (курсив Щкловского) последовательность мотивов. При свидетельских показаниях именно последовательность событий сильнее всего искажается". Эта ссылка на свидетельские показания неудачна. Если свидетели искажают последовательность, то их рассказ бестолков, но последовательность событий имеет свои законы, и подобные же законы имеют и художественный рассказ, и органические образования. Воровство не может произойти раньше взлома двери. Что же касается сказки, то она имеет свои совершенно особые, специфические законы. Последовательность элементов, как мы увидим ниже, строго одинакова. Свобода в последовательности ограничена весьма тесными пределами, которые могут быть приведены в точности. Мы получаем третий основной тезис нашей работы, подлежащий дальнейшему развитию и доказательству:

III. Последовательность функций всегда одинакова.

Что касается группировки, то прежде всего следует сказать, что далеко не все сказки дают все функции. Но это нисколько не меняет закона последовательности. Отсутствие некоторых функций не меняет распорядка остальных. На этом явлении мы еще остановимся, пока же займемся группировками в собственном смысле слова. Самая постановка вопроса вызывает следующее предположение: если функции выделены, то можно будет проследить, какие сказки дают одинаковые функции. Такие сказки с одинаковыми функциями могут считаться *однотипными*. На этом основании впоследствии может быть создан указатель типов, построенный не на сюжетных признаках, несколько неопределенных и расплывчатых, а на точных структурных признаках. Действительно, это окажется возможным. Но если мы далее будем сравнивать структурные типы между собой, то получается следующее, уже совершенно неожиданное явление: функции не могут быть распределены по стержням, исключающим друг друга. Это явление во всей своей конкретности предстанет перед нами в следующей и в последней главе. Пока же оно может быть разъяснено следующим образом: если мы обозначим функцию, встречающуюся всюду на первом месте, буквой А, а функцию, которая (если она есть) *всегда следует за ней*—буквой Б, то все известные сказке функции разместятся в *один* рассказ, ни одна из них не выпадает из ряда, ни одна не исключает другой и не противоречит ей. Такого вывода уже никак нельзя было ожидать. Конечно, следовало ожидать, что там, где есть функция А, не может быть известных функций, принадлежащих другим рассказам. Ожидалось, что мы получим несколько стержней, но стержень получается один для всех волшебных сказок. Они однотипны, а соединения, о которых говорилось выше, представляют собой подтипы. На первый взгляд этот вывод кажется нелепым, даже диким, но он может быть проверен самым точным образом. Такая однотипность представляет собой сложнейшую проблему, на которой еще

придется остановиться. Явление это вызовет целый ряд вопросов.

Таким образом мы получаем четвертый основной тезис нашей работы:

IV. Все волшебные сказки однотипны по своему строению.

Мы приступаем к доказательству, а также и к развитию и детализации этих тезисов. Здесь нужно помнить, что изучение сказки должно вестись (и по существу и в настоящей работе ведется) строго дедуктивно, т. е. идя от материала к следствию. Но изложение может итти обратным порядком, так как легче следить за развитием его, если общие основания читателю известны вперед.

Однако, прежде, чем перейти к разработке, следует решить вопрос, на каком материале может быть произведена эта разработка. На первый взгляд кажется, что необходимо привлечь весь существующий материал. На самом деле в этом нет необходимости. Так как мы изучаем сказки по функциям действующих лиц, то привлечение материала может быть приостановлено в тот момент, когда обнаруживается, что новые сказки не дают никаких новых функций. Конечно, исследователь должен просмотреть большой контрольный материал. Но вводить весь этот материал в работу нёт необходимости. Мы нашли, что 100 сказок представляют собой более, чем достаточный материал. Обнаружив, что никаких новых функций не может быть найдено, морфолог может поставить точку, а дальнейшее изучение пойдет уже по иным линиям (составление указателей, полная систематика, историческое изучение). Но если материал и может быть ограничен количеством, то это не значит, что его можно выбирать по собственному усмотрению. Он должен диктоваться извне. Мы берем Афанасьевский сборник, начинаем изучение сказок с 50-го номера (это по плану Афанасьева первая волшебная сказка сборника) и доводим его до № 151-го. Такое ограничение материала несомненно вызовет много

возражений. Теоретически оно оправдано. Чтобы его оправдать шире, пришлось бы поставить вопрос о степени повторности сказочных явлений. Если повторность велика—можно взять ограниченный материал. Если она мала,—этого нельзя. Повторность основных составных частей, как мы увидим ниже, превосходит всякое ожидание. Следовательно теоретически можно ограничиться малым материалом. Практически это ограничение оправдывает себя тем, что вовлечение большого количества материала увеличило бы объем работы до чрезвычайности. Дело не в количестве материала, а в качестве его разработки. Сто сказок—это наш рабочий материал. Остальное—материал контрольный, представляющий большой интерес для исследователя, но не имеющий интереса более широкого.

III. ФУНКЦИИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

В этой главе мы перечислим функции действующих лиц в том порядке, в каком это диктуется самой сказкой.

Для каждой функции дается: 1) краткое изложение ее сущности, 2) сокращенное определение одним словом, 3) условный знак ее. (Введение знаков позволит впоследствии сравнить построение сказок схематически). Вслед за этим следуют примеры. Примеры большей частью далеко не исчерпывают нашего материала. Они даны лишь, как образцы. Расположены они по известным группам. Группы относятся к определению, как виды к роду. Основная задача—выделение родов. Рассмотрение видов не может входить в задачи общей морфологии. Виды могут далее подразделяться на разновидности, и этим дается начало систематике. Данное ниже расположение не преследует подобных целей. Приведение примеров должно лишь иллюстрировать и показать наличность функции, как некоторой родовой единицы. Как уже упомянуто, все функции укладываются в один последовательный рассказ. Данный ниже ряд функций представляет собой морфологическую основу волшебных сказок вообще [1].

Сказка обычно начинается с некоторой исходной ситуации. Перечисляются члены семьи, или будущий

[1] Рекомендуется, прежде чем приступить к чтению этой главы, прочесть подряд все перечисленные функции, не входя в детали, а прочитывая лишь то, что напечатано жирным шрифтом. Такое предварительное беглое чтение облегчит понимание нити рассказа.

герой (напр., солдат) просто вводится путем приведения его имени или упоминания его положения. Хотя эта ситуация не является функцией, она все же представляет собою важный морфологический элемент. Виды сказочных начал смогут быть рассмотрены лишь к концу работы. Мы определяем этот элемент, как исходную ситуацию. Условный знак—i.

Вслед за начальной ситуацией следуют функции:

I. Один из членов семьи отлучается из дома. (Определение: отлучка, обозначение: e).

1) Отлучиться может лицо старшего поколения. Родители уходят на работу (64). „Надо было князю ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках" (148). „Уезжает он (купец) как то в чужие страны" (115). Обычны формы отлучки: на работу, в лес, торговать, на войну, „по делам" (e^1).

2) Усиленную форму отлучки представляет собой смерть родителей (e^2).

3) Иногда отлучаются лица младшего поколения. Они идут или едут в гости (57), рыбу ловить (62), гулять (77), за ягодами (137) Об. e^3.

II. К герою обращаются с запретом. (Опр. запрет, об. б).

1) „В этот чулан не моги заглядывать" (94). „Береги братца, не ходи со двора" (64). „Ежели придет яга-баба, ты ничего не говори, молчи" (61). „Много князь ее уговаривал, заповедал не покидать высока терема" и проч. (148). Завет не уходить иногда усиливается или заменяется посажением детей в столп (117). Иногда, наоборот, имеется ослабленная форма запрета, в виде просьбы или совета: мать уговаривает сына не ходить на рыбную ловлю: „ты еще мал" и проч. (62). Сказка обычно упоминает об отлучке сперва, а затем о запрете. Фактически последовательность событий, конечно, обратная. Запреты могут даваться и вне связи с отлучкой: не рвать яблок (127),

не подымать золотого пера (103), не открывать ящика (125), не целовать сестры (125). Об. $б^1$.

2) Обращенную форму запрета представляет собой приказание или предложение: принести в поле завтрак (74), взять с собой в лес братца (137). Об. $б^2$.

Здесь для лучшего понимания может быть сделано отступление. Сказка дальше дает внезапное (но все же известным образом подготовленное) наступление беды. В связи с этим начальная ситуация дает описание особого, иногда подчеркнутого благополучия. У царя—прекрасный сад с золотыми яблоками; старики нежно любят своего Ивашечку и т. д. Особую форму представляет собой аграрное благополучие: у мужика и его сыновей прекрасный сенокос. Часто встречается описание посевов с великолепными всходами. Это благополучие, конечно, служит контрастным фоном для последующей беды. Призрак этой беды уже невидимо реет над счастливой семьей. Отсюда запреты не выходить на улицу и пр. Самая отлучка старших эту беду подготовляет, она создает удобный момент для нее. Дети после ухода или смерти родителей предоставлены сами себе. Роль запретов иногда играет приказание. Если детям предлагается выйти в поле или пойти в лес, то выполнение этого приказания имеет такие же последствия, как нарушение запрета не выходить в лес или не выходить в поле.

III. Запрет нарушается. (Опр. нарушение, об. b).

Формы нарушения соответствуют формам запрета. Функции II и III составляют парный элемент. Вторая половина иногда может существовать без первой. Царевны идут в сад ($е^3$), они опаздывают домой. Здесь опущен запрет опаздывания. Исполненное приказание соответствует, как указано, нарушенному запрещению.

В сказку теперь вступает новое лицо, которое может быть названо вредителем. Его роль—нарушить покой счастливого семейства, вызвать какую либо беду,

нанести вред, ущерб. Вредителем может быть и змей, и чорт, и разбойники, и ведьма, и мачеха и т. д. Как вообще появляются в ходе действия новые персонажи, этот вопрос мы выделили в особую главу. Итак, в ход действия вступил вредитель. Он пришел, подкрался, прилетел и пр. и начинает действовать.

IV. Вредитель пытается произвести разведку. (Опр. выведывание, об. в).

1) Выведывание имеет целью узнать местопребывание детей, иногда драгоценных предметов и проч. Медведь: „Кто же мне про царских детей скажет, куда они девались?" (117). Приказчик: „Где вы эти самоцветные камни берете?" (114). Поп исповедует: „Отчего так скоро сумел ты поправиться?" (114). Царевна: „Скажи, Иван — купеческий сын, где твоя мудрость?" (120). „Чем сука живет? думает Ягишна". Она посылает на разведку Одноглазку, Двуглазку, Треглазку (56). Обозн. в[1].

2) Обращенную форму выведывания мы имеем при выспрашивании вредителем его жертвой. „Где твоя смерть, Кощей?" (93). „Який у вас конь скорый! ти можно где нибудь достать такого другого коня, чтоб от вашего утек?" (95). Обозн. в[2].

3) В отдельных случаях встречается и выведывание через других лиц. Обозн. в[3].

V. Вредителю даются сведения о его жертве. (Опр.— выдача, обозн. w).

1) Вредитель получает непосредственно ответ на свой вопрос. Долото отвечает медведю: „Вынеси меня на двор и брось на земь; где я воткнусь, там и рой". На вопрос приказчика о самоцветных каменьях купчиха отвечает: „Да нам курочка несет" и т. д. Здесь перед нами опять парные функции. Нередко они даны в форме диалога. Сюда относится, между прочим, и диалог мачехи с зеркальцем. Хотя мачеха и не выспрашивает

непосредственно о падчерице, зеркальце ей отвечает: „Ты хороша, спору нет, а есть у тебя падчерица, живет у богатырей в дремучем лесу, — та еще прекрасней". Как и в других подобных случаях, вторая половина может существовать без первой. В этих случаях выдача принимает форму неосторожного поступка. Мать громким голосом зовет сына домой, и этим она выдает его присутствие ведьме (62). Старик получил чудесную сумку. Он угощает куму из сумы, и этим выдает тайну своего талисмана куме (109). Обозн. w^1.

2—3) Обратное или иное выведывание вызывает соответствующий ответ. Кощей выдает тайну своей смерти (93), тайну быстрого коня (94) и пр.

VI. Вредитель пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею или ее имуществом. (Опр. подвох, обозн. г).

Прежде всего вредитель принимает чужой облик. Змей обращается золотой козой (97), прекрасным юношей (118). Ведьма прикидывается „сердечной старушкой" (148). Она подражает голосу матери (62). Поп одевает козлиную шкуру (144). Воровка прикидывается нищей (111).

Затем следует и самая функция.

1) Вредитель действует путем уговоров: ведьма предлагает принять колечко (65), кума предлагает попариться (109), ведьма предлагает снять платье (147), выкупаться в пруду (148), нищая просит милостыню (111). Обозн. $г^1$.

2) Он действует непосредственным применением волшебных средств. Мачеха дает пасынку сонного зелья (128). Она втыкает в его одежду волшебную булавку (128). Обозн. $г^2$.

3) Он действует иными средствами обмана или насилия. Злые сестры уставляют окно, через которое должен прилететь Финист, ножами и остриями (129). Змей перекладывает стружки, указывающие девушке дорогу к братьям (74). Обозн. $г^3$.

VII. Жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу. (Опр. пособничество, обозн. g).

1) Герой соглашается на все уговоры вредителя, т. е. берет колечко, идет париться, купаться и т. д. Можно заметить, что запреты всегда нарушаются, обманные предложения, наоборот, всегда принимаются и выполняются. Об. g.

2—3) Он механически реагирует на применение волшебных и иных средств, т. е. засыпает, ранит себя и пр. Можно наблюдать, что эта функция может существовать и отдельно. Героя никто не усыпляет, он вдруг засыпает сам, конечно, чтобы облегчить вредителю его дело. Об. g^2 и g^3.

Особую форму обманного предложения и соответствующего согласия представляет собой обманный договор. [„Отдай то, чего в доме не знаешь"]. Согласие в этих случаях вынуждается, причем вредитель пользуется каким либо затруднительным положением своей жертвы. (Разбежалось стадо; крайняя бедность и пр.). Иногда это затруднительное положение нарочно вызывается вредителем. (Медведь берет царя за бороду 117). Этот элемент может быть определен, как предварительная беда. (Обозн. х. Этим знаком создается отличие от других форм обмана).

VIII. Вредитель наносит одному из членов семьи вред или ущерб. (Опр. вредительство. Обозн. А).

Эта функция чрезвычайно важна, так как ею собственно создается движение сказки. Отлучка, нарушение запрета, выдача, удача обмана подготовляют эту функцию, создают ее возможность или просто облегчают ее. Поэтому первые семь функций могут рассматриваться как подготовительная часть сказки, тогда как вредительством открывается завязка. Формы вредительства чрезвычайно многообразны.

1) Он похищает человека (A^1). Змей похищает дочь царя (72), дочь крестьянина (74). Ведьма похищает

мальчика (62). Старшие братья похищают невесту младшего (102).

2) Он похищает или отнимает волшебное средство (A^2) [1]. „Невздрашный детинка“ похищает волшебный ларец (111). Царевна похищает волшебную рубашку (120). Мужичок сам с перст похищает волшебного коня (78).

2-а) Особый подразряд этой формы составляет насильственное отнятие волшебного помощника. Мачеха велит зарезать чудесную корову (56, 57). Приказчик велит зарезать чудесную куру или утку (114, 115). Об. A^{II}.

3) Он расхищает или портит посев (A^3). Кобыла съедает стог сена (60). Медведь ворует овес (82). Журавль ворует горох (108).

4) Он похищает дневной свет (A^4). Этот случай встречается лишь один раз (75).

5) Он совершает хищение в иных формах (A^5). Объект похищения подвержен величайшим колебаниям, и регистрировать все формы нет необходимости. Как видно будет дальше, объект хищения не влияет на ход действия. Логически правильнее было бы считать вообще всякое хищение одной формой вредительства, а формы, разделенные по объектам, считать не разрядами, а подразрядами. Но технически удобнее выделить несколько главнейших форм, а остальные обобщить. Примеры: Жар-птица ворует золотые яблоки (102). Норка-зверь каждую ночь поедает животных из царского зверинца (73). Генерал похищает меч (не волшебный) короля (145) и т. д.

б) Он наносит телесное повреждение (A^6). Служанка вырезает глаза своей госпожи (70). Царевна отрубает ноги Катоме (116). Интересно, что эти формы также представляют собой (с точки зрения морфологической) хищение. Глаза, напр., кладутся служанкой

[1] Что понимается под волшебным средством и волшебным помощником, об этом см. стр. 91.

в карман и уносятся, а впоследствии добываются теми же способами, что и другие похищенные предметы и ставятся на свое место. То же происходит с вырезанным сердцем.

7) Он вызывает внезапное исчезновение (A^7). Обычно это исчезновение является результатом применения колдовских или обманных средств. Мачеха усыпляет пасынка. Его невеста исчезает навсегда (128). Сестры ставят ножи и иголки в окно девицы, куда должен прилететь Финист. Он ранит себе крылья, исчезает навсегда (129). Жена улетает от мужа на ковре самолете (113). Интересную форму дает сказка № 150. Здесь исчезновение вызвано самим героем. Он сжигает кожух своей заколдованной жены—она исчезает навсегда. Сюда же условно может быть отнесен особый случай в сказке № 125. Колдовской поцелуй внушает полное забвение невесты. В этом случае жертвой является невеста, которая теряет своего жениха (A^{VII}).

8) Он требует или выманивает свою жертву (A^8). Обычно эта форма является следствием обманного договора. Морской царь требует царевича, и тот уходит из дома (125).

9) Он изгоняет кого либо (A^9). Мачеха изгоняет падчерицу (52). Поп изгоняет внука (82).

10) Он приказывает кого либо бросить в море (A^{10}). Царь сажает дочь и зятя в бочку, а бочку велит бросить в море (100). Родители высаживают спящего сына в море на лодочке (138).

11) Он околдовывает кого либо или что либо (A^{11}). Здесь следует заметить, что вредитель наносит нередко два-три вреда сразу. Есть формы, которые редко встречаются самостоятельно и тяготеют к соединению с другими формами. К таким формам принадлежит и околдование. Жена превращает мужа в кобеля и изгоняет его (т. е. A^9_{11}; 139). Мачеха превращает падчерицу в рысь и изгоняет ее (149). Даже в тех случаях, когда невеста превращена в утку и уле-

тает, по существу имеется изгнание, хотя оно, как таковое, не упоминается (147, 148).

12) Он совершает подмену (A^{12}). Эта форма в большинстве случаев также является сопроводительной. Нянька превращает невесту в уточку и подменивает ее своей дочерью (т. е. A^{11}_{12}; 147). Служанка ослепляет невесту царя и выдает себя за невесту (A^{6}_{12}; 70).

13) Он приказывает убить (A^{13}). В сущности эта форма представляет собой видоизмененное (усиленное) изгнание. Мачеха велит лакею во время прогулки зарезать падчерицу (121). Царевна приказывает слугам отвезти мужа в лес и убить (113). Обычно в этих случаях требуется представление печени и сердца убитого.

14) Он совершает убийство (A^{14}). Обычно также лишь сопроводительная форма других видов вредительства, служащая их усилением. Царевна похищает волшебную рубашку мужа и убивает его самого (т. е. A^{2}_{14}; 120). Братья убивают младшего и похищают его невесту) A^{1}_{14}. 102). Сестрица отнимает у брата ягоды и убивает его самого (137).

15) Он заточает, задерживает (A^{15}). Царевна заточает Ивана в темницу (107). Морской царь держит в заточении Семена (142).

16) Он угрожает насильственным супружеством (A^{16}). Змей требует в жены царевну (68).

16а) То же между родственниками: брат требует в жены сестру (65). A^{XVI}.

17) Он угрожает каннибализмом (A^{17}). Змей требует на съедение царевну (104). Змей пожрал всех людей в деревне, та же участь угрожает последнему оставшемуся в живых мужику (85).

17а) То же между родственниками (A^{XVII}): сестра стремится съесть брата (50).

18) Он мучает по ночам (A^{18}). Змей (113), чорт (66) мучает царевну по ночам. Ведьма прилетает к девице, сосет ее грудь (116).

19) Он объявляет войну (A^{19}). Соседний царь объявляет войну (96). Сходно: змей разоряет царства (77).

Этим исчерпываются формы вредительства в пределах избранного материала. Однако, далеко не все сказки начинаются с нанесения вреда. Есть и другие начала, которые часто дают такое же развитие, как и сказки, начинающиеся с А. Всматриваясь в это явление, мы можем наблюдать, что эти сказки исходят из некоторой ситуации нехватки или недостачи, что и вызывает поиски, аналогичные поискам при вредительстве. Отсюда вывод, что недостача может быть рассмотрена, как морфологический эквивалент, напр, похищения. Рассмотрим следующие случаи: царевна похищает талисман Ивана. Результатом этого похищения является то, что Ивану этого талисмана недостает. И вот мы видим, что сказка, опуская вредительство, очень часто начинает прямо с недостачи: Ивану хочется иметь волшебную саблю или волшебного коня и проч. Как похищение, так и нехватка определяют собой следующий момент завязки: Иван отправляется в поиски. То же можно сказать о похищенной невесте и просто недостающей невесте и т. д. В первом случае дается некоторый акт, результат которого создает нехватку и вызывает поиски, во втором случае дается готовая нехватка, также вызывающая поиски. В первом случае недостача создается извне, во втором она осознается изнутри.

Мы вполне сознаем, что термины „недостача" и „нехватка" не вполне удачны. Но на русском языке нет таких слов, которыми данное понятие могло бы быть выражено вполне точно и хорошо. Слово „недостаток" звучит лучше, но оно имеет особый смысл, который для данного понятия не подходит. Эту недостачу можно сравнить с нулем, который в ряду цифр представляет собой определенную величину. Данный момент может быть зафиксирован следующим образом:

VIII-а. Одному из членов семьи чего либо не хватает, ему хочется иметь что либо. Опр. недостача, обозн. а).

Случаи эти лишь с трудом поддаются группировке. Можно бы разбить их по формам осознания недостачи (об этом стр. 83), но здесь можно ограничиться распределением по объектам недостачи. Можно отметить следующие формы: 1) недостача невесты (или друга, вообще человека). Эта недостача иногда обрисована очень ярко (герой намерен искать невесту), иногда же она словесно даже не упоминается. Герой холост и отправляется искать невесту—этим дается начало ходу действия;—обозн. a^1; 2) необходимо, нужно волшебное средство, напр. яблоки, вода, кони, сабли и проч.;—обозн. a^2; 3) недостает диковинок (без волшебной силы), как то: жар-птицы, утки с золотыми перьями, дива-дивного и т. д.;—обозн. a^3; 4) специфическая форма: не хватает волшебного яйца с смертью Кощея (с любовью царевны); обозн. a^4; 5) рационализованные формы: не хватает денег, средств к существованию и проч.; обозн. a^5.—Заметим, что подобные бытовые начала иногда развиваются совершенно фантастически; 6) различные другие формы; обозн. a^6. Подобно тому, как объект хищения не определяет собой строя сказки, так же не определяет его и объект недостачи. Следовательно, для общеморфологических целей нет необходимости систематизировать все случаи, можно ограничиться главнейшими, обобщив остальные.

Здесь поневоле возникает вопрос: но ведь далеко не все сказки начинают с вреда или с того начала, которое обрисовано только что. Так, сказка о Емеле-дураке начинается с того, что дурак ловит щуку, а вовсе не с вредительства и пр. При сравнении большего количества сказок обнаруживается, однако, что элементы, свойственные середине сказки, иногда выносятся к началу, и такой случай мы имеем здесь. Поимка и пощада животного—типичный срединный элемент, что мы увидим ниже. Вообще же элементы

А или а обязательны для каждой сказки изучаемого класса. Иных форм завязок не существует.

IX. Беда или недостача сообщается, к герою обращаются с просьбой или приказанием, отсылают или отпускают его. (Опр. посредничество, соединительный момент, обозн. В).

Эта функция вводит в сказку героя. При ближайшем анализе она может быть разложена на составные части, но для наших целей это несущественно. Герои сказки могут быть двоякие: 1) Если похищается девушка и исчезает с горизонта ее отца (а с этим и с горизонта слушателя), и вслед за девушкой отправляется в поиски Иван, то героем сказки является Иван, а не похищенная девушка. Таких героев можно назвать искателями. 2) Если похищается или изгоняется девушка или мальчик и сказка идет с похищенным, изгнанным, не интересуясь тем, что сталось с оставшимися, то героем сказки является похищенная, изгнанная, девушка (мальчик). Искателей в этих сказках нет. Таких героев можно назвать пострадавшими героями[1]. Развиваются ли сказки с теми или другими героями одинаково или нет,—это будет видно ниже. Случаев, когда сказка следит как за искателем, так и за пострадавшим (сравн., „Руслана и Людмилу"), в нашем материале нет. Момент посредничества имеется в обоих случаях. Значение этого момента состоит в том, что им вызывается отправка героя из дома.

1) Издается клич о помощи с последующей отсылкой героя (В[1]). Клич обычно исходит от царя и сопровождается обещаниями.

2) Герой непосредсвенно отсылается (В[2]). Отсылка дана или в форме приказания, или в форме просьбы. В первом случае она иногда сопровождается угрозами, во втором—обещаниям, иногда тем и другим вместе.

---

[1] Ниже представится случай дать более точное определение героя.

3) Герой отпускается из дома (B[3]) В этих случаях инициатива отправки часто исходит от самого героя, а не от отправителя. Родители дают благословение. Иногда герой не сообщает своих подлинных целей. Он просится погулять и проч., а на самом деле идет на борьбу.

4) Беда сообщается (B[4]). Мать рассказывает сыну о похищении дочери, происшедшем до его рождения, не прося его при этом о помощи. Сын отправляется в поиски (74). Чаще, однако, рассказ о беде исходит не от родителей, а от различных старушек, случайных встречных и т. д.

Рассмотренные четыре формы относятся к героям искателям. Последующие формы относятся непосредственно к пострадавшим. Структура сказки требует, чтобы герой во что бы то ни стало отправился из дома. Если это не достигается вредительством, то сказка пользуется для этой цели соединительным моментом.

5) Изгнанный герой увозится из дома (B[5]). Отец увозит изгнанную мачехой дочь в лес. Эта форма во многих отношениях очень интересна. Логически действия отца не нужны. Дочь и сама могла бы пойти в лес. Но сказка требует в соединительном моменте родителей-отправителей. Можно показать, что данная форма есть вторичное образование, но это не входит в цель общей морфологии. Следует заметить, что увоз применяется также по отношению к царевне, затребованной змеем. Она в этих случаях увозится на взморье. Однако, в последнем случае одновременно с этим издается клич. Ход действия определяется кличем, а не увозом на взморье, почему увоз в этих случаях не может быть отнесен к соединительному моменту.

6) Обреченный на смерть герой тайно отпускается (B[6]). Повар или стрелец щадит девушку (мальчика), отпускает их, вместо них убивает животное, чтобы добыть их печень и сердце в качестве доказательства убиения (121, 114). Выше момент B был

определен, как фактор, вызывающий отправку героя из дома. Если отсылка дает необходимость отправиться, то здесь предоставляется возможность отправиться. Первый случай характерен для героя искателя, второй—для пострадавшего героя.

7) Поется жалобная песнь (B^7). Эта форма специфична для убиения (поет оставшийся в живых брат и др.), околдования с изгнанием, подмены. Беда благодаря этому становится известной и вызывает противодействие.

X. Искатель соглашается или решается на противодействие. (Опр. начинающееся противодействие, обозн. С).

Этот момент характеризуется напр., такими словами: „Позволь нам твоих царевен разыскать" и др. Иногда этот момент словами не упоминается, но волевое решение, конечно, предшествует исканию. Этот момент характерен только для тех сказок, где герой является искателем. У изгнанных, убитых, околдованных, подмененных героев нет волевого стремления к освобождению, и здесь этот элемент отсутствует.

XI. Герой покидает дом (Опр. отправка, об.↑). Эта отправка представляет собою нечто иное, чем временная отлучка, обозначенная выше знаком е. Отправки героев—искателей и героев пострадавших также различны. Первые имеют целью поиски, вторые открывают начало того пути без поисков, на котором героя ждут различные приключения. Нужно иметь в виду следующее: если похищается девушка, и за ней идет искатель, то дом покидается двумя лицами. Но путь, за которым следит рассказ, путь, на котором строится действие, есть путь искателя. Если же, напр., изгоняется девушка и искателя нет, то повествование строится на пути пострадавшего героя. Знак ↑ обозначает путь героя, безразлично, является ли он искателем, или нет. В некоторых сказках пространственное

перемещение героя отсутствует. Все действие происходит на одном месте. Иногда, наоборот, отправка усиляется, ей придается характер бегства.

Элементы А В С ↑ представляют собою завязку сказки. Далее развивается ход действия.

В сказку вступает новое лицо, которое может быть названо дарителем или, точнее, снабдителем. Обычно оно случайно встречено в лесу, на дороге и т. д. (См. гл. VI, формы появления действующих лиц). От него герой как искатель, так и пострадавший, получает некоторое средство (обычно волшебное), которое позволяет впоследствии ликвидировать беду. Но прежде, чем происходит получение волшебного средства, герой подвергается некоторым очень различным действиям, которые, однако, все ведут к тому, что в руки героя попадает волшебное средство.

XII. Герой испытывается, выспрашивается, подвергается нападению и пр., чем подготовляется получение им волшебного средства или помощника (Опр. первая функция дарителя, об. Д).

1) Даритель испытывает героя (Д[1]). Яга задает девушке домашние работы (58). Лесные богатыри предлагают герою три года служить (123). Три года службы у купца (бытовая рационализация, 66). Три года обслуживать перевоз, не беря вознаграждения (71); выслушать игру на гуслях, не заснув (123). Яблоня, река, печь предлагают очень простую пищу (64). Яга предлагает лечь с ее дочерью (104). Змей предлагает поднять тяжелый камень (71). Это требование иногда написано на камне, иногда братья, найдя большой камень, сами пытаются его поднять. Яга предлагает устеречь стадо кобылиц (94) и т. д.

2) Даритель приветствует и выспрашивает героя (Д[2]). Эта форма может считаться ослабленной формой испытания. Приветствие и выспрашивание имеется и в вышеприведенных формах, но там оно не носит характера испытания, оно предшествует

Отд. Книга

ему. Здесь же самое испытание отсутствует, а выспрашивание принимает характер косвенного испытания. Если герой отвечает грубо, он ничего не получает, если он отвечает вежливо, ему дается конь, сабля и проч.

3) Умирающий или умерший просит оказать услугу ($Д^3$). Эта форма иногда также принимает характер испытания. Корова просит: „Не ешь моего мяса, косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади и никогда меня не забывай, каждое утро водой их поливай“ (56). Сходную просьбу произносит бык в сказке № 117. Иную форму заупокойной просьбы имеем в сказке № 105. Здесь умирающий отец предлагает сыновьям провести три ночи на его могиле.

4) Пленный просит об освобождении ($Д^4$). Медный мужичок содержится в плену, просит освободить его (68). Чорт сидит в башне, просит солдата освободить его (130). Выловленный кувшин просит, чтобы его разбили, т. е. дух в кувшине просит об освобождении (114).

4*) То же, с предварительным пленением дарителя. Если, напр., в сказке № 67 ловится леший, то этот поступок не может считаться самостоятельной функцией, он лишь подготовляет последующую просьбу пленника. Об. *$Д^4$.

5) К герою обращаются с просьбой о пощаде ($Д^5$). Эта форма могла бы считаться подразрядом предыдущей. Ей предшествует поимка, или же герой целится в животное, хочет его убить. Герой ловит щуку, она просит его отпустить ее. (100 б). Герой целится в животных, они просят отпустить их (93).

6) Спорщики просят разделить их ($Д^6$). Два великана просят разделить им клюку и помело (107). Просьба спорщиков не всегда произносится. Иногда герой по собственной инициативе предлагает раздел (обозн. $д^6$). Звери не могут поделить падали. Герой ее разделяет (97).

7) Другие просьбы ($Д^{7}$). Собственно говоря, просьбы составляют самостоятельный разряд, а виды их составляют подразряды, но, во избежание слишком громоздкой системы обозначения, можно условно считать все разновидности разрядами. Выделив главные формы, остальные можно обобщить.—Мыши просят накормить их (58). Вор просит обворованного донести ему похищенное (131). Далее случай, который может быть отнесен сразу к двум разрядам: Кузинька ловит лисичку. Лисичка просит: „Не убивай меня (просьба о пощаде $Д^{5}$), изжарь для меня курочку с маслицем, пожирнее“ (вторая просьба $Д^{7}$). Так как такой просьбе предшествует пленение, обозначаем весь случай—$*Д^{5}_{7}$. Случай иного характера, также с предшествующей угрозой или приведением просителя в беспомощное состояние: герой похищает у купальщицы одежду, она просит отдать ее (131). Иногда имеется просто беспомощное состояние, без произнесенной просьбы. (Птенцы мокнут под дождем, дети мучают кошку). Герою в этих случаях представляется возможность оказать услугу. Объективно здесь имеется испытание, хотя субъективно оно не ощущается как таковое героем (обозн. $д^{7}$).

8) Враждебное существо пытается уничтожить героя ($Д^{8}$). Ведьма пытается посадить героя в печь (62). Ведьма пытается отрубить героям ночью головы (60). Хозяин пытается отдать гостей ночью на съедение крысам (122). Колдун пытается извести героя, оставив его одного на горе (136).

9) Враждебное существо вступает с героем в борьбу ($Д^{9}$). Яга и герой борются. Борьба в лесной избушке с различными обитателями леса встречается очень часто. Борьба носит характер драки, потасовки.

10) Герою показывают волшебное средство, предлагают обменять его ($Д^{10}$). Разбойник показывает дубину (123), купцы показывают диковинки (122), старик показывает меч (151). Они предлагают их для обмена.

XIII. Герой реагирует на действия будущего дарителя. (Опр. реакция героя, обозн. Г).

В большинстве случаев реакция может быть положительной или отрицательной.

1) Герой выдерживает (не выдерживает) испытание ($Г^{1}$).

2) Герой отвечает (не отвечает) на приветствие ($Г^{2}$).

3) Он оказывает (не оказывает) услугу умершему. ($Г^{3}$).

4) Он отпускает плененного ($Г^{4}$).

5) Он щадит просящего ($Г^{5}$).

6) Он совершает раздел и мирит спорщиков ($Г^{6}$). Просьба спорщиков (или просто спор без просьбы) чаще вызывает иную реакцию. Герой обманывает спорщиков, заставляя их, например, бежать за пущенной стрелой, а сам тем временем похищает спорные предметы ($Г^{VI}$).

7) Герой оказывает какую нибудь иную услугу ($Г^{7}$). Иногда эти услуги соответствуют просьбам, иногда же они вызваны просто добротой героя. Девушка угощает прохожих нищенок (65). Особый подразряд могли бы составить формы религиозного характера. Герой сжигает во славу божию боченок с ладаном. Сюда же может быть отнесен один случай молитвы (66).

8) Герой спасается от покушения, применяя средства враждебного существа к нему самому ($Г^{8}$). Он сажает в печь ягу, заставляя ее показать, как влезать (62). Герои тайно меняются одеждой с дочерьми яги, она их убивает вместо героев (60). Колдун сам остается на той горе, куда хотел посадить героя (136).

9) Герой побеждает (или не побеждает) враждебное существо ($Г^{9}$).

10) Герой соглашается на обмен, но немедленно применяет волшебную силу предмета к отдателю ($Г^{10}$). Старик предлагает казаку меч-самосек в обмен на волшебную бочку. Казак ме-

няется и сразу же приказывает мечу отрубить старику голову, добывая таким образом обратно и бочку (151).

XIV. В распоряжение героя попадает волшебное средство. (Опр. снабжение, получение волшебного средства, обозн. Z).

Волшебными средствами могут служить: 1) животные (конь, орел и проч.); 2) предметы, из которых являются волшебные помощники (огниво с конем, кольцо с молодцами); 3) предметы, имеющие волшебное свойство, как, напр., дубины, мечи, гусли, шары и мн. друг.; 4) качества, даруемые непосредственно, как, напр., сила, способность превращаться в животных и т. д. Все эти объекты передачи называются нами (пока условно) волшебными средствами [1]. Формы передачи следующие:

1) Средство передается непосредственно (Z^1). Очень часто подобные передачи носят характер награждения. Старик дарит коня, лесные животные дарят своих детенышей и т. д. Иногда герой, вместо того, чтобы получить в свое распоряжение животное, получает способность превращаться в него (подробности см. ниже в гл. VI). Некоторые сказки на моменте награждения завершаются. В таких случаях дар представляет собой некоторую материальную ценность, а не волшебное средство (z^1). Если реакция героя была отрицательной, то передача может не произойти (Z neg), или замениться жестоким возмездием. Герой съедается, замораживается, из спины вырезается ремень, его бросают под камень и проч. (Об. Z contr).

2) Средство указывается (Z^2). Старуха указывает дуб, под которым находится летучий корабль (83). Старик указывает крестьянина, у которого можно взять волшебного коня (78).

3) Средство изготовляется (Z^3). „Колдун вышел на берег, нарисовал на песке лодку и говорит:

---

[1] Подробнее об отношении волшебных средств друг к другу см. ниже.

Ну, братцы, видите ли эту лодку?“ „Видим!“ „Садитесь в нее!“ (78).

4) Средство продается и покупается (Z^4). Герой покупает волшебную куру (114), собаку и кошку (112) и др. Среднюю форму между покупкой и изготовлением представляет собой изготовление на заказ. Герой заказывает в кузнице цепь (60. Обозн. такого случая Z_3^4).

5) Средство случайно попадается герою (находится им) Z^5. Иван видит в поле коня, садится на него (73). Он набредает на дерево с волшебными яблоками (113).

6) Средство внезапно появляется само собой (Z^6). Вдруг появляется лестница на гору (93). Особую форму самостоятельного появления представляет собою вырастание из земли (Z^{VI}), причем одинаково могут вырастать и волшебные кусты (56, 57), прутики, собака и конь (117), карлик.

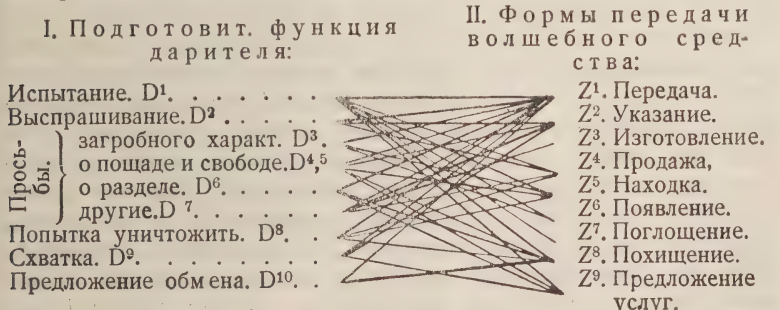
7) Средство выпивается или съедается (Z^7). Строго рассуждая—это не форма передачи, тем не менее эта форма условно может быть координирована приведенным случаям. Три напитка дают необычайную силу (68). Съеденные птичьи потроха придают героям различные волшебные качества (114).

8) Средство похищается (Z^8). Герой похищает у яги коня (94). Он похищает предметы спорщиков (115). Применение волшебных средств к персонажу, который их обменил, и обратное отнятие отданных предметов также может считаться особой формой похищения.

9) Различные персонажи сами предоставляют себя в распоряжение героя (Z^9). Животное, например, может или подарить детеныша, или же оно может само предложить свои услуги герою. Оно как бы дарит самого себя. Сравним следующие случаи. Конь не всегда передается непосредственно или в огниве. Иногда даритель сообщает только формулу заклинания, при помощи которой коня можно вызвать. В последнем случае Ивану собственно не да-

рится ничего. Он получает лишь право на помощника. Этот же случай мы имеем, когда проситель дает Ивану право на самого себя. Щука сообщает Ивану формулу, при помощи которой ее можно вызвать (только скажи: по щучьему велению и проч.). Если, наконец, опускается и формула, и животное просто обещает „в некое время я тебе пригожусь", то перед нами все же момент, когда герой получает в распоряжение волшебное средство в лице животного. Они затем становятся помощниками Ивана (обозн. z^9). Нередко случается, что различные волшебные существа без всякой подготовки, вдруг являются, встречаются на пути, предлагают свою помощь и принимаются в помощники (Z^6_9). Чаще всего это герои с необычайными атрибутами, или же персонажи, обладающие разными волшебными свойствами (Объедало, Опивало, Мороз-Трескун).

Раньше, чем продолжать дальнейшую регистрацию функций, здесь может быть поставлен вопрос: в каком соединении встречаются виды элементов Д (подготовка передачи) и Z (передача)? [1] Следует только заметить, что при отрицательной реакции героя встречается только Z neg. (передача не происходит) или же Z contr. (неудачник жестоко наказывается). При положительной же реакции встречаются следующие соединения:



[1] Более широко вопрос о связях разновидностей будет поставлен в последней главе.

Из этой схемы видно, что связи чрезвычайно разнообразны и что, следовательно, в целом может быть зафиксирована широкая заменяемость одних разновидностей другими. Но, если всмотреться в схему внимательнее, то бросается в глаза, что некоторые соединения отсутствуют. Отсутствие это частично объясняется недостаточностью материала, но некоторые связи были бы нелогичны. Таким образом мы приходим к заключению, что существуют типы связей. Если исходить при определении типов от форм передачи волшебного средства, то можно зафиксировать два типа связей:

1) Похищение волшебного средства, связанное с попыткой уничтожить героя (изжарить и проч.), с просьбой о разделе, с предложением обмена.

2) Все другие формы передачи и получения, связанные со всеми другими подготовляющими формами. Просьба о разделе относится ко второму типу, если раздел действительно производится, но к первому, если спорщики обманываются. Далее, можно заметить, что находка, покупка и внезапное самостоятельное появление волшебного средства или помощника чаще всего встречаются без всякой подготовки. Это — рудиментарные формы. Но, если они все же подготовляются, то в формах второго типа, а не первого. В связи с этим может быть затронут вопрос о характере дарителей. Второй тип чаще всего дает дружественных дарителей (за исключением тех, которые отдают волшебное средство поневоле, после драки), первый тип дает дарителей враждебных, или, во всяком случае, обманутых. Это уже не дарители в собственном смысле слова, а персонажи, снабжающие героев поневоле. Внутри форм каждого типа все соединения возможны и логичны, хотя бы они и отсутствовали. Так, например, испытующий или благодарный даритель может средство передать, указать, продать, изготовить, может дать герою найти его и т. д. С другой стороны, у обманутого дарителя средство может только похищаться или отниматься. Вне этих типов соединения нелогичны. Так,

например, нелогично, если герой, исполнив трудную задачу яги, затем похищает у нее жеребенка. Это не значит, что таких соединений в сказке нет. Они есть, но рассказчик в таких случаях дополнительно должен мотивировать поступки своих героев. Другой образец нелогичной связи, очень прозрачно мотивированной: Иван бьется со стариком. Нечаянно во время боя старик дает Ивану испить сильной воды. Это „нечаянно" становится понятным, если сравнить этот случай с теми сказками, где напиток дается благодарным или, вообще, дружественным дарителем. Таким образом мы видим, что нелогичность связи сказочника не останавливает. Если итти чисто эмпирическим путем, то придется утверждать заменяемость всех разновидностей элементов Д и Z относительно друг друга.

Несколько конкретных примеров связи:

Тип II.

$Д^1$ $Г^1$ Z^1. Яга заставляет героя пасти стадо кобылиц. Следует вторая задача, герой ее выполняет, получает коня (95).

$Д^2$ $Г^2$ Z^2. Старичок выспрашивает героя. Тот отвечает грубо, не получает ничего. Затем он возвращается, отвечает вежливо; получает коня (92).

$Д^3$ $Г^3$ Z^1. Умирающий отец просит сыновей провести три ночи на его могиле. Младший выполняет просьбу, получает коня (195).

$Д^3$ $Г^3$ Z^{VI}. Бычок просит царских детей его заре-зать, сжечь, и пепел посеять на трех грядках. Герой это выполняет. Из одной грядки вырастает яблоня, из другой—собака, из третьей—конь (118).

$Д^1$ $Г^1$ Z^5. Братья находят большой камень. „Нельзя ли его сдвинуть?" (Испытание без испытателя). Старшие этого не могут, младший камень отодвигает, под камнем обнаруживается подвал, в подвале Иван находит трех коней (77).

Список этот может быть продолжен ad libitum. Нужно только заметить, что в подобных случаях могут передаваться не только кони, но и другие волшебные

дары. Здесь выбраны примеры с конями, чтобы резче оттенить морфологическое родство.

Тип I.

$Д^{6}$ $Г^{VI}$ Z^{8}. Три спорщика просят о разделе волшебных предметов. Герой заставляет спорщиков бежать взапуски, тем временем похищает предметы (шапку, ковер, сапоги).

$Д^{8}$ $Г^{8}$ Z^{8}. Герои попадают к яге. Она хочет ночью отрубить им головы. Они подсовывают ей ее дочерей. Братья бегут, младший похищает волшебный платочек (61).

$Д^{10}$ $Г^{10}$ Z^{8}. Герою служит невидимый дух Шмат-Разум. Три купца предлагают в обмен на него ящичек (сад), топор (корабль), рожок (войско). Герой соглашается на обмен, а затем зовет обратно и своего помощника.

Мы видим, что замена одних разновидностей другими в пределах каждого типа действительно практикуется очень широко. Другой вопрос, не связаны ли известные о б ъ е к т ы передачи с известными ф о р м а м и передачи, т. е. не всегда ли дается конь, и не всегда ли похищается ковер-самолет и т. д.? Хотя наше рассмотрение касается только функций, как таковых, мы можем указать (без доказательств), что такой нормы не существует. Конь, который чаще всего дается, в сказке № 95 похищается. Наоборот, волшебный платочек, спасающий от погони, обычно похищаемый, в сказке № 94 и др. дарится. Летучий корабль и изготовляется, и указывается, и дарится и т. д.

Возвращаемся к перечислению функций действующих лиц. После получения волшебного средства следует его применение, или, если в руки героя попало живое существо, его непосредственная помощь по приказанию героя. Этим герой внешне теряет всякое значение: сам он не делает ничего, помощник исполняет все. Тем не менее морфологическое значение героя очень велико, так как его намерения создают стержень рассказа. Эти намерения проявляются в различных при-

казаниях, которые герой дает своим помощникам. Теперь может быть дано более точное определение героя, чем это было сделано выше. Герой волшебной сказки—это персонаж, или непосредственно пострадавший от действия вредителя в завязке (resp. ощущающий некоторую нехватку), или согласившийся ликвидировать беду или недостачу другого лица. В ходе действия герой—это лицо, которое снабжается волшебным средством (волшебным помощником) и пользуется или обслуживается им.

XV. Герой переносится, доставляется или приводится к месту нахождения предмета поисков. (Опр.: пространственное перемещение между двумя царствами, путеводительство; обозн. R).

Обычно объект поисков находится „в другом", „ином" царстве. Это царство может лежать или очень далеко по горизонтали, или очень высоко или глубоко по вертикали. Способы соединения могут быть во всех случаях одинаковыми, но для глубин и для высот есть специфические формы.

1) Он летит по воздуху (R^1). На коне (104), на птице (121), в образе птицы (97), на летучем корабле (78), на ковре-самолете (113), на спине великана или духа (121), в коляске чорта (91) и т. д. Полет на птице иногда сопровождается деталью: ее по пути нужно кормить, герой берет с собой быка и проч.

2) Он едет по земле или воде (R^2). Верхом на коне или на волке (102). На корабле (138). Безрукий несет безногого (116). Кот переплывает реку на спине собаки (112),

3) Его ведут (R^3). Клубочек указывает путь (129). Лисица ведет героя к царевне (98).

4) Ему указывают путь (R^4). Еж указывает путь к похищенному братцу (64).

5) Он пользуется неподвижными средствами сообщения (R^5). Он взбирается по лест-

нице (93), находит подземный ход и пользуется им (81), идет по спине огромной щуки, как по мосту (93), опускается на ремнях и проч.

6) Он идет по кровавым следам (R^6). Герой побеждает обитателя лесной избушки, тот бежит, скрывается под камнем. По его следам Иван находит вход в иное царство.

Этим исчерпываются формы перемещения героя. Нужно заметить, что доставка, как особая функция, иногда выпадает. Герой просто доходит до места, т. е. функция R является естественным продолжением функции ↑. В таком случае функция R не фиксируется.

XVI. Герой и вредитель вступают в непосредственную борьбу. (Опр. борьба, обозн. Б).

Эту форму следует отличать от борьбы (драки) с враждебным дарителем. Формы эти могут быть отличаемы по последствиям. Если в результате враждебной встречи герой получает средство для дальнейших поисков, то перед нами элемент Д. Если же в результате победы в руки героя попадает самый объект поисков, за которым он был послан, то перед нами элемент Б.

1) Они бьются на открытом поле ($Б^1$). Сюда прежде всего относится бой со змеем или с Чудо-Юдой и проч. (68), а также бой с неприятельским войском, с богатырем и т. д. (122).

2) Они вступают в состязание ($Б^2$). В юмористических сказках самого боя иногда не происходит. После перебранки (иногда совершенно аналогичной с перебранкой перед боем) герой и вредитель вступают в состязание. Герой при помощи хитрости одерживает победу.—Цыган обращает в бегство змея, выжимая кусок творога вместо камня, выдавая удар дубины по затылку за свист и т. д. (85).

3) Они играют в карты ($Б^3$). Герой и змей (чорт) играют в карты (113,90).

4) Особую форму имеет сказка № 50. Здесь змеиха предлагает герою: „Пусть Иван-Царевич идет со мной на весы—кто кого перевесит“ [1].

XVII. Героя метят. (Опр. клеймение, отметка, обозн. К).

1) Метка наносится на тело ($К^1$). Герой во время боя получает рану. Царевна будит его перед боем, нанося ему ранку ножом в щеку (68). Царевна метит героя перстнем в лоб (114). Она его целует, отчего на лбу загорается звезда.

2) Герой получает кольцо или полотенце ($К^2$). Соединение двух форм мы имеем в том случае, если героя ранят в бою, и рана перевязывается платочком царевны или короля.

XVIII. Вредитель побеждается. (Опр., победа, обозн. П).

1) Он побеждается в открытом бою ($П^1$).

2) Он побеждается при состязании ($П^2$).

3) Он проигрывает в карты ($П^3$).

4) Он проигрывает при взвешивании ($П^4$).

5) Он убивается без предварительного боя ($П^5$). Змея убивают спящим (81). Змиулан прячется в дупло, его убивают (99).

6) Он непосредственно изгоняется ($П^6$). Царевна, одержимая дьяволом, одевает на шею образ. „Вражья сила клубом вылетела вон“ (66).

Победа встречается и в негативной форме. Если на бой вышло два или три героя, то один из них (генерал) прячется, а другой одерживает победу (Обозн.* $П^1$).

XIX. Начальная беда или недостача ликвидируется. (Обозн. Л).

Данная функция образует пару с вредительством (А). Этой функцией рассказ достигает своей вершины.

---

[1] Любопытный рудимент психостазии.

1) Объект поисков похищается с применением силы или хитрости ($Л^1$). Герои здесь иногда применяют те же средства, которые применяют вредители при начальном похищении. Конь Ивана обращается в нищего, просит милостыни. Царевна подает. Иван выбегает из кустов, они ее схватывают и уносят (107).

1а)—Иногда добыча совершается двумя персонажами, из которых один заставляет совершить добычу другого. Конь наступает на рака, заставляет его принести подвенечное платье. Кот ловит мышь, заставляет ее принести колечко (112). Об. $Л^1$.

2) Объект поисков добывается несколькими персонажами сразу, с быстрой сменой их действий ($Л^2$). Распределение вызывается рядом следующих друг за другом неудач или попытками похищенного бежать. — Семь Семионов добывают царевну: вор ее похищает — она улетает лебедью; стрелец ее подстреливает, другой вместо собаки достает ее из воды и т. д. (84). Сходно добывается яйцо со смертью Кощея. Заяц, утка, рыба убегают, улетают, уплывают, унося яичко. Волк, ворона, рыба его добывают (93).

3) Объект поисков добывается при помощи приманок ($Л^3$). Форма, в иных случаях очень близкая к $Л^1$. Герой заманивает царевну при помощи золотых вещей на корабль и увозит ее (135). Особый подразряд могла бы составить приманка в форме предложения обмена. Ослепленная девушка вышивает чудесную корону, посылает ее злодейке служанке; в обмен на корону та отдает глаза, которые таким образом добываются обратно (70).

4) Добыча искомого является непосредственным результатом предыдущих действий ($Л^4$). Если, напр., Иван убил змея и затем женится на освобожденной царевне, то здесь нет добычи, как особого акта, но есть добыча, как функция, как этап хода действия. Царевна не схватывается, не уносится, тем не менее она добывается. Она добыта в результате боя. Добыча в этих случаях — логический

элемент. Добыча может совершаться в результате и иных действий, не только боя. Так, Иван может найти царевну в результате путеводительства.

5) Объект поисков добывается мгновенно, путем применения волшебного средства ($Л^5$). Двое молодцов (являются из волшебной книги) вихрем доставляют оленя—золотые рога (122).

6) Применением волшебного средства изживается бедность ($Л^6$). Волшебная утка несет золотые яйца (114). Сюда же относится скатерть-самобранка и конь, рассыпающийся золотом (108). Иную форму скатерти-самобранки имеем в образе щуки: „По щучьему велению, по божьему благословению будь стол накрыт и обед готов“ (101).

7) Объект поисков ловится ($Л^7$). Эта форма типична для аграрных хищений. Герой ловит кобылицу, ворующую сено (60). Он ловит журавля, ворующего горох (109).

8) Заколдованный расколдовывается ($Л^8$). Эта форма типична для $А^{11}$ (околдование). Расколдование происходит или при помощи сжигания кожуха, или при помощи формулы: будь опять девицей.

9) Убитый оживляется ($Л^9$). Из головы удаляется шпилька или мертвый зуб (118—119). Героя вспрыскивают живой и мертвой водой.

9а) Подобно тому, как при обратном похищении одно животное заставляет действовать другое, так и здесь волк ловит ворона и заставляет его мать принести живой и мертвой воды (102). Такое оживление с предварительной добычей воды может быть выделено в особый подразряд (Обозн. $Л^{IX}$) [1].

10) Плененный освобождается ($Л^{10}$). Конь разбивает двери темницы и выпускает Ивана (107). Эта форма морфологически не имеет ничего общего, напр., с выпуском лешего, так как там создается повод для

[1] Предварительную добычу воды можно бы рассматривать также, как особую форму *Z* (получения волшебного средства).

благодарности и для передачи волшебного средства, здесь же уничтожается завязочная беда. Особую форму освобождения имеем в сказке № 145. Здесь морской царь в полночь всегда выносит своего пленника на берег. Герой умоляет солнце освободить его. Два раза солнце опаздывает. В третий раз „солнце засияло своими лучами, и уж морской царь не смог больше взять его в полон".

11) Иногда добыча объекта поисков совершается в тех же формах, что и добыча волшебного средства, т. е. он дарится, его место указывается, он покупается и т. д. Обозначение таких случаев: $ЛZ^1$—непосредственная передача, $ЛZ^2$—указание и т. д., как выше.

XX. Герой возвращается (Опр. возвращение, об.↓). Возвращение обычно совершается в тех же формах, что и прибытие. Однако, фиксировать здесь вслед за возвращением особую функцию нет необходимости, так как возвращение уже означает преодоление пространства. При отбытии туда это не всегда так. Там вслед за отбытием дается средство (конь, орел и проч.), и затем уже происходит полет или другие формы путешествия, здесь же возвращение происходит сразу и притом большей частью в тех же формах, что и прибытие. Иногда возвращение имеет характер бегства.

XXI. Герой подвергается преследованию. (Опр. преследование, погоня, обозн. Пр.).

1) Преследователь летит за героем (Пр.^{1}). Змей догоняет Ивана (95), ведьма летит за мальчиком (60), гуси летят за девочкой (64).

2) Он требует виноватого (Пр.^{2}). Эта форма чаще всего также связана с полетом. Отец змея высылает летучий корабль. С корабля кричат: „Виноватого! виноватого!" (68).

3) Он преследует героя, быстро превращаясь в различных животных и проч. (Пр.^{3}). Форма, в некоторых стадиях также связанная с полетом.

Колдун преследует героя в образе волка, щуки, человека, петуха (140).

4) Преследователи (змеевы жены и друг.) обращаются заманчивыми предметами и становятся на пути героя (Пр.[4]). „Забегу вперед и пущу ему день жаркий, а сама сделаюсь зеленым лугом: в этом зеленом лугу обращусь я колодцем, в этом колодце станет плавать серебряная чарочка... Тут и разорвет их по макову зернышку“ (76). Змеихи обращаются садами, подушками, колодцами и проч. Каким образом они перегоняют героя, об этом сказка ничего не сообщает.

5) Преследователь пытается поглотить героя (Пр.[5]). Змеиха обращается девушкой, обольщает героя, а затем обращается в львицу и хочет Ивана проглотить (92). Змеиха-мать открывает пасть от неба до земли (92).

6) Преследователь пытается убить героя (Пр[6]). Он старается вбить ему в голову мертвый зуб (118).

7) Он старается перегрызть дерево, на котором спасается герой. (Пр[7]).

XXII. Герой спасается от преследования. (Опр. спасение, обозн. Сп.).

1) Он уносится по воздуху (иногда спасается молниеносно-быстрым бегством). Герой улетает на коне (95), на гусях (62). (Об. Сп[1].)

2) Герой бежит, во время бегства ставит преследователю препятствия (Сп[2]). Он бросает щетку, гребенку, полотенце. Они превращаются в горы, леса, озера. Сходно: Вертогор и Вертодуб выворачивают горы и дубы, ставят их на пути змеихи (50).

3) Герой во время бегства обращается предметами, делающими его неузнаваемым (Сп[3]). Царевна превращает себя и царевича в колодец и ковшик, в церковь и попа (125).

4) Герой во время бегства прячется (Сп[4]). Речка, яблоня, печь прячут девушку (64).

5) Он прячется у кузнецов (Сп[5]). Змеиха требует виноватого. Иван спрятался у кузнецов, кузнецы схватывают ее за язык, бьют по ней молотками (76). С этой формой несомненно стоит в связи случай в сказке № 90. Черти посажены солдатом в ранец, отнесены в кузницу и избиты тяжелыми молотками.

6) Он спасается бегством с быстрым превращением в животных, камни и пр. (Сп[6]). Герой бежит в образе коня, ерша, кольца, зерна, сокола (140). Существенным для этой формы является самое превращение. Бегство иногда может и отсутствовать; такие формы могут считаться особым подразрядом. Девушка убивается, из нее выростает сад. Сад вырубается, он обращается в камень и т. д. (70).

7) Он избегает соблазна обращенных змеих (Сп[7]). Иван порубает сад, колодец и проч. Из них течет кровь (77).

8) Он не дает себя проглотить (Сп[8]). Иван перескакивает на своем коне через пасть змеихи. Он узнает в львице змеиху и убивает ее (92).

9) Он спасается от покушения на его жизнь (Сп[9]). Звери во-время извлекают из его головы мертвый зуб.

10) Он перескакивает на другое дерево (Сп[10]).

На спасении от преследования очень многие сказки кончаются. Герой прибывает домой, затем, если была добыта девушка, женится и т. д. Но это бывает далеко не всегда. Сказка заставляет героя пережить новую беду. Опять является вредитель, у Ивана похищается добыча, сам он убивается и т. д. Словом, повторяется завязочное вредительство, иногда в тех же формах, что и в начале, иногда в других, для данной сказки новых. Этим дается начало новому рассказу. Специфических форм повторного вредительства нет, т. е. мы опять имеем похищение, околдование, убиение и т. д. Но есть специфические вредители для этой новой беды. Это—старшие братья Ивана. Незадолго до прибытия домой они отбирают у Ивана добычу, иногда убивают

его самого. Если они оставляют его в живых, то для того, чтобы создалось новое искательство, нужно опять как то положить огромную пространственную грань между героем и предметом его поисков. Это достигается тем, что Ивана сбрасывают в пропасть (в яму, в подземное царство, иногда в море), куда он летит иногда целых три дня. Затем повторяется все сначала, т. е. опять случайная встреча с дарителем, выдержанное испытание или оказанная услуга и проч., получение волшебного средства и применение его, чтобы вернуться домой в свое царство. С этого момента развитие иное, чем в начале, к чему мы перейдем ниже.

Это явление означает, что многие сказки состоят из двух р я д о в функций, которые можно назвать х о д а м и. Новое вредительство создает новый ход, и таким образом иногда соединяется в один рассказ целый ряд сказок. Впрочем, развитие, которое будет обрисовано ниже, хотя и создает новый ход, но является продолжением данной сказки. В связи с этим впоследствии придется поставить вопрос, как определить, сколько сказок имеется в каждом тексте.

VIII_{bis}. *Братья похищают добычу Ивана [сбрасывают его самого в пропасть].* Вредительство уже обозначено через А. Если братья похищают невесту, обозначаем A^1. Если похищается волшебное средство—A^2. Если похищение сопровождается убиением—A^1_{14}. Формы, связанные с сбрасыванием в пропасть, обозначаем $*A^1$, $*A^2$, $*A^2_{14}$ и т. д.

X—XI_{bis}. *Герой вновь отправляется в поиски* (С ↑). См. X—XI. Этот элемент здесь иногда опускается. Иван бродит, плачет и как будто не думает о возвращении. Элемент В (отсылка) в этих случаях всегда также опускается, так как Ивана нечего посылать, раз невеста похищена у него самого.

XII_{bis}. *Герой вновь подвергается действиям, ведущим к получению им волшебного средства.* (Д; см. XII).

XIII$_{bis}$. *Герой вновь реагирует на действия будущего дарителя* (Г; см. XIII).

XIV$_{bis}$. *В распоряжение героя попадает новое волшебное средство* (*Z*; см. XIV).

XV$_{bis}$ *Герой доставляется или привозится к месту нахождения предмета поисков* (R; см. XV) В этом случае он доставляется домой.

С этого момента развитие повествования уже иное, сказка дает новые функции.

XXIII. Герой неузнанным прибывает домой или в другую страну. (Опр. неузнанное прибытие, обозн.^{0}) Здесь можно усмотреть два разряда. 1) Прибытие домой. Герой останавливается у какого нибудь ремесленника: золотаря, портного, башмачника, поступает к нему в ученики. 2) Он прибывает к иному королю, поступает на кухню поваром или служит конюхом. Наряду с этим иногда приходится обозначать и простое прибытие.

XXIV. Ложный герой предъявляет необоснованные притязания. (Опр. необоснованные притязания, обозн. Ф).

Если герой прибывает домой, то притязания предъявляют братья. Если же он служит в ином царстве, их предъявляют генерал или водовоз и др. Братья выдают себя за добытчиков, генерал—за победителя змея. Эти две формы можно бы считать особыми разрядами.

XXV. Герою предлагается трудная задача. (Опр. трудная задача, обозн. З).

Это один из любимейших элементов сказки. Задачи даются и вне связи, только что обрисованной, но эти связи будут нас занимать несколько ниже; пока же займемся задачами, как таковыми. Задачи эти настолько разнообразны, что каждая требовала бы особого обозначения. Однако, в эти детали пока нет необходимости входить. Так как не будет дано точного распределения, то мы перечислим все случаи нашего материала, при-

близительно разбив их по группам. Испытание едой и питьем: съесть известное количество быков, возов хлеба, выпить много пива (77, 78, 83). Испытание огнем: помыться в чугунной раскаленной бане. Эта форма всегда связана с предыдущей (77, 78, 83). Отдельно: выкупаться в кипятке (103). Задачи на отгадывание и проч.: задать неразрешимую загадку (132), рассказать, истолковать сон (134), сказать, о чем каркают вороны у царского окна и отогнать их (138), узнать (отгадать) приметы царской дочери (131).—Задачи на выбирание: из двенадцати равных девушек (мальчиков) указать искомых (125, 126, 140). — Прятки: спрятаться так, чтобы нельзя было отыскать (130).—Поцеловать царевну в окне (105, 106).—Прыгнуть на ворота (57).—Испытание силы, ловкости, мужества: царевна ночью душит Ивана или жмет его руку (116, 76); дана задача поднять отрубленные головы змея (104), объездить коня (116); выдоить стадо диких кобылиц (103). Победить богатырь-девку (118); победить соперника (101).—Испытание терпения: провести семь лет в оловянном царстве 151).—Задача на доставку и изготовление: доставить лекарство (67), доставить подвенечное платье, кольцо, башмаки (73, 79, 93, 103). Доставить волосы морского царя (77, 133). Доставить летучий корабль (83). Достать живую воду (83). Поставить полк солдат (83). Добыть семьдесят семь кобылиц (103). Поставить за ночь дворец (112), мост к нему (121). Принести „к моему незнаемому под пару“ (113). Задачи на изготовление: сшить рубашки (59, 150), испечь хлеба (150; в качестве третьей задачи в этом случае царь предлагает „кто лучше пляшет“). Другие задачи: Сорвать ягоды с известного куста или дерева (56, 57). Перейти на жердочке через яму (77). „У кого свеча сама собой загорится“ (114).

О том, как эти задачи могут быть отличены от других, очень сходных элементов, будет сказано ниже, в главе об ассимиляциях.

XXVI. Задача решается. (Опр. р е ш е н и е, обозн. Р). Формы решения, конечно, в точности соответствуют формам задач. Некоторые задачи решаются раньше, чем они задаются, или раньше, чем задающий требует решения. Так, герой сперва узнает приметы царевны, а затем уже дается задача. Такие случаи предварительного решения будем обозначать знаком *Р.

XXVII. Героя узнают. (Опр. у з н а в а н и е, обозн. У). Он узнается по отметке, по клейму (рана, звезда) или по переданному ему предмету (колечко, полотенце). В этом случае узнавание представляет собою функцию, корреспондирующую с клеймением, с отметкой. Он узнается также по решению трудной задачи (в этом случае почти всегда предшествует неузнанное прибытие), или же узнавание происходит непосредственно после долгой разлуки. В этом случае узнавать друг друга могут родители и дети, братья и сестры и т. д.

XXVIII. Ложный герой или вредитель изобличается. (Опр. о б л и ч е н и е, обозн. О).

Эта функция большей частью связана с предыдущей. Иногда она является результатом нерешенной задачи (ложный герой не может поднять голов змея). Чаще всего она дается в форме рассказа („Тут царевна рассказала все, как было"). Иногда все события рассказываются с самого начала в виде сказки. Вредитель в числе слушателей, он выдает себя возгласами неодобрения (115). Иногда поется песня, повествующая о происшедшем и изобличающая вредителя (137). Есть и другие единичные формы обличения (144).

XXIX. Герою дается новый облик. (Опр. т р а н с ф и г у р а ц и я, обозн. Т).

1) Н о в ы й о б л и к д а е т с я н е п о с р е д с т в е н н о в о л ш е б н ы м д е й с т в и е м п о м о щ н и к а (T^1). Герой проходит сквозь уши коня (коровы), получает новый, прекрасный облик.

2) Герой выстраивает чудесный дворец (T^2). Сам он во дворце ходит царевичем. Девушка за ночь вдруг просыпается в чудесном дворце (70). Хотя герой в этом случае не всегда меняет свой облик, но все же в этих случаях перед нами преображение, особый вид его.

3) Герой одевает новую одежду (T^3). Девушка одевает (волшебное?) платье и убор, вдруг обретает сияющую красоту, которой все дивятся (129).

4) Рационализованные и юмористические формы (T^4). Эти формы частью объясняются предыдущими, как их трансформации, частью должны быть изучены и объяснены в связи с изучением сказок-анекдотов, откуда они пришли. Собственно перемены облика в этих случаях нет, но обманом достигается его видимость. Примеры: лиса ведет Кузиньку к королю, говорит, что Кузинька упал в канаву, просит одежды. Ей дают королевскую одежду. Кузинька входит в царской одежде, принят за царевича. Все подобные случаи могут быть формулированы: ложное доказательсто богатства и красоты, принятое за действительное доказательство.

XXX. Вредитель наказывается. (Опр. наказание, обозн. Н).

Он расстреливается, изгоняется, привязывается к хвосту лошади, кончает самоубийством и пр. На ряду с этим иногда имеем великодушное прощение (H_{neg}). Наказывается обычно только вредитель второго хода и ложный герой, а первый вредитель наказывается только в тех случаях, когда в рассказе нет боя и погони. В противном случае он убивается в бою, или погибает при погоне (ведьма лопается при попытке выпить море и проч.).

XXXI. Герой вступает в брак и воцаряется. (Опр.: свадьба, обозн. С).

1) Невеста и царство даются или сразу, или герой получает сперва полцарства, а по смерти родителей и все. Обозн. С**.

2) Иногда герой только женится, но невеста его—не царевна, воцарения не происходит. Обозн. С*.

3) Иногда, наоборот, говорится только о достижении престола. Обозн. С*.

4) Если сказка незадолго до венчания прерывается новым вредительством, то первый ход кончается помолвкою, обещанием брака. Обозн. c^1.

5) Обратный случай: женатый герой теряет свою жену; в результате поисков брак возобновляется. Возобновленный брак, обозначаем c^2.

6) Иногда герой вместо руки царевны получает денежную награду или компенсацию в иных формах. Обозн. c^0.

Этим сказка завершается. Следует еще заметить, что некоторые действия сказочных героев в отдельных случаях не подчиняются и не определяются ни одной из приведенных фунций. Таких случаев очень немного. Это—или формы, которые не могут быть поняты без сравнительного материала, или же формы, перенесенные из сказок других разрядов (анекдотов, легенд и др.). Мы определяем их, как неясные элементы, и обозначаем знаком N.

Какие же выводы можно сделать из приведенных наблюдений?

Во первых, несколько о б щ и х выводов.

Мы видим, что, действительно, количество функций весьма ограничено. Можно отметить лишь 31 функцию. В пределах этих функций развивается действие решительно всех сказок нашего материала, а также и действие очень многих других сказок самых различных народов. Далее, если мы прочтем все функции подряд, то мы увидим, как с логической и художественной необходимостью одна функция вытекает из другой. Мы видим, что, действительно, ни одна функция другой не исключает. Все они принадлежат одному стержню, а не нескольким стержням, как это уже отмечалось выше.

Теперь несколько частных, правда, очень важных выводов.

Мы видим, что очень большое количество функций расположено попарно (запрет-нарушение, выведывание-выдача, борьба-победа, преследование—спасение и т. д.). Другие функции могут быть расположены по группам. Так—вредительство, отсылка, решение противодействовать и отпрака из дома (A B C ↑) составляют завязку. Элементы Г, Д, Z также составляют некоторое целое. На ряду с этим имеются одиночные функции (отлучки, наказание, брак и друг.).

Эти частные выводы мы пока просто отмечаем. Наблюдение, что функции расположены попарно, нам еще пригодится. Пригодятся нам еще и наши общие выводы.

Мы должны теперь перейти к сказкам вплотную, к отдельным текстам. Вопрос, как применяется данная схема к текстам, что такое представляют собой отдельные сказки по отношению к схеме, может быть разрешен только на анализе текстов. Обратный же вопрос, вопрос, чем является данная схема по отношению к сказкам, может быть разрешен сейчас. Она для отдельных сказок является единицей мерки. Подобно тому, как материю можно приложить к метру и этим определить ее длину, сказки могут прилагаться к схеме, и этим они определяются. Из приложения же разных сказок к данной схеме может быть определено и отношение сказок между собою. Мы уже предвидим, что вопрос о родстве сказок, вопрос о сюжетах и вариантах благодаря этому может получить новое разрешение.

V. АССИМИЛЯЦИИ. СЛУЧАИ ДВОЙНОГО МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ОДНОЙ ФУНКЦИИ

Выше было указано, что функции должны определяться независимо от того, кому приписано их выполнение. Из перечисления функций можно было убедиться, что они должны определяться и независимо от того, как, каким способом они выполняются.

Это иногда затрудняет определение отдельных случаев, так как разные функции могут выполняться совершенно одинаково. Повидимому, здесь имеется влияние одних форм на другие. Это явление может быть названо ассимиляцией способов исполнения функций.

В полном объеме это сложное явление здесь не может быть освещено. Оно может быть рассмотрено лишь постольку, поскольку это необходимо для последующих анализов.

Возьмем такой случай (95): Иван просит у яги коня. Она предлагает выбрать лучшего из табуна равных жеребят. Он выбирает верно и берет коня. Действие у яги представляет собой испытание героя дарителем, после чего следует получение волшебного средства. Но вот мы видим, что в другой сказке (125) герой хочет жениться на дочери Водяного. Тот требует, чтобы герой выбрал невесту из двенадцати равных девиц. Может ли этот случай так же быть определен, как испытание д а р и т е л я? Ясно, что, несмотря на одинаковость действий, перед нами элемент совершенно другой, а именно трудная задача в связи с сватовством. Про-

изошла ассимиляция одной формы с другой. Не задаваясь вопросом о первичности того или другого значения, мы, однако, должны найти критерий, который позволил бы во всех подобных случаях произвести точное разграничение элементов, несмотря на одинаковость поступков. В этих случаях всегда можно руководствоваться принципом определения функции по ее п о с л е д с т в и я м. Если за решением задачи следует получение волшебного средства, то мы имеем испытание дарителя (Д′). Если следует добыча невесты и брак, мы имеем трудную задачу (З).

Этим же способом трудная задача может быть отличена от отсылки завязочного характера. Посылка за оленем—золотые рога и проч. также может быть названа „трудной задачей", но морфологически подобная отсылка представляет собою иной элемент, чем задача царевны и задача яги. Если отсылка вызывает отправку, длительные поиски (С↑), встречу с дарителем и проч.,— то перед нами завязочный элемент (а, В—недостача и отсылка). Если задача разрешается немедленно и сразу ведет к браку, перед нами З—Р (трудная задача и ее решение).

Если за решением задачи следует брак, то это значит, что невеста решением задачи заслужена или добыта. Таким образом, последствием задачи (а по последствиям определяется элемент) является д о б ы ч а и с к о м о г о п е р с о н а ж а (resp. предмета, но не волшебного средства). Могут быть зафиксированы трудные задачи в связи с сватовством и вне этой связи. Последний случай встречается очень редко (в нашем материале лишь два раза, №№ 140, 132). За решением следует добыча искомого. Таким образом, мы приходим к следующему итогу: все задачи, вызывающие поиски, должны рассматриваться, как В, все задачи, вызывающие получение волшебного средства, рассматриваются как Д. В с е о с т а л ь н ы е з а д а ч и рассматриваются как З, с двумя разновидностями: задачи в связи с сватовством и браком и задачи вне связи с сватовством.

Рассмотрим еще несколько случаев более простых ассимиляций. Трудные задачи представляют собой наиболее благодарную область для самых разнообразных ассимиляций. Царевна иногда требует постройки волшебного дворца, который обычно сразу же выстраивается героем при помощи волшебного средства. Но постройка волшебного дворца может фигурировать и в совершенно другом значении. Герой после всех подвигов в мгновение ока выстраивает дворец и обнаруживается царевичем. Это уже особый вид преображения, апофеоза, а не решение трудной задачи. Одна форма ассимилировалась с другой, при чем вопрос о первичности этой формы в том или другом значении здесь опять должен остаться открытым.

Задачи, наконец, могут ассимилироваться и с змееборством. Бой со змеем, похитившим девушку или разоряющим царства, и задачи царевны—элементы совершенно различные. Но в одной сказке царевна требует, чтобы герой победил змея, если хочет получить ее руку. Следует ли этот случай рассматривать как З (задачу), или как Б (борьбу, бой)? Этот случай представляет собою задачу, так как, во первых, следует брак, во вторых же бой определен выше, как бой с вредителем, а змей в этом случае не является вредителем, а введен ad hoc и мог бы без всякого ущерба для хода действия замениться другим существом, которое следует убить или укротить (сравн. задачу укротить коня, победить соперника).

Другие элементы, которые также часто ассимилируются, это—начальное вредительство и преследование вредителя. Сказка № 50 начинается с того, что сестра Ивана (ведьма, названа также змеихой) стремится съесть брата. Он бежит из дому, и отсюда развивается действие. Сестра змея (обычный преследующий персонаж) здесь превращена в сестру героя, а преследование перенесено к началу и использовано как А (вредительство), в частности—как A^{XVII}. Если вообще сравнить, как действуют при преследовании змеихи, с тем, как в начале

сказки действует мачеха, то получатся параллели, которые бросают некоторый свет на начала, где мачеха мучает падчерицу. Такое сопоставление становится особенно рельефным, если прибавить к этому изучение атрибутов этих персонажей. При привлечении большего материала можно показать, что мачеха есть змеиха, перенесенная к началу сказки, принявшая некоторые черты яги и некоторые бытовые черты. Гонение иногда может быть сравниваемо непосредственно с преследованием. Укажем, что случай, когда змеиха обращается в яблоню и становится на пути героя, соблазняя его прекрасными, но смертоносными плодами, вполне может быть сопоставлен с предложением отравленных яблок мачехой, посланных вослед падчерице. Можно сравнить превращение змеихи в нищенку и превращение колдуньи, посланной мачехой, в торговку и т. д.

Другое явление, сходное с ассимиляциями, представляет собой двойное морфологическое значение одной функции. Простейший пример дает случай № 148. Князь уезжает, запрещает жене уходить из дому. Приходит к ней „женщинка, казалось, такая простая, сердечная. Что, говорит, ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела! Хоть бы по саду прошлась!“ и т. д. (уговоры вредителя $г^1$). Княгиня выходит в сад. Этим она соглашается на уговоры вредителя (g^1), одновременно нарушая запрет (b^1). Таким образом, выход княгини из дома имеет двойное морфологическое значение. Другой, более сложный пример, имеем в сказке № 105 и других. Здесь трудная задача (поцеловать с разлета на коне царевну) перенесена к началу сказки. Она вызывает отправку героя, т. е. подходит под определение соединительного момента (B). Характерно, что эта задача дана в форме к л и ч а, подобно тому кличу, который объявляет отец похищенных царевен. (Ср. „Кто мою дочь Милолику-царевну с размаха на коне“... и проч. „Кто разыщет моих дочерей“ и проч.). Клич в обоих случаях элемент одинаковый (B′), но кроме того клич в сказке № 105 является одновременно трудной задачей. Здесь, как и в не-

которых подобных случаях, трудная задача перенесена в завязку, использована, как В, оставаясь одновременно З.

Мы, следовательно, видим, что способы выполнения функций друг на друга влияют, что одинаковые формы применяются к различным функциям. Одна форма переносится в другое место, принимая новое значение, или одновременно сохраняя старое. Все эти явления затрудняют анализ и при сравнениях требуют особого внимания.

V. НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СКАЗКИ

А. Вспомогательные элементы для связи функций между собой.

Функции образуют основные элементы сказки, те элементы, на которых строится ход действия. На ряду с этим имеются составные части, которые, хотя и не определяют развития, все же очень важны.

Можно наблюдать, что функции не всегда следуют непосредственно одна за другой. Если следующие друг за другом функции исполняются различными персонажами, то второй персонаж должен знать, что до этого произошло. В связи с этим в сказке выработалась целая система осведомлений, иногда в художественно очень ярких формах; иногда сказка это осведомление пропускает, и тогда персонажи действуют ex machina, или они всезнающи; с другой стороны, оно применяется и там, где оно по существу вовсе не необходимо. Этими осведомлениями в течение хода действия одна функция связывается с другой.

Образцы: у Кощея отнята похищенная им царевна. Следует погоня. Она могла бы последовать непосредственно за отнятием, но сказка вставляет слова Кощеева коня: „Иван-царевич приходил, Марью-Моревну с собой взял“ и проч. Таким образом связывается Л с Пр., добыча с погоней (94).

Это—простейший случай осведомления. Художественно более ярка следующая форма: у обладательницы волшебных яблок поверх стены натянуты струны. Иван на обратном пути, перескакивая через стенку, задевает струны:—ведьма узнает о похищении, начинается

погоня. Струны (для связывания других функций) применяются в сказке о жар-птице и друг.

Более сложный случай имеем в сказках 61 и 62. Здесь ведьма, вместо Ивана, съела свою собственную дочь. Но она этого не знает. Спрятавшийся Ивашко ей с насмешкой об этом сообщает, после чего наступает бегство и погоня.

Обратный случай мы имеем, когда гонимый должен знать, что за ним гонятся. Он прикладывает ухо к земле и слышит погоню.

Специфическая форма для погони с превращением змеевых дочек или жен в сады, колодцы и т. д. следующая: Иван, победив змея и собравшись домой, еще раз возвращается. Он подслушивает разговор змеих и таким образом узнает о преследовании.

Такие случаи могут быть названы непосредственным осведомлением. В сущности, к этому же разряду явлений относится B, особенно B^4 (сообщение беды), а также и w (выдача сведений о герое вредителю или наоборот). Но так как эти функции важны для завязки, то они приняли характер функций самостоятельных.

Осведомление встречается в промежутках между самыми разнообразными функциями. Примеры: похищенная царевна посылает к родителям собачку с письмом, указывая, что ее может спасти Кожемяка (связывается вредительство и отсылка героя, A и B). Царь здесь узнает о герое. Подобная информация о герое может быть окрашена в известные эмоциональные тона. Специфической формой является клевета завистников („он де похваляется“ и проч.), вследствие чего возникает отсылка героя. В иных случаях (113) герой действительно хвастается своей силой. Такую же роль в некоторых случаях играют жалобы.

Иногда подобное осведомление носит характер диалога. Сказка выработала канонические формы ряда таких диалогов. Чтобы даритель мог передать свой волшебный дар, он должен узнать о случившемся.

Отсюда диалог яги с Иваном. Точно так же и помощник раньше, чем выступить, должен знать о беде, и отсюда характерный диалог Ивана с своим конем или другими помощниками.

Как ни разнообразны все приведенные случаи, они объединены одним общим признаком: здесь один персонаж *узнает* что либо от другого, и этим предшествующая функция связывается с последующей.

Если, с одной стороны, персонажи, для того, чтобы начать действовать, должны что либо узнать (сообщение, подслушанный разговор, звуковые сигналы, жалобы, клевета и т. д.) то с другой стороны они часто выступают со своей функцией потому, что они что-либо видят. Этим создается второй вид связок.

Иван выстраивает дворец против дворца царя. Царь его *видит*, *узнает*, что это Иван. Следует свадьба его дочери с Иваном. Таким образом связывается Т и С. Иногда в этих, как и в других случаях, применяется подзорная труба. В подобной же роли при других функциях выступают такие персонажи, как Чуткий и Зоркий.

Но если нужный предмет очень мал, или слишком далек и пр., то применяется другой прием связывания. Предмет *приносится*, а в применении к людям этому соответствует *привод*. Старик приносит царю птицу (69), пастух приносит царице корону (70), стрелец приносить царю перо жар-птицы (103), старуха приносит царю полотно и т. д. Этим связываются самые разнообразные функции. В сказке о жар-птице Ивана *приводят* к царю. То же, в ином применении, имеем в сказке № 84, где отец *приводит* своих сыновей к королю. В последнем случае связываются не две функции, а начальная ситуация и отсылка: царь не женат, ему приводят семерых искусников, он посылает их за невестой.

В близкой связи с этим стоит *приход* героя, напр. на свадьбу своей невесты, потребованной ложным героем. Этим связывается Ф (притязания обманщика)

и У (узнавание героя). Но эти же функции связываются и более ярко. На праздник приглашаются все нищие, в их числе является герой и т. д. Устройство широких пиров служит также для связывания Р (решение задачи) и У (узнавание героя). Герой решил задачу царевны, но никто не знает, где он. Созывают на пир, царевна обходит гостей, следует узнавание. Таким же способом царевна обличает ложного героя. Объявляется смотр солдат, царевна обходит их ряды, узнает обманщика. Созывание пира может не считаться функцией. Оно вспомогательный элемент для связывания Ф или Р с У.

Перечисленные пять-шесть разновидностей здесь не систематизированы и не исчерпаны. Но в этом пока для наших целей нет необходимости. Мы обозначаем элементы, служащие для связи функций между собой, знаком §.

В. Вспомогательные элементы при утроениях.

Подобные же связывающие элементы мы имеем при различных утроениях. Утроение, как таковое, уже достаточно освещено в научной литературе, и здесь можно на этом явлении не останавливаться. Заметим только, что утраиваться могут как отдельные детали атрибутивного характера (три головы змея), так и отдельные функции, пары функций (преследование - спасение), группы функций и целые ходы. Повторение может быть или равномерным (три задачи, три года служить), или повторение дает нарастание (третья задача самая трудная, третий бой самый страшный), или же два раза дается отрицательный результат, один раз положительный.

Иногда действие может просто механически повторяться, но иногда надо, во избежание дальнейшего развертывания действия, ввести какие то элементы, приостанавливающие развитие и вызывающие повторение.

Укажем два-три примера:

Иван получает от отца дубину, или клюку, цепь. Он дважды подбрасывает дубину (рвет цепь). Она при

возвращении ломается. Заказывается новая дубина, и только третья оказывается пригодной. Проба волшебного средства не может считаться самостоятельной функцией, ею только мотивируется тройное получение его.

Иван встречает старуху (ягу; девушку), которая отсылает его к своей сестре. Путь от одной сестры к другой указывает клубочек; то же происходит при следовании к третьей сестре. Путиводительство клубочка в этом случае не является функцией R^3. Клубочек только ведет от одного дарителя к другому, что обусловлено утроением образа дарителя. Очень вероятно, что клубочек специфичен именно в данной роли. Наряду с этим клубочек приводит героя к месту его назначения, и тогда перед нами функция R^3.

Укажем другой пример: чтобы повторилась погоня, вредитель должен уничтожить препятствие, которое ему ставит герой. Ведьма прогрызает лес, и начинается вторая погоня. Это прогрызание не может считаться ни одной из приведенных 31-ой функций. Это—элемент, которым вызывается утроение, элемент, связывающий первое выполнение со вторым, или второе с третьим. Наряду с этим мы имеем форму, где ведьма просто грызет дуб, на котором спасается Иван. Здесь вспомогательный элемент использован в самостоятельном значении.

Равным образом, если Иван, служа поваром или конюхом, побеждает первого змея, и затем возвращается на кухню, то это возращение не означает функции $\downarrow$, этим возвращением только связывается первый бой со вторым и третьим. Но, если после третьего боя Иван, освободив царевну, возвращается к себе домой, тогда мы имеем функцию $\downarrow$.

Все элементы, служащие для осуществления утроений, мы будем обозначать знаком ⋮

С. Мотивировки.

Под мотивировками понимаются как причины, так и цели персонажей, вызывающие их на те или иные поступки. Мотивировки иногда придают сказке совер-

шенно особую, яркую окраску, но все же мотивировки принадлежат к самым непостоянным и неустойчивым элементам сказки. Кроме того, они представляют собою элемент менее четкий и определенный, чем функции или связки.

Большинство поступков персонажей середины сказки естественно мотивированы ходом действия, и только вредительство, как первая основная функция сказки, требует некоторой дополнительной мотивировки.

Здесь можно наблюдать, что совершенно одинаковые или сходные поступки мотивируются самым различным образом. Изгнание и высаживание на воду мотивируется: ненавистью мачехи, спором о наследстве братьев, завистью, боязнью конкуренции (Иван-купец), неравным браком (Иван-крестьянский сын и царевна), подозрением в супружеской неверности, пророчеством об унижении сына перед родителями. Во всех этих случаях изгнание мотивируется жадным, злым, завистливым, подозрительным характером вредителя. Но изгнание может мотивироваться скверным характером изгнанника. Изгнанию здесь придается характер известной правомерности. Сын или внук бедокурит или глупит (отрывает руки, ноги прохожих), горожане жалуются (жалобы—§), дед изгоняет внука.

Поступки изгнанника, хотя и представляют собою д е й с т в и я, но отрывание рук и ног не может считаться функцией хода действия. Это — к а ч е с т в о героя, выраженное в поступках, служащих мотивом для изгнания.

Заметим, что действия змея и очень многих других вредителей сказкой ничем не мотивируются. Конечно, и змей похищает царевну по известным мотивам (для насильственного супружества или чтобы ее пожрать), но сказка об этом умалчивает. Есть основание думать, что сказке вообще не свойственны мотивировки, формулированные словами, и мотивировки вообще с большой долей вероятности могут считаться новообразованиями.

В тех сказках, где нет вредительства, ему соответствует а (недостача), первой же функцией является В (отсылка). Можно наблюдать, что отсылка при недостаче также мотивируется самым различным образом.

Начальная нехватка или недостача представляет собою ситуацию. Можно себе представить, что до начала действия она длилась годами. Но настает момент, когда отправитель или искатель вдруг понимает, что чего то не хватает, и этот момент подлежит мотивировке, вызывая отсылку (В), или непосредственно поиски (С ↑).

Осознание недостачи может происходить следующим образом: объект недостачи невольно сам посылает о себе некоторую весть, являясь мгновенно, оставляя некоторый яркий след, или являясь герою в каких либо отражениях (портреты, рассказы). Герой (или отправитель) теряет свое душевное равновесие, загорается тоской по раз увиденной красоте, и отсюда развивается все действие. Одним из характерных и прекрасных образцов может послужить жар-птица и оставленное ею перо. „Это перо было так чудно и светло, что ежели принесть его в темную комнату, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч“ [1]. Сходным образом начинается сказка № 78. Здесь царь видит прекрасного коня во сне. Этот конь „что ни шерстинка, то серебринка, а во лбу светел месяц“. Царь посылает за конем. По отношению к царевне этот элемент может окрашиваться иначе. Солдат видит проезжающую Елену: „осияло и небо, и землю,—летит по воздуху золотая колесница, в упряжи шесть огненных змеев; на колеснице сидит Елена-Премудрая, такой красы неописанной, что ни вздумать, ни

[1] К сожалению, в нашем материале нет вполне аналогичных случаев для осознания недостачи царевны. Напомним золотистый волос Изольды, принесенный королю Марку ласточками. Такое же значение имеет необычайно душистый волос, приплывающий по морю в Африканских сказках. В древне-греческой сказке орел приносит царю туфлю прекрасной гетеры.

взгадать, ни в сказке сказать. Сошла она с колесницы, села на золотой трон и начала подзывать к себе голубок по очереди и учить их разным мудростям (ожидающие голубки упомянуты раньше). Покончила учение, вскочила на колесницу и была такова." (130). Солдат влюбляется в Елену и т. д. Сюда же можно причислить те случаи, когда герой в запретном чулане видит портрет необычайной красавицы, смертельно в нее влюбляется и т. д.

Далее мы видим, что недостача осознается через персонажей-посредников, которые обращают внимание Ивана на то, что ему недостает чего либо. Чаще всего это родители, которые находят, что сыну нужна невеста. Эту же роль играют рассказы о необычайных красавицах, вроде следующего: „Ах, Иван-царевич, что я за красавица? Вот как за тридевять земель, в тридевятом царстве живет у царя змея королевна, так та подлинно красота несказанная." (96). Эти и подобные рассказы (о царевнах, богатырах, чудесах и т. д.) вызывают поиски.

Иногда недостача может быть мнимой. Злая сестра или мать, злой хозяин, злой царь отсылают Ивана за той или иной диковинкой, которая им вовсе не нужна и которая служит лишь предлогом, чтобы отделаться от него. Купец отсылает его из страха перед его силой, царь — чтобы овладеть его женой, злые сестры — по обольщению змея. Подобные отсылки иногда мотивируются мнимой болезнью. В этих случах нет прямого вредительства, и отправка логически (но не морфологически) его заменяет, принимая характер вредительства. За спиной злой сестры стоит змей, и отправитель обычно подвергается тем же наказаниям, что вредитель в других сказках. Мы можем заметить, что отсылка враждебного характера и отсылка дружественная развиваются совершенно одинаково. Отправляется ли Иван за диковинкой потому, что его хочет извести злая сестра или злой царь, или потому, что его отец болен, или потому, что отец увидел диковинку во сне — все

это на построение хода действия, т. е. на поиски, как таковые, как мы увидим ниже, не оказывает влияния. Можно вообще заметить, что чувства и намерения действующих лиц не отражаются на ходе действия ни в каких случаях.

Способов, какими осознается недостача, очень много. Зависть, бедность (для рационализированных форм), удаль и сила героя — и многое другое могут вызвать поиски. Даже желание иметь детей может создать самостоятельный ход (героя отсылают искать средство от бездетности). Этот случай очень интересен. Он показывает, что любой сказочный элемент (в данном случае бездетность царя), может как бы обрасти действием, может обратиться в самостоятельный рассказ, может его вызвать. Но, подобно всему живому, сказка производит лишь себе подобное. Если какая либо клетка сказочного организма становится небольшой сказкой в сказке, она строится, как это видно будет ниже, по тем же законам, что и всякая волшебная сказка.

Часто также чувство нехватки не мотивируется ничем. Царь созывает своих детей: „Сослужите мне службу“ и проч., и посылает их в поиски.

VI. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ ПО ДЕЙСТВУЮЩИМ ЛИЦАМ

Хотя нашему изучению подлежат лишь функции, как таковые, но не выполнители их, и не объекты, подвергающиеся им, тем не менее следует рассмотреть вопрос, как функции распределяются по действующим лицам.

Прежде, чем ответить на этот вопрос детально, можно указать, что многие функции логически объединяются по известным кругам. Эти круги в целом и соответствуют исполнителям. Это—круги действий. Сказка знает следующие круги действия:

1) Круг действий вредителя. Охватывает: вредительство (А), бой или иные формы борьбы с героем (Б), преследование (Пр).

2) Круг действий дарителя (снабдителя). Охватывает: подготовку передачи волшебного средства (Д), снабжение героя волшебным средством (Z).

3) Круг действий помощника. Охватывает: пространственное перемещение героя (R), ликвидацию беды или недостачи (Л), спасение от преследования (Сп), разрешение трудных задач (Р), трансфигурацию героя (Т).

4) Круг действий царевны (искомого персонажа) и ее отца. Охватывает: задавание трудных задач (З), клеймение (К), обличение (О), узнавание (У), наказание второго вредителя (Н), свадьбу (С). Царевна и ее отец не могут быть разграничены по функциям вполне точно. Отцу чаще всего приписывается задавание трудных задач, как действие, вытекающее из враждебного

отношения к жениху. Он же нередко наказывает или велит наказать ложного героя.

5) Круг действий отправителя. Охватывает только отсылку (соединительный момент, В).

6) Круг действий героя. Охватывает: отправку в поиски (С↑), реакцию на требования дарителя (Г), свадьбу (С*). Первая функция (С) характерна для героя искателя, герой-жертва выполняет лишь остальные.

7) Круг действий ложного героя охватывает также С↑, затем Г и, в качестве специфической функции—Ф.

Таким образом, сказка знает семь действующих лиц. По этим же персонажам распределяются и функции подготовительной части (е, б — b, в — w, г — g), но распределение здесь неравномерно, и по этим функциям определять персонажи нельзя. Кроме того, есть специальные персонажи для связок (жалобщики, доносчики, клеветники), а также специальные предатели для функции W (зеркальце, долото, веник). Сюда же относятся такие персонажи, как Одноглазка, Двуглазка и Треглазка.

Вопрос о распределении функций может быть разрешен в плоскости вопроса о распределении по персонажам кругов действий.

Как распределяются означенные круги по отдельным сказочным персонажам?

Здесь возможны три случая.

1) Круг действий в точности соответствует персонажу. Яга, которая испытывает и награждает героя, животные, просящие о пощаде и передающие Ивану дар — чистые дарители. Конь, который доставляет Ивана к царевне, помогает ее похитить, решает трудную задачу, спасает от погони и т. д.—чистый помощник.

2) Один персонаж охватывает несколько кругов действий. Железный мужичок, который просит о выпуске из башни, затем дарует Ивану силу и дает ему скатерть самовертку, а впоследствии помогает убить

змея—является одновременно и дарителем, и помощником. Особого рассмотрения требуют благодарные животные. Они начинают, как дарители (просят о помощи или пощаде), затем они предоставляют себя в распоряжение героя и становятся его помощниками. Этот случай отмечен выше на стр. 54 (Z^9). Иногда случается, что животное, освобожденное или пощаженное героем, просто исчезает, не сообщив даже формулы вызова его, но в критический момент оно является в качестве помощника. Оно награждает действием непосредственно. Оно может, напр., помочь герою перебраться в иное царство, или оно достает ему предмет его поисков и др. Такие случаи можно обозначать $Z^9 = R$, $Z^9 = Л$ и т. д.

Особого рассмотрения требует также яга (или другой обитатель лесной избушки), которая вступает с Иваном в драку, а затем бежит и этим указывает Ивану путь на тот свет. Путеводительство—функция помощника, а потому яга здесь играет роль невольного и (даже „противовольного“) помощника. Она начинает, как враждебный даритель, а затем становится невольным помощником.

Несколько других случаев совмещения: отец, отпускающий сына и дающий дубину, есть в то же время и отправитель, и даритель. Три девицы в золотом, серебряном и медном дворце, которые дарят Ивану волшебное колечко и др., а затем выходят за героев замуж,—дарители и царевны. Яга, похищающая мальчика, сажающая его в печь, затем обворованная мальчиком (у нее похищен волшебный платок),—совмещает функции вредителя и дарителя (невольного, враждебного). Таким образом мы вновь наталкиваемся на явление, что воля персонажей, их намерения, не могут считаться существенным мотивом для их определения. Важно не то, что они хотят делать, не чувства их наполняющие, а их поступки, как таковые, оцененные и определенные с точки зрения их значения для героя и для хода действия. Здесь получается та же картина, что и при изу-

чении мотивировок: чувства отправителя, враждебные, нейтральные или дружелюбные, не оказывают влияния на ход действия.

3) Обратный случай: один круг действий распределяется по нескольким персонажам. Так, если змей убит в бою, он не может преследовать. Для преследования вводятся специальные персонажи: жены, дочери, сестры, тещи, матери змеев — его женская родня. Элементы Д Г Z иногда также распределяются, хотя такое распределение чаще бывеет художественно неудачным. Испытывает один персонаж, а случайно награждает другой. Что функции царевны распределяются между ею и отцом, мы уже видели выше. Но чаще всего это явление касается помощников. Здесь прежде всего следует остановиться на отношении между волшебными средствами и волшебными помощниками. Сравним следующие случаи: 1) Иван получает ковер - самолет, на нем улетает к царевне или домой. 2) Иван получает коня, на нем улетает к царевне или домой. Отсюда видно, что предметы действуют, как живые существа. Так и дубинка сама убивает всех врагов, сама наказывает воров и т. д. Сравним далее: 1) Иван получает в дар орла, на нем улетает. 2) Иван получает в дар способность обращаться в сокола, в образе сокола улетает. Другое сопоставление: 1) Иван получает коня, который может рассыпаться (испражняться) золотом и делает Ивана богачом. С другой стороны: Иван съедает птичий потрох и получает способность харкать золотом, становится богачом. Из этих двух примеров видно, что качество функционирует, как живое существо. Таким образом живые существа, предметы и качества, с точки зрения морфологии, построенной на функциях действующих лиц, должны рассматриваться, как равнозначущие величины. Удобнее, однако, живые существа называть волшебными помощниками, а предметы и качества называть волшебными средствами, хотя функционируют они и одинаково.

Впрочем, одинаковость эта подвержена некоторому ограничению. Можно установить три категории помощников: 1) универсальные помощники, способные к выполнению (в известных видах) всех пяти функций помощника. Таким помощником в нашем материале оказался только конь. 2) Частичные помощники, способные к выполнению нескольких функций, но которые по совокупности данных не выполняют всех пяти функций помощника. Сюда относятся различные животные, кроме коня, духи, являющиеся из кольца, различные искусники и т. д. 3) Специфические помощники, исполняющие только одну функцию. Сюда относятся только предметы. Так, клубочек служит для путеводительства, меч-самосек для победы над врагом, гусли-самогуды для решения задачи царевны и т. д. Отсюда видно, что волшебное средство есть не что иное, как частная форма волшебного помощника.

Следует еще упомянуть о том, что герой нередко обходится без всяких помощников. Он как бы сам себе помощник. Но если бы мы имели возможность изучить атрибуты, то можно было бы показать, как в этих случаях на героя переходят не только функции помощника, но и его атрибуты. Один из важнейших атрибутов помощника — это его вещая мудрость: вещий конь, вещая жена, мудрый мальчик и др. Это качество при отсутствии помощника переходит на героя. Получается образ вещего героя.

Наоборот, помощник иногда исполняет те функции, которые специфичны для героя. Кроме С для него специфична только реакция на действия дарителя. Но здесь помощник часто выступает за героя. Мыши выигрывают игру в жмурки у медведя, благодарные животные вместо Ивана выполняют задачи яги (94, 95).

VII. СПОСОБЫ ВКЛЮЧЕНИЯ В ХОД ДЕЙСТВИЯ НОВЫХ ЛИЦ

Каждая категория персонажей имеет свою форму появления, к каждой категории применяются особые способы, какими персонаж включается в ход действия. Формы эти следующие:

Вредитель появляется в ходе действия два раза. В первый раз он является внезапно, со стороны (прилетает, подкрадывается и проч.), а затем исчезает. Во второй раз он входит в сказку, как персонаж отысканный, обычно в результате путеводительства.

Дарителъ встречен случайно, чаще всего в лесу (избушка), или в поле, на дороге, на улице.

Волшебный помощник включается, как дар. Этот момент обозначен знаком Z, и возможные вариации приведены выше.

Отправитель, герой, ложный герой, а также и царевна включаются в начальную ситуацию. О ложном герое при перечислении действующих лиц в начальной ситуации иногда на словах ничего не говорится, и только впоследствии выясняется, что он живет при дворе или в доме. Царевна появляется в сказке, подобно вредителю, два раза. Во второй раз она вводится, как отысканный персонаж, при чем искатель может увидеть или сперва ее, а потом вредителя (змея нет дома, диалог с царевной), или наоборот.

Это распределение можно считать сказочной нормой. Но бывают и отступления. Если в сказке нет дарителя, то формы его появления переходят на следующий персонаж—именно на помощника. Так, разные искусники

случайно встречены героем, как это обычно происходит с дарителем. Если персонаж покрывает два круга функций, он вводится в тех формах, в каких он начинает действовать. Мудрая жена, которая сперва является дарителем, затем помощником и царевной, вводится как даритель, не как помощник или царевна.

Другое отступление состоит в том, что все персонажи могут вводиться через начальную ситуацию. Специфична эта форма, как уже указано, только для героев, для отправителя и для царевны. Можно наблюдать две основных формы начальных ситуаций: ситуацию, включающую искателя с его семьей (отец и три сына), и ситуацию, включающую жертву вредителя и его семью (три дочери царя). Некоторые сказки дают обе ситуации. Если сказка начинается с недостачи, то нужна ситуация с искателем (иногда и отправителем). Эти ситуации могут и слиться. Но так как начальная ситуация всегда требует членов одной семьи, то искатель—искомый из Ивана и царевны превращается в брата и сестру, сыновей—мать и т. д. Такая ситуация включает и искателя, и жертву вредителя [1].

Некоторые из таких ситуаций разрабатываются эпически. Искателя сначала нет налицо. Он рождается, обычно—чудесным образом. Чудесное рождение героя—очень важный сказочный элемент. Это—одна из форм появления героя, с включением ее в начальную ситуацию. Рождение обычно сопровождается пророчеством о его судьбе. Еще до завязки он проявляет атрибуты будущего героя. Рассказывается о его быстром росте, о его превосходстве над братьями. Иногда, наоборот, Иван—дурак. Все эти атрибуты героя не могут быть нами изучены. Некоторые из них выражаются в поступках (спор о первенстве). Но эти поступки не составляют функций хода действия.

Упомянем еще, что начальная ситуация часто дает картину особого, иногда подчеркнутого благополучия,

[1] Можно наблюдать, что в таких сказках царевна вводится задним числом. Иван направляется искать свою мать, похищенную Кощеем, находит царскую дочь, тоже когда то похищенную им.

иногда в очень ярких, красивых формах. Это благополучие служит контрастным фоном для последующей беды.

В эту ситуацию сказка включает иногда и дарителя, и помощника, и вредителя. Особого рассмотрения требуют только те ситуации, в которых включен вредитель. Так как ситуация всегда требует членов одной семьи, то вредитель, включенный в начальную ситуацию, превращается в родственника героя, хотя бы он в атрибутах определенно совпадал с змеем, ведьмой и т. д. Ведьма в сказке № 50, напр., типичная змеиха. Но с перенесением ее в начальную ситуацию она становится сестрой героя.

Следует упомянуть о ситуации вторых и вообще повторных ходов. Эти вторые ходы точно также начинаются с известной ситуации. Если Иван добыл невесту и волшебное средство, а царевна (иногда уже жена Ивана) затем похищает это волшебное средство, то мы имеем ситуацию: вредитель+искатель+будущий объект поисков. Таким образом, во вторых ходах вредитель встречается в начальной ситуации чаще. Один и тот же персонаж в одном ходу может играть одну роль, а во втором—другую. (Чорт—помощник первого хода, но вредитель—второго и проч.). Все персонажи первого хода, которые затем выступают во втором, уже имеются, уже известны слушателю или читателю, и новое появление персонажей соответствующей категории уже не нужно. Однако, случается, что при втором ходе сказочник забывает, например, о помощнике первого хода и заставляет героя добывать его вновь.

Особого упоминания требует еще ситуация, включающая мачеху. Мачеха или сразу имеется налицо, или рассказывается, как умирает первая жена старика, и как он женится на другой. Вторым браком старика в сказку вводится вредитель. Дочери, также вредительницы или ложные герои, затем рождаются.

Все эти вопросы могут быть разработаны более детально, но для наших обще-морфологических целей достаточно этих указаний.

VIII. ОБ АТРИБУТАХ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ И ИХ ЗНАЧЕНИИ

Учение о формах есть учение о превращениях.

Гете.

Изучение персонажей по их функциям, распределение их по категориям и изучение форм появления их поневоле приводит к вопросу о сказочных персонажах вообще. Выше мы резко отграничили вопрос о том, кто в сказке действует, от вопроса о действиях, как таковых. Номенклатура и атрибуты действующих лиц представляют собой переменные величины сказки. Под атрибутами мы понимаем совокупность всех внешних качеств персонажей: их возраст, пол, положение, внешний облик, особенности этого облика и т. д. Эти атрибуты придают сказке ее яркость, ее красоту и обаяние. Когда говорят о сказке, то прежде всего вспоминается, конечно, баба-яга с избушкой, многоголовые змеи, Иван-царевич и прекрасная царевна, волшебные летучие кони и много другого. Но, как мы уже видели, в сказке один персонаж легко заменяется другим. Эти замены имеют свои иногда очень сложные причины. Действительная жизнь сама создает новые, яркие образы, которые и вытесняют сказочных персонажей. Влияет эпос соседних народов, влияет и письменность, и религия, как христианская, так и местные поверья. Сказка сохраняет в своих недрах следы древнейшего язычества, древних обычаев и обрядов. Сказка постепенно метаморфирует, и эти трансформации, метаморфозы сказок

также подвержены известным законам. Все эти процессы и создают такое многообразие, в котором разобраться чрезвычайно трудно.

И, тем не менее, изучение это все же возможно. Постоянство функций сохраняется, и это позволит привести в систему и те элементы, которые группируются вокруг функций.

Как же создать эту систему?

Наилучший способ—это составление таблиц. О табуляции сказок говорил еще Веселовский, хотя он не слишком верил ее возможности.

Такие таблицы нами составлены. Ввести читателя во все подробности этих таблиц нет возможности, хотя они и не так уже сложны. Изучение атрибутов персонажа создает лишь следующие три основные рубрики: облик и номенклатура, особенности появления, жилище. К этому прибавляется ряд других, более мелких, вспомогательных элементов. Так, характерными особенностями бабы-яги будут: ее название, ее облик (с костяной ногой, нос в потолок врос и пр.), ее избушка, вращающаяся на курьих ножках, и способ появления ее: прилет в ступе со свистом и шумом. Если персонаж определен со стороны функций, напр., как даритель, помощник и т. д. и выписано в рубрики все, что о нем говорится, то получается чрезвычайно интересная картина. Весь материал одной рубрики может рассматриваться совершенно самостоятельно сквозь весь сказочный материал. Хотя эти величины и представляют собой элементы переменные, но и здесь наблюдается большая повторность. Наиболее часто повторяющиеся, наиболее яркие формы представляют собой известный сказочный канон. Этот канон может быть выделен, для чего, впрочем, прежде вообще следует определить, как отличать основные формы от производных и гетерономных. Есть какон интернациональный, есть формы национальные, специально индийские, арабские, русские, немецкие, и есть формы провинциальные: северные, новгородские, пермские, сибирские и т. д. Наконец, есть формы, распре-

деляющиеся по известным социальным категориям: солдатские, батрацкие, полугородские. Далее можно наблюдать, что элемент, который обычно встречается в одной рубрике, вдруг встречается в совершенно другой: перед нами перестановка форм. Змей, например, может играть роль дарителя—советчика. Такие перестановки играют огромную роль в создании сказочных образований, причем эти образования часто принимаются за новый сюжет, хотя они выводятся из старых, как результат известной трансформации, известной метаморфозы. Перестановка—не единственный вид трансформаций. Группируя материал каждой рубрики, мы можем определить все способы или, вернее, все виды трансформаций. На видах трансформаций мы останавливаться не будем, так как это завело бы нас слишком далеко. Трансформации представляют собой материал для самостоятельного исследования.

Но составление таблиц и изучение атрибутов действующих лиц, а также и изучение переменных величин вообще позволяет и другое. Что сказка строится по одинаковым функциям, мы уже знаем. Законам трансформации подвержены не только атрибутивные элементы, но и функции, хотя это и менее видно и гораздо труднее поддается изучению. (Те формы, которые мы считаем основными, в нашем перечне всюду поставлены, как первые). Если посвятить этому вопросу специальное исследование, то можно будет построить пра-форму волшебной сказки не только схематически, как это сделано у нас, но и конкретно. Ведь для отдельных сюжетов это делается давно. Отметая все местные, вторичные образования, оставив только основные формы, мы получим ту сказку, по отношению к которой все волшебные сказки явятся вариантами. Произведенные нами в этом отношении разыскания привели нас к тем сказкам, где змей похищает царевну, где Иван встречает ягу, получает коня, улетает, при помощи коня побеждает змея, возвращается, подвергается погоне змеих, встречает братьев и т. д.—как к основной форме вол-

шебных сказок вообще. Однако, доказать это можно лишь при помощи точного изучения сказочных метаморфоз, трансформаций. В плоскости же формальных вопросов это приведет нас впоследствии к вопросу о сюжетах и вариантах и об отношении сюжетов к композиции.

Но изучение атрибутов приводит еще к другому, очень важному последствию. Если выписаны все основные формы для каждой рубрики и приведены в одну сказку, то такая сказка обнаруживает, что в основе ее лежат некоторые отвлеченные представления.

Поясним нашу мысль ближе на примере. Если выписаны в одну рубрику все задачи дарителя, то можно увидеть, что эти задачи не случайны. С точки зрения сказа, как такового, они не что иное, как один из приемов эпической ретардации: герою ставится препятствие, преодолевая которое он получает в руки средство для достижения своих целей. С этой точки зрения совершенно безразлично, какова будет сама задача. Действительно, многие из таких задач должны рассматриваться только, как составная часть известной художественной композиции. Но по отношению к основным формам задач можно увидеть, что они имеют особую, скрытую цель. Ответ на вопрос: что именно хочет узнать от героя яга или другой даритель, в чем она его испытывает, этот вопрос допускает е д и н о е решение, а ответ на него выразится в отвлеченной формуле. Такая же формула, но другая по существу, освещает задачи царевны. Сравнивая формулы, мы увидим, что одна вытекает из другой. Сопоставляя эти формулы с другими изученными атрибутивными элементами, мы неожиданно получаем такую же связную цепь в логическом плане сказки, как в плане художественном. Лежание Ивана на печи (черта интернациональная, а вовсе не русская), связь его с умершими родителями, содержание запретов и нарушение их, сторожевая застава дарителя (основная форма—избушка яги), даже такие подробности, как золотые волосы царевны (черта, распространенная по

всему миру), приобретают совершенно особое значение и могут быть изучены. Изучение атрибутов дает возможность научного толкования сказки. С точки зрения исторической это означает, что волшебная сказка в своих морфологических основах представляет собою миф. Мы вполне сознаем, что с точки зрения современной науки мы высказываем мысль совершенно еретическую. Эта мысль достаточно дискредитирована сторонниками мифологической школы. Однако, эта же мысль имеет таких сильных сторонников, как Вундт, а ныне мы приходим к ней путем морфологического анализа.

Однако, все это мы высказываем в виде предположения. Морфологические разыскания в этой области следует связать с изучением историческим, что пока не может войти в нашу задачу. Здесь сказка должна быть изучена в связи с религиозными представлениями.

Таким образом мы видим, что изучение атрибутов действующих лиц, лишь намеченное нами, чрезвычайно важно. Дать точное распределение действующих лиц по их атрибутам не входит в наши задачи. Говорить о том, что вредителем может быть змей, ведьма, яга, разбойники, купцы, злая царевна и т. д., а дарителем может быть яга, старушка, бабушка-задворенка, леший, медведь и т. д.—потому не стоит, что это свелось бы к каталогу. Такой каталог интересен только в том случае, если он дается под углом зрения более общих вопросов. Вопросы эти намечены: это—законы трансформаций и отвлеченные представления, которые отражаются в основных формах этих атрибутов. Мы дали также систему, план разработки [1]. Но раз поставленные общие вопросы требуют специальных исследований и в нашем коротком очерке не могут быть решены, то простой каталог уже теряет свое общее значение и превратился бы в сухой список, чрезвычайно нужный специалисту, но не представляющий широкого интереса.

[1] См. приложение I.

IX. СКАЗКА, КАК ЦЕЛОЕ

> Перворастение (Urpflanze) будет удивительнейшим существом в мире. Сама природа будет мне завидовать. С этой моделью и ключом к ней можно будет затем изобретать растения до бесконечности, которые должны быть последовательными, т. е. которые, хотя и не существуют, но могли бы существовать. Они не являются какими-то поэтическими или живописными тенями или иллюзиями, но им присущи внутренняя правда и необходимость. Этот же закон сможет быть применен ко всему живому.
>
> Гете.

А. Способы сочетания рассказов.

Теперь, когда указаны главнейшие элементы сказки и освещены некоторые привходящие моменты, можно приступить к разложению любого текста на его составные части.

Здесь прежде всего возникает вопрос, что подразумевать под сказкой.

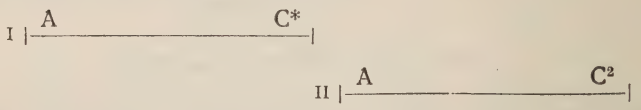
Морфологически сказкой может быть названо всякое развитие от вредительства (А) или недостачи (а) через промежуточные функции к свадьбе (С*) или другим функциям, использованным в качестве развязки. Конечными функциями иногда являются награждение (Z), добыча или вообще ликвидация беды (Л), спасение от погони (Сп) и т. д. Такое развитие названо нами х о д о м. Каждое новое вредительство, каждая новая недостача создает новый ход. Одна сказка может иметь несколько

ходов, и при анализе текста прежде всего следует определить, из скольких он состоит ходов. Один ход может следовать непосредственно за другим, но они могут и переплетаться, начатое развитие приостанавливается, вставляется новый ход. Выделить ход не всегда легко, но всегда возможно совершенно точно. Однако, если мы условно определили сказку, как ход, то это еще не значит, что количество ходов в точности соответствует количеству сказок. Особые приемы параллелизма, повторений и пр. приводят к тому, что одна сказка может состоять из нескольких ходов.

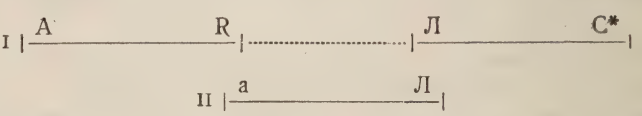
Поэтому, прежде, чем решить вопрос о том, как отличить текст, содержащий одну сказку, от текста, содержащего две и больше сказок, посмотрим, какими способами соединяются ходы, независимо от того, сколько в тексте сказок.

Соединение ходов может быть следующее:

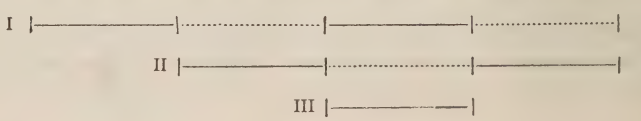
1) Один ход непосредственно следует за другим. Примерная схема таких соединений:



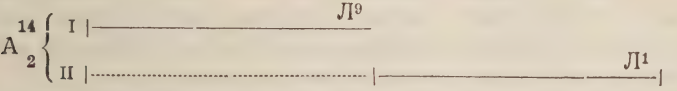
2) Новый ход наступает раньше, чем кончился первый. Действие прерывается эпизодическим ходом. После окончания эпизода наступает окончание и первого хода. Схема:



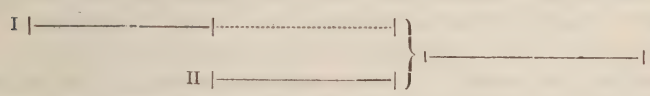
3) Эпизод в свою очередь также может быть прерван, и тогда могут получиться довольно сложные схемы.



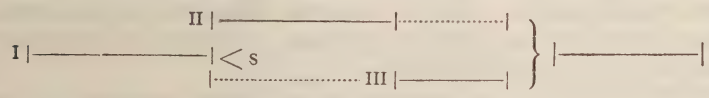
4) Сказка может начаться с двух вредительств сразу, из которых сперва может ликвидироваться полностью одно, а потом второе. Если герой убивается, и у него похищается волшебное средство, то сперва ликвидируется убиение, а затем ликвидируется и похищение.



5) Два хода могут иметь общий конец.



6) Иногда в сказке имеется д в а искателя (см. № 92, два Ивана, солдатских сына). В середине первого хода герои расстаются. Они обыкновенно расстаются у подорожного столба с предвещаниями. Этот столб служит р а з ъ е д и н я ю щ и м элементом. (Расставание у подорожного столба обозначим знаком $<$. Иногда, впрочем, столб является простым аксессуаром). При расставании герои часто передают друг другу предмет—сигнализатор (ложку, зеркальце, платочек. Передачу сигнализирующего предмета обозначим знаком s). Схемы таких сказок:



Таковы главнейшие способы соединения ходов.

Спрашивается: при каких же условиях несколько ходов образуют одну сказку, и когда перед нами две сказки и больше? Здесь прежде всего надо сказать, что с п о с о б с о е д и н е н и я х о д о в н е о к а з ы в а е т н и к а к о г о в л и я н и я. Совершенно четких признаков нет. Но можно указать несколько случаев более ясных.

О д н у сказку мы имеем в следующих случаях:

1) Если вся сказка состоит из одного хода.

2) Если сказка состоит из двух ходов, из которых один кончается положительно, а другой отрицательно. Образец: 1 ход: мачеха изгоняет падчерицу. Отец ее увозит. Она возвращается с подарками. II ход: мачеха посылает дочерей, отец их увозит, они возвращаются наказанными.

3) При утроении целых ходов. Змей похищает девушку. I—II ход: старшие братья по очереди отправляются ее искать, застревают. III ход: младший отправляется, выручает девушку и братьев.

4) Если в первом ходу добывается волшебное средство, которое только во втором применяется. Образец: I ход: братья отправляются из дому добывать себе коней. Они их добывают, возвращаются. II ход: змей угрожает царевне. Братья отправляются. При помощи коней достигают цели.—Здесь, повидимому, произошло следующее: добыча волшебного средства, обычно помещаемая в середине сказки, здесь выдвинута вперед за главную завязку (угроза змея). Добыче волшебного средства предшествует осознание недостачи, ничем не мотивированное—братьям вдруг хочется иметь коней—но вызывающее поиски, т. е. ход.

5) Одну сказку мы имеем также, если до окончательной ликвидации беды вдруг ощущается какая либо нехватка или недостача, что вызывает новые поиски, т. е. новый ход, но не новую сказку. В этих случаях нужен новый конь, яйцо — смерть Кощея и проч., что и дает начало новому развитию, а начатое развитие временно приостанавливается.

6) Одну сказку мы имеем также в том случае, когда в завязке дается сразу два вредительства (изгнание и околдование падчерицы и пр.).

7) Одну сказку мы имеем также в текстах, где первый ход включает бой со змеем, а второй начинается с похищения добычи братьями, сбрасывания героя в пропасть и т. д., а затем следует „Ф“ и трудные задачи. Это то развитие, которое выяснилось перед нами при перечислении всех функций сказки. Это наиболее полная и совершенная форма сказок.

8) Сказки, где герои расстаются у подорожного столба, также могут считаться цельными сказками. Надо, однако, заметить, что судьба каждого брата может дать совершенно отдельную сказку, и возможно, что этот случай придется исключить из разряда цельных сказок.

Во всех других случаях мы имеем две сказки и больше. При определении двусказочности нельзя давать себя сбивать с толку очень короткими ходами. Особенно коротки ходы, включающие порчу посева и объявление войны. Порча посева занимает вообще несколько особое место. Большей частью сразу видно, что персонаж, портящий посев, играет во втором ходу бо́льшую роль, чем в первом, и что порчей посева он только вводится. Так, в сказке № 60 кобылица, ворующая сено, впоследствии-даритель (ср. также № 108 и № 109). В сказке № 69 в образе пташки, ворующей пшеницу, вводится медный мужик, аналогичный мужику сказок № 67 и № 68 („А тая пташка, то быу масенжны дзядок"). Но разделение сказок по принципу форм появления персонажа невозможно, иначе можно было бы сказать, что всякий первый ход лишь подготовляет и вводит персонажей для следующего хода. Теоретически воровство посева и поимка вора—совершенно отдельная сказка. Но такой ход большей частью ощущается, как вводный.

В. Пример анализа.

Зная, как распределяются ходы, мы можем разложить любую сказку на составные части. Вспомним, что основные составные части — это функции действующих лиц. Далее мы имеем связующие элементы, затем мотивировки. Особое место занимают формы появления действующих лиц (прилет змея, встреча с ягой). Наконец, мы имеем атрибутивные элементы или аксессуары, вроде избушки яги или ее глиняной ноги. Эти пять разрядов элементов определяют собой уже не только конструкцию сказки, но и всю сказку в целом.

Попробуем же разложить одну какую нибудь сказку целиком, дословно. Для примера мы выберем очень маленькую одноходовую сказку, самую маленькую сказку нашего материала. Примерные анализы более сложных сказок выделены нами в приложении, так как они важны главным образом лишь для специалиста. Сказка эта—„Гуси-лебеди“ (№ 64) [1].

Жили старичок со старушкою; у них была дочка да сынок маленький [1]. „Дочка, дочка, говорила мать, мы пойдем на работу, принесем тебе булочку, сошьем платьице, купим платочек: будь умна, береги братца, не ходи со двора [2]. Старшие ушли [3], а дочка забыла, что ей приказывали [4], посадила братца на травку под окошко, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась [5].

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылышках [6].

Пришла девочка, глядь—братца нету [7]. Ахнула, кинулась туда-сюда—нету. Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от отца и от матери,—братец не откликнулся [8]. Выбежала в чистое поле [9]; метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шкодили и маленьких детей крадывали. Девушка угадала, что они унесли ее братца, бросилась их догонять [10]. Бежала, бежала, стоит печка [11].

„Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?“ — „Съешь моего ржаного пирожка — скажу“ [12]. — „О, у моего батюшки пшеничные не едятся“ [13].

1. Начальная ситуация (i).

2. Запрет, усиленный обещаниями (б).

3. Отлучка старших (e′).

4. Нарушение запрета мотивируется (M).

5. Нарушение запрета (b′).

6. Вредительство (A′).

7. Рудимент сообщения беды (B^4).

8. Детализация: рудимент у троения.

9. Выход из дома в поиски (C↑).

10. Так как в сказке нет отправителя, который сообщил бы о беде, то эта роль, с некоторым опозданием, переходит на самого вредителя, который тем, что он показывается на секунду, дает сведения о характере беды.

11. Появление испытателя. Встречен случайно (каноничная форма появления его) (71,73).

12. Диалог с испытателем (очень сокращенный) и испытание (76,78b)

13. Заносчивый ответ, отрицательная реакция героя. Этот результат вызывает утроенное повторение. Для хода действия нужно, чтобы герою была оказана помощь ($Г_{neg}$).

15. Появление благодарного помощника (Z^9_6).

---

[1] Цифры в скобках—ссылки на таблицы в приложении.

(Следует встреча с яблоней и с речкой. Сходные предложения и сходные заносчивые ответы).

И долго бы ей бегать по полям, да бродить по лесу, да к счастью попался еж [15]; хотела она его толкнуть [16], побоялась наколоться [17] и спрашивает:

„Ежик, ежик, не видал ли, куда гуси полетели?“ [18]—„Вон, туда то“ указал [19].

Побежала—стоит избушка на курьих ножках, стоит—поворачивается [20].

В избушке сидит Баба-яга, морда жилиная, нога глиняная [21]. Сидит и братец на лавочке [22], играет золотыми яблочками [23].

Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла, [24] [25] а гуси за нею в погоню летят [26]; нагонят злодеи—куда деваться?

Вновь тройное испытание тех же персонажей, но с положительным ответом, который вызывает помощь самого испытателя в форме спасения от погони. Речка, яблоня и дерево прячут девушку [27]. Сказка кончается прибытием девушки домой.

16. Беспомощное состояние помощника без просьбы о пощаде ($Д^7$).
17. Пощада ($Т^7$).
18. Диалог (§).
19. Благодарный еж становится помощником, указывая путь ($Z^9 = R^4$).
20. Жилище вредителя (92b).
21. Облик вредителя (94).
22. Появление искомого персонажа (98).
23. Золото — одна из типичных деталей искомого персонажа. Атрибут (99).
24. Добыча с применением хитрости или силы ($Л^1$).
25. Не упомянуто, но подразумевается возвращение (↓).
26. Погоня, преследование в форме полета ($Пр^1$.).
27. Спасение от погони ($Сп^4$).

Если теперь выписать все функции этой сказки, то получится следующая схема:

$$б' e' b' A' C \uparrow \begin{Bmatrix} [Д' Г'_{neg.} Z_{neg.}] \\ д^7 \; Г^7 \quad Z^9 \end{Bmatrix} R^4 Л' \downarrow [Пр' Д' Т' Z^9 = Сп^4]^3.$$

Теперь представим себе, что подобным же образом проанализированы все сказки нашего материала, и что в результате каждого анализа выписана схема. К чему это приведет? Прежде всего следует сказать, что разложение на составные части чрезвычайно важно для всякой науки вообще. Мы видели, что до сих пор не было средств сделать это вполне объективно для сказки. Это первый, очень важный вывод. Но далее: схемы можно сопоставить, и тогда решается целый ряд из тех вопро-

сов, которые затронуты выше, в вводной главе. К решению этих вопросов мы теперь и приступаем.

С. Вопрос о классификации.

Выше мы обрисовали ту неудачу, которая постигла классификацию сказки по сюжетам.

Воспользуемся же нашими выводами для классификации по структурным признакам.

Здесь надо выделить два вопроса: 1) Выделение класса волшебных сказок из ряда других. 2) Классификация волшебных сказок самих по себе.

Устойчивость строения волшебных сказок позволяет дать гипотетическое о п р е д е л е н и е их, которое может гласить следующим образом: волшебная сказка есть рассказ, построенный на правильном чередовании приведенных функций в различных видах, при отсутствии некоторых из них для каждого рассказа и при повторении других.—При таком определении термин „волшебный“ теряет свой смысл, ибо легко можно себе представить волшебную, феерическую, фантастическую сказку, построенную совершенно иначе (ср. некоторые сказки Андерсена, Брентано, сказку Гете о змее и лилии и т. д.). С другой стороны, и не волшебные сказки могут быть построены по приведенной схеме. Довольно большое количество легенд, единичные сказки о животных и единичные новеллы обнаруживают то же строение. Таким образом, термин „волшебный“ должен быть заменен другим термином. Найти такой термин очень трудно, и мы временно оставляем за этими сказками старое название. Оно может быть изменено в связи с изучением других классов, что даст возможность создать терминологию. Волшебные сказки можно бы назвать сказками, подчиненными 7-ми персонажной схеме. Это термин очень точный, но очень неудобный. Если определять этот класс сказок с точки зрения исторической, то они заслуживают старинное, ныне отброшенное название мифических сказок.

Конечно, такое определение разряда требует предварительного анализа. Нельзя ожидать, что анализ любого текста будет произведен очень быстро и легко. Часто элемент, неясный в одном тексте, очень ясен в тексте параллельном или другом. Но нет параллели, и текст неясен. Произвести правильный анализ сказки не всегда легко. Здесь требуется известная привычка и сноровка. Правда, очень многие сказки в русских сборниках раскладываются легко. Но дело осложняется тем, что чистота строения сказок свойственна только крестьянству, притом крестьянству, мало затронутому цивилизацией. Всяческие сторонние влияния меняют, а иногда и разлагают сказку. Как только мы выходим за грань абсолютно подлинной сказки, так начинаются осложнения. Сборник Афанасьева в этом отношении представляет собой удивительно благодарный материал. Но уже сказки братьев Гримм, давая в общем ту же схему, обнаруживают менее чистый и устойчивый вид ее. Всех деталей предусмотреть нельзя. Следует также иметь в виду, что подобно тому, как ассимилируются элементы внутри сказки, ассимилируются и скрещиваются целые ж а н р ы. Тогда создаются иногда очень сложные конгломераты, в которые составные части нашей схемы входят, как эпизоды. Здесь хотелось бы указать еще на то, что подобное же строение обнаруживает и ряд древнейших мифов, причем некоторые мифы дают этот строй в удивительно чистом виде. Это, повидимому, та область, к которой восходит сказка. С другой стороны это же строение обнаруживают, например, некоторые рыцарские романы. Это, вероятно, область, которая сама восходит к сказке. Подробное сравнительное изучение — дело будущего.

Чтобы показать, что и некоторые из сказок о животных строятся подобным же образом, рассмотрим сказку о волке и козлятах. (Аф. № 23). Эта сказка дает нам начальную ситуацию (коза и козлята), отлучку старшего, запрет, обманный уговор вредителя (волка), нарушение запрета, похищение члена семьи, сообщение

беды, поиски, убиение вредителя (очень интересный случай ассимиляции с трудными задачами: коза предлагает волку перепрыгнуть через яму; ср. № 77: царевна предлагает царю перейти по жердочке через яму). Убиение волка одновременно является его наказанием. Следует обратная добыча похищенных и возвращение. Таким образом, эта сказка должна быть исключена из разряда сказок о животных. Она дает схему:

$$б^{1}e^{1}b^{1}A^{1}B^{4}C\uparrow П^{6}Л^{1}\downarrow.$$

Таким образом, пользуясь структурными признаками, данный класс может быть выделен из других абсолютно точно и объективно.

Далее мы должны уже разделить сказки по существу. Чтобы предостеречь себя от логических ошибок, заметим себе, что правильная классификация может производиться трояким образом: 1) по разновидностям одного признака (деревья лиственные и хвойные); 2) по отсутствию и наличности одного и того же признака (позвоночные и беспозвоночные); 3) по исключающим друг друга признакам (парнокопытные и грызуны среди млекопитающих). В пределах одной классификации приемы могут меняться лишь по родам, видам и разновидностям или другим степеням градации, но каждая степень градации требует выдержанности, единообразия приема.

Если теперь взглянуть на наши схемы (они приведены несколько ниже), то можно спросить себя, нельзя ли произвести классификацию по исключающим друг друга признакам? На первый взгляд кажется, что этого нельзя, ибо ни одна функция не исключает другой. Но, всматриваясь внимательнее, мы видим, что есть две такие пары функций, которые встречаются в одном ходу очень редко, настолько редко, что исключаемость может быть сосчитана закономерной, а соединение—нарушением закона, (что, однако, как мы увидим ниже, не противоречит нашему утверждению об однотипности сказок). Эти две пары—борьба с вредителем и победа над ним (Б—П) и труд-

ная задача и ее решение (З – Р). Первая пара на 100 сказок встречается 41 раз, вторая 33 раза, совмещаются они в одном ходу три раза. Далее мы видим, что есть ходы, развивающиеся без этих функций. Отсюда сразу устанавливается четыре разряда: развитие через Б—П, развитие через З—Р, развитие через то и другое, развитие без Б—П и без З—Р.

Но классификация сказок чрезвычайно усложняется тем, что многие сказки состоят из нескольких ходов. Сейчас мы говорим об одноходовых сказках. К сложным сказкам мы еще вернемся, а пока будем продолжать разделение простых сказок.

Дальнейшее деление уже не может итти по чисто структурным признакам, т. к. исключают друг друга только З—Р и Б—П, но ни одна из других функций. Следовательно, надо выбрать один такой элемент, который обязателен для всех сказок, и по его разновидностям и произвести деление. Таким обязательным элементом является только А (вредительство) или а (недостача). По разновидностям этого элемента и можно вести дальнейшую классификацию. Таким образом, в первую голову для каждого разряда пойдут сказки о похищении человека, затем о похищении талисмана и т. д. сквозь все разновидности элемента А. Затем пойдут сказки с „а", т. е. сказки о поисках невесты, о поисках талисмана и т. д. Можно возразить: но ведь таким образом две сказки, дающие одинаковое начало, попадут в разные разряды в зависимости от того, есть ли в них, напр., трудная задача или нет? Да, это так и получится, но это не возражение против правильности нашей классификации. Сказки с Б—П и сказки с З—Р по существу сказки разной формации, раз эти признаки друг друга исключают. Наличность или отсутствие данного элемента— их основной структурный признак. Точно так же в зоологии кит не попадает в число рыб, раз он дышит легкими, хотя он внешне и очень похож на рыбу. Точно так же и угорь попадает в разряд рыб, хотя он похож на змею, картофель попадает в разряд стеблей,

хотя каждый человек принимает его за корень и т. д. Это—классификация по структурным, внутренним признакам, а не по признакам внешним, переменчивым.

Дальше возникает вопрос: а как же быть со сказками многоходовыми, т. е. такими, где мы имеем несколько вредительств, из которых каждое развивается в отдельности?

Здесь может быть только один выход: о каждом многоходовом тексте придется сказать: первый ход такой то, а второй—такой то. Иного выхода нет. Это, может быть, тяжеловесно, неудобно, особенно, если хотеть составить точную таблицу классификации, но это и логически, и по существу верно.

Таким образом мы получаем как бы четыре типа сказок. Не противоречит ли это нашему утверждению о полном единообразии всех волшебных сказок? Если элементы Б—П и З—Р исключат друг друга в одном ходу, то не значит ли это, что мы имеем каких то два основных типа сказок, а не один, как это утверждалось выше? Нет, это не так. Если мы внимательно рассмотрим те сказки, которые состоят из двух ходов, то мы увидим следующее: если один ход содержит бой, а другой трудную задачу, то бой всегда в первом ходу, а трудная задача во втором. Эти же сказки дают типичное для вторых ходов начало, а именно сбрасывание Ивана в пропасть его братьями и пр. Для данных сказок построение по двум ходам канонично. Это о д н а сказка из двух ходов, основной тип всех сказок. Она очень легко делится пополам. Осложнение вносят братья. Если не вводить братьев с самого начала, или вообще ограничить их роль, то сказка может закончиться счастливым возвращением Ивана, т. е. концом первого хода, а второй ход может не наступить. Таким образом первая половина может существовать, как самостоятельная сказка. С другой стороны, и вторая половина представляет собой законченную сказку. Стоит заменить братьев другими вредителями, или просто начать с поисков невесты, как мы имеем сказку,

которая может дать развитие через трудные задачи. Таким образом, каждый ход может существовать отдельно, но только соединение в два хода дает совершенно полную сказку. Очень возможно, что исторически существовало именно два типа, что каждый имеет свою историю, и что в какую то отдаленную эпоху две традиции встретились и слились в одно образование. Но говоря о русских волшебных сказках, мы принуждены сказать, что ныне это одна сказка, к которой возводятся все сказки нашего класса.

D. Об отношении частных форм структуры к общему строю.

Рассмотрим же, что представляет собой каждый вид наших сказок.

Если мы подпишем друг под другом все схемы, включающие борьбу-победу, а также те случаи, когда мы имеем простое убиение врага без боя, то мы получим следующую схему [1]:

$$\text{АВС}\uparrow\text{ДГZRБКПЛ}\downarrow\text{Пр. Сп}^{\circ}\text{ФУОТНС}^{*}.$$

Если подпишем друг под другом все схемы, включающие трудные задачи, то получится следующий итог:

$$\text{АВС}\uparrow\text{ДГZR}^{\circ}\text{ФЗКРЛ}\downarrow\text{Пр. Сп. УОТНС}^{*}.$$

Сопоставление двух полученных схем дает следующие результаты:

$$\text{АВС}\uparrow\text{ДГZR}\quad\text{БКПЛ}\downarrow\text{Пр. Сп.}^{\circ}\text{ФУОТНС}^{*}$$

$$\text{АВС}\uparrow\text{ДГZR}^{\circ}\text{ФЗКРЛ}\downarrow\text{Пр. Сп.}\quad\text{УОТНС}^{*}$$

Отсюда видно, что борьба-победа и трудные задачи и решения их соответствуют друг другу по отношению к своему положению в ряду других функций. Среди этих функций меняют свое место только неузнанное прибытие и требование ложного героя, которое следует за боем (царевич за повара, водовоз выдает себя за победителя), но предшествует трудным задачам (Иван

[1] Схема без функций подготовительной части; о них речь ниже.

дома поселяется у ремесленника, братья выдают себя за добытчиков). Далее, можно наблюдать, что ходы с трудными задачами чаще всего являются вторыми, повторными или же единственными ходами и лишь сравнительно очень редко (раз)—первыми. Если сказка состоит из двух ходов, то ходы с боем всегда предшествуют ходам с задачами. Отсюда вывод, что ход с Б—П есть типичный первый ход, а ход с трудными задачами—типичный второй или повторный. Каждый из них может существовать и отдельно, но соединение всегда происходит в названном порядке. Теоретически, конечно, возможно и обратное соединение, но в таких случаях мы всегда будем иметь механическое соединение двух сказок.

3. Сказки, включающие обе пары, дают следующую картину [1]:

$$АВС\uparrow ZБ—ПЛ\downarrow ФЗ—РУОНС^*$$

Отсюда видно, что и здесь функции Б—П предшествуют функциям З—Р. Между ними стоит Ф. Изученные три случая не дают материала для суждения о том, возможно ли при данной комбинации преследование. Во всех рассмотренных случаях оно отсутствует.

4. Если подписать друг под другом все схемы, в которых нет ни борьбы во всех ее видах, ни трудных задач, то получится следующее:

$$АВС\uparrow ДГZRЛ\downarrow Пр.Сп.УОТНС^*.$$

Если сравнить схему этих сказок с предыдущими схемами, то видно, что и эти сказки не дают какого-либо специфического строения. Переменной схеме

$$АВС\uparrow ДГZR\frac{БКПЛ\downarrow Пр—Сп^{\circ}Ф}{^{\circ}ФЗКРЛ\downarrow Пр—Сп}УОСНС^*$$

подчиняются все сказки нашего материала, при чем ходы с Б—П развиваются по верхнему ответвлению,

---

[1] 3 случая нашего материала: 67, 76 IV, 104 III.

ходы с З—Р по нижнему, ходы с обеими парами сперва по верхнему, а затем, не доходя до конца, по нижнему, а ходы без Б—П и без З—Р развиваются, минуя отличные для каждого хода элементы.

Подпишем же под этой схемой наш материал. Для большей наглядности выпишем итоговую схему вперед, разместив ее в одну строчку. Только элементы Б—П и З—Р, как несовмещающиеся, выписаны друг под другом [1]. (Схемы отнесены в приложение.

Какие же выводы дает эта схема? Во первых, она подтверждает наш общий тезис о полном единообразии строения волшебных сказок.

Этот главнейший общий вывод на первых порах никак не совмещается с нашим понятием о богатстве и разнообразии сказок.

Как уже указано, этот вывод должен был явиться совершенно неожиданным. Он был неожиданным и для автора этой работы. Это явление настолько необычно, странно, что на нем как то хочется остановится, раньше чем перейти к более частным, формальным выводам. Конечно, не наше дело истолковать это явление, наше дело только констатировать самый факт. Но все таки хочется поставить вопрос: если все волшебные сказки так единообразны по своей форме, то не значит ли это,

---

[1] Утроения здесь не могут быть показаны по техническим причинам. Если функции или группа их повторены в разных видах, то такое повторение обозначается подписыванием повторных элементов друг под другом. Переплетающиеся ходы разделены, каждый выписан отдельно, но перерыв хода обозначен многоточием с указанием, какой именно ход прерывает нить. Недостача, если она не подчеркнута сказкой (напр., герой не женат), поставлена в скобки. В схему не включены функции подготовительной части, т. к. не хватает места. О них отдельно скажем ниже. Цифры обозначают номера сказок по Афанасьеву, римские цифры—ходы по данным нашего анализа. Все объяснения к отдельным схемам вынесены в приложение. Отрицательный результат функции обозначен черточкой (минусом); так Z—означает, что герою ничего не дается. Форма Z contr. обозначена Z=.

что все они происходят из одного источника? На этот вопрос морфолог не имеет права ответить. Здесь он передает свои заключения историку или сам должен превратиться в историка. Но от себя мы можем ответить, хотя бы в виде предположения: да, похоже, что это так. Но только вопрос об источниках не должен быть поставлен узко-географически. „Единый источник" не означает непременно, что сказки пришли, напр., из Индии и распространились отсюда по всему миру, приняв при странствии своем различные формы, как это допускают некоторые. Единый источник может быть и психологическим. В этой области много сделано Вундтом. Но и здесь нужно быть все же чрезвычайно осторожным. Если бы ограниченность сказки объяснялась ограниченными способностями человеческой фантазии вообще, то мы, кроме данного разряда сказок, не имели бы никаких других, а мы имеем тысячи других сказок, не похожих на волшебные. Наконец, единый источник может быть бытовым. Но морфологическое изучение сказки покажет, что быта она содержит очень мало. Здесь от быта к сказкам имеются известные переходные ступени, и быт отражается в них косвенно. Одна из таких переходных ступеней—это выросшие на определенной ступени бытового развития верования, и очень возможно, что есть закономерная связь между бытом и религией с одной стороны, и религией и сказкой—с другой. Но умирает быт, умирает религия, а содержание ее превращается в сказку. Сказки содержат настолько явные следы религиозных представлений, что они могут быть выведены без помощи исторического изучения, как это уже указано выше. Но так как такое предположение легче разъяснить исторически, то приведем маленькую примерную параллель между сказками и верованиями. Сказка знает три основные формы носителей Ивана по воздуху. Это—летучий конь, птица и летучий корабль. Но как раз эти формы представляют собой носителей души умерших, при чем у пастушеских и земледельческих народов преобладает конь, у охот-

ников—орел, а у жителей побережий моря—корабль [1]. Фробениус даже приводит изображение такого корабля душ (Seelenschiff) из Северо-западной Америки. Таким образом можно предположить, что одна из первых основ композиции сказки, а именно странствование отражает собой представления о странствовании души в загробном мире. Это представление, и еще некоторые другие несомненно могли возникнуть независимо друг от друга по всему земному шару. Культурные скрещивания и вымирание верований довершают остальное. Летучий конь заменяется более забавным ковром. Но мы зашли слишком далеко. Предоставим судить об этом историку. В плоскости изучения сказки по ее параллели с религией с дальнейшим углублением в быт и хозяйство сказка изучалась еще очень мало.

Таков наиболее общий, основной вывод всей нашей работы. Теперь уже нельзя говорить со Сперанским, что никаких обобщений в науке о сказке нет. Правда, данное обобщение лишь попытка. Но если она верна, то в будущем она должна повлечь за собой и ряд других обобщений, и, может быть, тогда та тайна, которой все еще так густо окутана наша сказка, постепенно начнет рассеиваться.

Однако, вернемся к нашей схеме. Утверждение об абсолютной устойчивости как будто бы не подтверждается тем, что не всюду последовательность функций такова, как это показывает итоговая схема. Внимательное рассмотрение схем покажет некоторые отступления. В частности, напр., можно увидеть, что элементы ДГZ часто стоят впереди А. Не нарушает ли это закона? Нет. Здесь не новая, а обращенная последовательность.

---

[1] Ср. J. v. Negelein. Die Reise der Seele ins Jenseits. (Ztschr. d. Vereins für Volkskunde 1901,02. Ero же: das Pferd im Seelenglauben und Totenkult (Там же). Weicker; Der Seelenvogel. L. Frobenius. Die Weltanschauung der Naturvölker—в особенности важна I глава: Die Vogelmythe etc.

Обычная сказка дает, например, сперва беду, а затем добычу помощника, который ее ликвидирует. Обращенная последовательность дает сперва добычу помощника, а затем уже беду, которая им ликвидируется. (Элементы Д—Г—Z впереди А). Другой пример: обычно сперва дается беда, а затем выход из дома (АВС↑). Обращенная последовательность дает сперва выход из дома, обычно бесцельный („людей посмотреть и себя показать" и пр.), а затем уже по дороге герой узнает о беде.

Некоторые функции могут меняться местами. В сказке № 50 и 94 бой с вредителем происходит лишь после погони. Узнавание и обличение, свадьба и наказание могут переставляться. Из отдельных функций передача волшебного средства иногда происходит до выхода героя из дома. Это—дубины, веревки, булавы и пр., даваемые отцом. Такая передача чаще всего встречается при аграрных хищениях ($А^3$), но она имеется и при других завязках, далеко не предрешая возможности или невозможности встречи с дарителем обычного типа. Наиболее неустойчива по своему положению функция Т (трансфигурация). Логически она всего уместнее перед наказанием ложного героя или после него, перед самой свадьбой, где она и встречается чаще всего. Все эти отступления не меняют вывода об однотипности и морфологическом родстве волшебных сказок. Это не более, как колебания, а не новая композиционная система, не новые стержни. Есть некоторые случаи и прямых нарушений. В отдельных сказках отступления довольно значительны (99, 139), но при ближайшем рассмотрении окажется, что это юмористические сказки. Такая перестановка, сопровождающая превращение поэмы в фарс, должна быть признана результатом разложения.

Отдельные сказки по отношению к основе дают неполную форму ее. Во всех сказках отсутствуют те или другие функции. Если функция отсутствует, то это нисколько не влияет на строй сказки—остальные функции сохраняют свои места. Часто по некоторым руди-

ментам можно показать, что это отсутствие представляет собой пропуск.

Этим же выводам подчиняются в целом и функции подготовительной части. Если бы мы выписали друг под другом все случаи нашего материала, то в итоге получилась бы в общем та последовательность, которая приведена выше при перечислении функций. Однако, изучение этой части осложняется следующим обстоятельством: все семь функций этой части никогда не встречаются в одной сказке, причем отсутствие здесь никогда не может быть объяснено пропуском. Они не совместимы по существу. Здесь можно наблюдать, что одно и то же явление может быть вызвано несколькими способами. Пример: чтобы вредитель мог создать беду, рассказчику нужно привести героя или жертву в некоторое состояние беспомощности. Чаще всего его нужно разлучить с родителями, со старшими, защитниками. Это достигается тем, что героем нарушается запрет (герой уходит из дома, несмотря на запрещение), или же герой сам непосредственно выходить погулять и пр. (e^3), или это достигается тем, что герой поддается обману вредителя, который зовет его погулять к морю, или завлекает его в лес и пр. Таким образом, если сказка использовала для этой цели одну из пар б—b (запрет—нарушение) или г—g (обман—поддача обману), то применение другой пары часто не нужно. Выдача вредителю сведений часто также может достигаться тем, что герой нарушает запрет. Таким образом, если в подготовительной части применено несколько пар, то всегда можно ждать двойного морфологического значения (нарушая запрет, герой выдает себя вредителю и пр.). Детальное выяснение этого вопроса требует дополнительно анализа на большем материале.

Важнейший вопрос, который далее может быть поставлен при рассмотрении схем, следующий: связаны ли разновидности одной функции непременно с соответствующей разновидностью другой функции? На этот вопрос схемы дают следующий ответ:

1) Есть элементы, которые всегда, без всяких исключений связаны соответствующими друг другу разновидностями. Это—некоторые пары в пределах своих половин. Так $Б^1$ (бой на открытом поле) всегда связан с $П^1$ (победа на открытом поле) и связь, например, с $П^3$ (выигрыш в карты)—совершенно невозможна и лишена смысла. Все разновидности следующих пар связаны постоянно одна с другой: запрет и нарушение его, выведывание и выдача сведений, обман (подвох) вредителя и реакция на него героя, бой и победа, отметка и узнавание.

Кроме этих пар, где все разновидности постоянно связаны только друг с другом, есть такие пары, где это можно сказать относительно некоторых разновидностей. Так, в пределах вредительства и его ликвидации стабильно связаны убиение и оживление, околдование и расколдование и некоторые другие. Так же из видов погони и спасения от нее постоянно связаны погоня с быстрым превращением в животных с такой же формой спасения. Таким образом, фиксируется наличность элементов, виды которых связаны друг с другом стабильно в силу логической, а иногда и художественной необходимости.

2) Есть пары, где одна половина может быть связана с несколькими разновидностями своей корреспондирующей половины, но не со всеми. Так, похищение может быть связано с прямым контр-похищением ($Л^1$), с добычей через двух или нескольких помощников ($Л^1$ $Л^2$), с добычей через мгновенную обратную доставку волшебного характера ($Л^5$) и т. д. Точно также прямая погоня может быть связана с спасением через простой полет, с спасением через бегство и бросание гребешка, с превращением бегущего в церковь или колодец, с укрывательством бегущего и проч. Впрочем, легко заметить, что часто в пределах пары одна функция может вызвать несколько ответов, но каждый из таких ответов связан только с одной, вызвавшей его формой. Так, бросание гребешка всегда связано с прямой погоней,

но прямая погоня не всегда связывается с бросанием гребешка. Таким образом, есть как бы односторонне и двусторонне заменяемые элементы. На этой разнице мы сейчас останавливаться не будем. Укажем лишь, как на пример очень широкой двусторонней заменяемости, на элементы Д и Z, рассмотренные выше, в третьей главе.

Нужно, однако, заметить, что эти нормы зависимости, сколь они ни очевидны сами по себе, иногда сказкой нарушаются. Вредительство и его ликвидация (А—Л) отдалены друг от друга длинным рассказом. В течение рассказа сказитель теряет нить, и можно наблюдать, что элемент Л иногда не совсем соответствует начальному А или а. Сказка как бы *детонирует*. Иван отправляется за конем, а возвращается с царевной. Это явление представляет собой драгоценный материал для изучения трансформаций: сказочник изменил или завязку, или развязку, и из подобных сопоставлений могут быть выведены некоторые способы изменений и замен. Явление, сходное с „детонациями", мы имеем, когда первая половина совсем не вызывает обычного ответа или заменяется ответом совершенно другим, для сказочной нормы необычным. В сказке № 146 за околдованием мальчика не следует никакого расколдования, он на всю жизнь остается козленком. Очень интересна сказка „Чудесная дудка" (№ 137). Здесь убиение не ликвидируется оживлением убитого, оживление заменено раскрытием убийства, причем форма этого раскрытия представляет собой ассимиляцию с B^7—она дана в форме жалобной песни, на чем сказка и кончается, добавляя лишь наказание сестры-убийцы. При этом случае можно заметить, что *изгнание* не имеет специфической формы его ликвидации. Она заменяется просто возвращением. Часто изгнание является ложным вредительством, мотивируя ↑. Герой вовсе не возвращается, а женится и пр.

3) Все остальные элементы, а также пары, как таковые, соединимы совершенно свободно, без всякого

нарушения логики или художественности. Легко убедиться, что похищение человека совершенно не вызывает необходимости в данной сказке непременно полета или указания пути, а не следования по кровавым следам. Равным образом, при похищении талисмана нет необходимости заставить героя подвергнуться преследованию через попытку убиения, а не через погоню по воздуху. Таким образом, здесь господствует принцип полной свободы и взаимной заменяемости, и в этом отношении эти элементы диаметрально противоположны тем элементам, которые, как Б—П, всегда и непременно друг с другом связаны. Только об этом принципе и идет здесь речь. Фактически народ этой свободой мало пользуется, и число действительно имеющихся соединений не так велико. Так, нет сказок, в которых околдование было бы связано с кличем, хотя это и художественно, и логически вполне возможно. Тем не менее, установить этот принцип свободы на ряду с принципом несвободы очень важно. Именно путем замены одного вида тем же элементом другого вида и идет метаморфоза сказок, идет вариирование сюжетов.

Эти выводы, между прочим, могут быть проверены и экспериментально. Можно самому создавать новые сюжеты искусственно в неограниченном количестве, при чем все эти сюжеты будут отражать основную схему, а сами могут быть не похожими друг на друга. Чтобы создать сказку искусственно, можно взять любое А, затем одно из возможных В, затем С ↑, затем уже абсолютно любое Д, затем Г, затем одно из возможных Z, затем любое R и т. д. При этом любые элементы могут опускаться (кроме, разве, А или а) или повторяться утроенно, или повторяться в различных видах. Если распределить затем функции по действующим лицам из сказочного запаса или по собственному вкусу, то схемы оживают, они становятся сказками[1].

---

[1] Ср. Шклозский: „Сказка собирается и рассыпается по каким то еще неизвестным законам". Закон этот выяснен.

Конечно, нужно иметь также в виду и мотивировки, связки и пр. вспомогательные элементы. Применение этих выводов к народному творчеству требует, конечно, большой осторожности. Психология сказочника, психология творчества его, как часть психологии творчества вообще, должна изучаться самостоятельно. Но предположить, что основные яркие моменты нашей в сущности очень простой схемы и психологически играют роль некоторого корневища—можно. Но тогда новые сказки всегда являются лишь комбинациями или видоизменениями старых. Это как будто говорит о том, что в применении к сказке у народа нет никакого творчества. Однако, это не совсем так. Можно точно разграничить те области, в которых народный сказочник никогда не творит, и те области, где он творит более или менее свободно. Сказочник связан, не свободен, не творит в следующих областях: 1) В общей последовательности функций, ряд которых развивается по указанной выше схеме. Это явление представляет собой сложную проблему. Объяснять ее здесь мы не можем, мы можем только констатировать факт. Это явление должно изучаться антропологией и смежными дисциплинами, которые только и могут пролить свет на его причины. 2) Сказочник не свободен в замене тех элементов, разновидности которых связаны с абсолютной или относительной зависимостью. 3) Сказочник не свободен в иных случаях в выборе некоторых персонажей со стороны их атрибутов, если требуется определенная функция. Нужно, однако, сказать, что несвобода эта весьма относительна. Так, если требуется функция R^1 (полет), то в качестве волшебного дара не может фигурировать живая вода, но может фигурировать и конь, и ковер, и кольцо (молодцы), и ящичек, и очень многое другое. 4) Есть известная зависимость между начальной ситуацией и следующими функциями. Так, если требуется или хочется применить функцию A^2 (похищение помощника), то этот помощник должен быть включен в ситуацию.—С другой же сто-

роны сказочник свободен и применяет творчество в следующих областях: 1) В выборе тех функций, которые он пропускает или, наоборот, которые он применяет. 2) В выборе способа (вида) каким осуществляется функция. Именно этими путями, как уже указано, идет создание новых вариантов, новых сюжетов, новых сказок. 3) Сказочник совершенно свободен в выборе номенклатуры и атрибутов действующих лиц. Теоретически свобода здесь полнейшая. Дерево может указать путь, журавль может подарить коня, долото может подсмотреть и т. д. Эта свобода—специфическая особенность только сказки. Надо, однако, сказать, что народ и здесь не слишком широко пользуется этой свободой. Подобно тому, как повторяются функции, повторяются и персонажи. Здесь, как уже указано, выработался известный канон (змей—типичный вредитель, яга—типичный даритель, Иван—типичный искатель и пр.). Канон изменяется, но очень редко эти изменения представляют собой продукт личного художественного творчеств. Можно установить, что создатель сказки редко выдумывает, он получает материал со стороны или из текущей действительности и применяет его к сказке[1]. 4) Сказочник свободен в выборе языковых средств. Эта богатейшая область не подлежит изучению морфолога. Стиль сказки представляет собой явление, которое должно быть изучено специально.

---

[1] Здесь может быть высказано следующее положение: все, что попадает в сказку со стороны, подчиняется ее нормам и законам. Чорт, попадая в сказку, трактуется или как вредитель, или как помощник, или как даритель. Это положение особенно интересно прорабатывается на архаическом бытовом и ином материале. Так, у некоторых народов принятие нового члена в родовое общество сопровождается наложением кровавого клейма на лоб, щеки и плечи (Липперт, История культуры в отдельных очерках, стр. 213). Мы легко узнаем клеймение героя перед свадьбой. Наложение клейма на плечи не сохранилось, т. к. плечи у нас покрыты одеждой, осталось клеймение в лоб и щеку, нередко кровавое, но примененное исключительно в художественных целях.

Е. Вопрос о композиции и сюжете, о сюжетах и вариантах.

До сих пор мы рассматривали сказку исключительно с точки зрения ее структуры. Мы видели, что в прошлом она всегда рассматривалась с точки зрения сюжета. Мимо этого вопроса нам нельзя пройти. Но так как единого, общепринятого толкования слова „сюжет" нет, то мы имеем carte blanche и можем это понятие определять по своему.

Все содержание сказки может быть изложено в коротких фразах, вроде следующих: родители уезжают в лес, запрещают детям выходить на улицу, змей похищает девушку и т. д. Все сказуемые дают композицию сказок, все подлежащие, дополнения и другие части фразы определяют сюжет. Другими словами: та же композиция может лежать в основе разных сюжетов. Похищает ли змей царевну или чорт крестьянскую или поповскую дочку, это с точки зрения композиции безразлично. Но данные случаи могут рассматриваться, как разные сюжеты. Мы допускаем и другое определение понятия сюжет, но данное определение годится для волшебных сказок.

Как же теперь отличать сюжет от варианта?

Если, скажем, мы имеем сказку вида

A^1 B^1 C $Д^1$ $Г^1$ Z^1 и т. д., а вторую вида:

A^1 B^2 C $Д^1$ $Г^1$ Z^1 и т. д.,

то спрашивается: изменение одного элемента (B) при сохранении всех других уже дает новый сюжет, или это только вариант прежнего? Ясно, что это вариант. А если изменены два элемента, или три, или четыре, или если пропущены или добавлены 1—2—3 элемента? Вопрос из качественного сводится к количественному. Как бы мы ни определяли понятие „сюжет", отличие сюжета от варианта совершенно невозможно. Здесь может быть только две точки зрения. Или каждое изменение дает новый сюжет, или же все сказки дают один сюжет в различных вариантах. В сущности говоря, обе

формулировки выражают одно и то же: весь запас волшебных сказок следует рассматривать как цепь вариантов. Если бы мы могли развернуть картину трансформаций, то можно бы было убедиться, что морфологически все данные сказки могут быть выведены из сказок о похищении змеем царевны, из того вида, который мы склонны считать основным. Это—очень смелое утверждение, тем более, что картины трансформации мы в этой работе не даем. Здесь важно было бы иметь очень большой материал. Сказки могли бы быть расположены так, что картина постепенного перехода одного сюжета в другой получилась бы довольно ясно. Правда, местами получились бы известные скачки, известные провалы. Народ не дает всех математически возможных форм. Но это не противоречит гипотезе. Вспомним, что сказку собирают не более ста лет. Ее начали собирать в такую эпоху, когда она уже начала разлагаться. Сейчас новообразований нет. Но несомненно были эпохи чрезвычайно продуктивные, творческие. Аарне считает, что в Европе такой эпохой было средневековье. Если представить себе, что те столетия, когда сказка жила интенсивно, для науки безвозвратно потеряны, то современное отсутствие тех или иных форм не будет противоречить общей теории. Точно так же, как мы на основании общих астрономических законов предполагаем о существовании таких звезд, которых мы не видим, точно так же возможно предположить существование сказок, которые не собраны.

Отсюда вытекает очень важное применение методологического характера.

Если наши наблюдения о чрезвычайно тесном морфологическом родстве сказок верны, то из этого следует, что ни один сюжет данного рода сказок не может изучаться без другого ни морфологически, ни генетически. Путем замены элементов по видам один сюжет превращается в другой. Конечно, задача изучить какую нибудь отдельную сказку во всех ее вариантах и по всему ее распространению очень заманчива, но эта

задача по существу неверно поставлена. Если в такой сказке встречается, например, волшебный конь или благодарные животные или мудрая жена и т. д., а исследование будет касаться их только в данной комбинации, то может случиться, что ни один элемент данного соединения не будет изучен исчерпывающе. Выводы из такого изучения будут неверными и шаткими, т. к. каждый такой элемент может встречаться и в другом применении и может иметь свою историю. Все эти элементы должны сперва быть изучены сами по себе, независимо от их применения к той или иной сказке. Сейчас, когда народная сказка для нас все еще полна таинственных потемок, нам нужно прежде всего освещение каждого элемента в отдельности по всему сказочному материалу. Чудесное рождение, запреты, награждение волшебными средствами, бегство—погоня и т. д.—все это элементы, которые заслуживают самостоятельных монографий. Само собой разумеется, что подобное изучение не может ограничиваться только сказкой. Большинство ее элементов восходит к той или иной архаической бытовой, культурной, религиозной или иной действительности, которая должна привлекаться для сравнения. Вслед за изучением отдельных элементов должно следовать генетическое изучение того стержня, на котором строятся все волшебные сказки. Далее непременно должны быть изучены нормы и формы метаморфоз. Только после этого может быть приступлено к изучению вопроса о том, как создались отдельные сюжеты, и что они собой представляют.

F. Заключение.

Работа окончена, нам осталось дать заключение. Резюмировать тезисы нет смысла—они помещены в начале, ими проникнута вся работа. Вместо этого можно указать, что наши положения, хотя они и кажутся новыми, интуитивно предвидены не кем иным, как Веселовским, и его словами мы и закончим работу. „Дозволено ли и в этой области поставить вопрос о

типических схемах... схемах, передававшихся в ряду поколений, как готовые формулы, способные оживиться новым настроением, вызвать новообразования?.. Современная повествовательная литература с ее сложной сюжетностью и фотографическим воспроизведением действительности, повидимому, устраняет самую возможность подобного вопроса; но когда для будущих поколений она очутится в такой же далекой перспективе, как для нас древность, от доисторической до средневековой, когда синтез времени, этого великого упростителя, пройдя по сложности явлений, сократит их до величины точек, уходящих в глубь, их линии сольются с теми, которые открываются нам теперь, когда мы оглянемся на далекое поэтическое творчество—и явления схематизма и повторяемости водворятся на всем протяжении" [1].

[1] А. Н. Веселовский. Поэтика, т. II, вып. I (поэтика сюжетов) гл. I.

Материалы для табулатуры сказки

Так как мы могли рассмотреть только функции действующих лиц и должны были оставить в стороне все другие элементы, то здесь мы даем список всех элементов волшебной сказки. Список не вполне исчерпывает содержания каждой сказки, но большинство укладывается в список целиком. Если представить себе данную ниже таблицу исполненной на одном листе, то чтение по горизонтали не всегда дает ту последовательность, какая имеется в сказке. Это возможно лишь по отношению к функциям в целом. Но в этом и нет необходимости. При выписывании точного текста сказки под рубрику, каждая рубрика (при чтении материала по вертикали) дает чрезвычайно наглядную картину и может быть изучена совершенно самостоятельно. Выписанные тексты могут быть известным образом распределены, и таким образом выделяются типические формы. Сопоставление материала каждой рубрики дает возможность изучить трансформации, метаморфозы каждого элемента. Если к каждому случаю прибавить обозначение народа, у которого он имеется, а также время и место записи, то изучение может быть поставлено еще более точно и широко.

Таблица I,—Начальная ситуация

1. Временно-пространственное определение („в некотором царстве").
2. Состав семьи:
   a) по номенклатуре и положению,
   b) по категориям действующих лиц (отправитель, искатель и пр.).
3. Бездетность.
4—5. Молитва о рождении сына:
   4) форма молитвы,
   5) мотивировка молитвы.
6. Чем вызвана беременность:
   a) намеренная (съедена рыба и пр.),
   b) случайная (проглоченная горошинка и пр.),
   c) насильственная (девушка похищена медведем и пр.).
7. Формы чудесного рождения:
   a) от рыбы и воды,
   b) из очага,

c) от животного,
d) иначе.
8. Пророчества, предвещания.
9. Предзавязочное благополучие;
a) фантастическое,
b) семейное,
c) аграрное,
d) в иных формах.
10—15. Будущий герой:
10) номенклатура, пол,
11) быстрый рост,
12) связь с очагом, пеплом,
13) духовные качества,
14) озорство,
15) прочие качества.
16—20. Будущий ложный герой (I вида—брат, сводная сестра):
16) номенклатура, пол,
17) степень родства с героем,
18) отрицательные качества,
19) духовные качества сравнительно с героем (умники),
20) прочие качества.
21—23. Спор братьев о первенстве:
21) форма спора и способ решения,
22) вспомогательные элементы при утроениях,
23) результат спора.

Таблица II.—Подготовительная часть

24—26. Запреты:
24) персонаж-выполнитель,
25) содержание, форма запрета,
26) мотивировка запрета.
27—29. Отлучки:
27) персонаж-выполнитель,
28) форма отлучки,
29) мотивировки отлучки.
30—32. Нарушение запрета:
30) персонаж-выполнитель,
31) форма нарушения,
32) мотивировка.
33—35. Первое появление вредителя:
33) номенклатура,
34) способ включения в ход действия (является со стороны),
35) особенности внешнего появления (прилетает сквозь потолок)
36—38. Выспрашивание, выведывание:
36) чем мотивируется:
a) вредителя о герое,
b) наоборот,
c) иначе,

38) вспомогательные элементы при утроениях.
40—42. Выдача:
40) персонаж-предатель,
41) формы ответа вредителю (или неосторожный поступок),
a) формы ответа герою,
b) иные формы ответа,
c) выдача благодаря неосторожным поступкам,
42) вспомогательные элементы при утроении.
43. Обманы вредителя:
a) путем уговоров,
b) применение волшебных средств,
c) иначе.
44. Предварительная беда при обманном договоре:
a) беда дана,
b) беда вызвана самим вредителем.
45. Реакция героя:
a) на уговоры,
b) на применение волшебных средств,
c) на иные поступки вредителя.

Таблица III.—Завязка

46—51. Вредительство:
46) персонаж-выполнитель,
47) форма вредительства (или обозначение недостачи),
48) предмет воздействия вредителя (или предмет недостачи),
49) собственник или отец похищенного (или лицо, осознавшее недостачу), недостачи или мотивировка отсылки),
50) мотивировка и цель вредительства или форма осознания.
51) формы исчезновения вредителя.
(Пример; 46—змей, 47—похищает, 48—дочь, 49—царя, 50—для насильственного супружества, 51—улетает.—При недостачах: 46—47—недостает, нехватает, нужен, 48—золоторогий олень, 49—царю, 60—чтобы извести героя).
52—57. Соединительный момент (В):
52) персонаж-посредник, отправитель,
53) форма посредничества,
54) к кому обращено,
55) с какой целью,
56) вспомогательные элементы при утроении,
57) как посредник узнает о герое (§).
58—60. Вступление в сказку искателя, героя:
58) номенклатура.
59) форма включения в ход действия,
60) внешние особенности появления.
61. Форма согласия героя.
62. Форма отсылки героя.

63—66. Сопровождающие его явления:
63) угрозы,
64) обещания,
65) снабжение в дорогу,
66) вспомогательные элементы при утроениях.
67. Отправка героя из дома.
68—69. Цель героя:
68) цель, как действие (отыскать, освободить, выручить),
69) цель, как предмет (царевну, волшебного коня и пр.).

Таблица IV.—Дарители

70. Дорога от дома до дарителя.
71—77. Дарители:
71) способ включения в сказку, номенклатура,
72) жилище,
73) облик,
74) особенности внешнего появления,
75) другие атрибуты,
76) диалог с героем,
77) угощение героя.
78. Подготовка передачи волшебного средства:
a) задачи,
b) просьбы,
c) схватка,
d) иные формы. Утроения.
79. Реакция героя:
a) положительная,
b) отрицательная.
80—81. Снабжение:
80) что дается,
81) в какой форме.

Таблица V.—От вступления помощника до конца первого хода

82—89. Помощник (волшебное средство):
82) номенклатура,
83) форма вызова,
84) способ включения в ход действия,
85) особенности появления,
86) облик,
87) первоначальное местонахождение,
88) воспитание (укрощение) помощника,
89) мудрость помощника.
90. Доставка к месту назначения.
91. Формы прибытия.
92. Аксессуары места нахождения предмета поисков:
a) жилище царевны,

b) жилище вредителя,
c) описание тридесятого царства.

93—97. Второе появление вредителя:
93) способ включения в ход действия (отыскан и др.),
94) облик вредителя,
95) свита,
96) особенности внешнего появления,
97) диалог вредителя с героем.

98—101. Второе (при недостачах — первое) появление царевны (объекта поисков):
98) способ включения в ход действия,
99) облик,
100) особенности внешнего появления (сидит на взморье и др.),
101) диалог.

102—105. Борьба с вредителем:
102) место боя,
103) до боя (выдувание тока и др.),
104) формы боя или борьбы,
105) после боя (сожжение тела).

106—107. Клеймение:
106) персонаж,
107) способ.

108—109. Победа над вредителем:
108) роль героя,
109) роль помощника. Утроения.

110—113. Ложный герой (второго вида—водовоз, генерал):
110) номенклатура,
111) формы появления,
112) как держит себя во время боя,
113) диалог с царевной, обманы и пр.

114—119. Ликвидация беды или недостачи:
114) запрет помощника,
115) нарушение запрета,
116) роль героя,
117) роль помощника,
118) способ,
119) вспомогательные элементы при утроении.

120. Возвращение.

121—124. Погоня:
121) формы извещения вредителя о бегстве,
122) формы погони,
123) извещение героя о погоне.
124) вспомогательные элементы при утроении.

125—127. Спасение от погони:
125) спаситель,
126) формы,
127) гибель вредителя.

Таблица VI.—Начало второго хода

От нового вредительства (A^1 или A^2 и т. д.) до прибытия—повторение предыдущего, те же рубрики.

Таблица VII.—Продолжение второго хода

128. Неузнанное прибытие:
  a) домой с вступлением в услужение,
  b) домой без вступления в услужение,
  c) к другому царю,
  d) другие формы укрывательства и пр.

129—131. Необоснованные притязания ложного героя:
  129) персонаж-выполнитель,
  130) формы притязания,
  131) приготовления к свадьбе.

132—136. Трудная задача:
  132) персонаж, задающий ее,
  133) чем задача мотивируется задающим ее (болезнь и др.),
  134) чем мотивируется задача на самом деле (желание отличить ложного героя от истинного и пр.),
  135) содержание задачи,
  136) вспомогательные элементы при утроениях.

137—140. Решение задачи:
  137) диалог с помощником,
  138) роль помощника,
  139) форма решения,
  140) вспомогательные элементы при утроении.

141—143. Узнавание:
  141) способ вызова истинного героя (устройство пира, обход нищих),
  142) форма появления героя (на свадьбе и пр.),
  143) форма узнавания.

144—146. Обличение:
  144) персонаж-обличитель,
  145) способ обличения,
  146) чем вызвано обличение.

147—148. Трансфигурация:
  147) персонаж,
  148) способ.

149—150. Наказание:
  149) персонаж,
  150) способ.

151. Свадьба.

Дальнейшие приемы анализов

1) Анализ простой одноходовой сказки разряда Б—П, вида: похищение человека.

72. Царь, три дочери (i). Дочери гуляют (e^3), опаздывают в саду (b^1). Змей похищает их (A^1). Клич (B^1). Поиски трех героев (С↑). Три боя со змеем ($Б^1$—$П^1$), избавление девиц ($Л^4$). Возвращение (↓), награждение (c^0).

$$e^3\ b^1\ A^1\ B^1\ C\uparrow\ Б^1—П^1\ Л^4\downarrow\ c^0$$

2) Анализ простой одноходовой сказки разряда З—Р, вида: изгнание на воду, высадка (A^{10}).

138. Купец, купчиха, сын (i). Соловей предвещает, что родители будут унижены сыном. (Предвещание. Табл. I № 8. Служит мотивировкой вредительства). Родители кладут спящего мальчика на лодку и выпускают ее в море. ($A^{10}\uparrow$). Корабельщики везут его с собой (R^2). Прибывают в Хвалынск (замена три-десятого царства). От царя задача: отгадать, о чем кричат вороны у царского двора и отогнать их (З). Мальчик задачу решает (Р), женится на дочери царя (С*), едет домой (↓), по дороге на ночлеге узнает родителей (узнавание).

$$г^3\ A^{10}\uparrow\ R^2\ З—Р\ C^*\downarrow\ У$$

Примечание: мальчик решает задачу потому, что от рождения знает птичий язык. Здесь пропущен элемент Z^1—передача волшебного свойства. Следовательно, отсутствует и помощник, атрибуты его (мудрость) переходят на героя. Сказка сохранила рудимент этого помощника: соловей, вещавший об унижении родителей, улетает с мальчиком, садится ему на плечо. Однако, в ходе действия он не принимает участия.—По дороге мальчик дает доказательство мудрости, предсказывая бурю и приближение разбойников и тем спасая корабельщика. Это — атрибут мудрости, дополнительно развернутый эпически.

3) Анализ простой одноходовой сказки без Б—П и З—Р вида: убиение.

137. Поп, попадья, сын Иванушка, дочь Аленушка (i). Аленушка уходит в лес за ягодами (e^3—отлучка). Мать приказывает взять с со-

бой братца ($б^2$—приказание). Иванушка собирает больше ягод, чем Аленушка (мотивировка вредительства). „Давай, я поищу у тебя в головке" (уговоры вредителя—$г^I$). Иванушка засыпает (g^1). Аленушка убивает брата (A^{14}—убиение). На могиле вырастает тростинка (появление волшебн. средства из земли—Z^{VI}). Пастух ее срезывает и делает дудку (§). Дудка играет и выдает убийцу (обличение). Песня повторена 5 раз в различной обстановке. По существу это—жалобная песнь (B^7), ассимилировавшаяся с обличением. Родители изгоняют дочь (наказание).

$$б^2\ e^3\ b^2\ г^I\ g^1\ A^{14}\ Z^{VI}\ [O^5]H$$

4) Анализ двух-ходовой сказки при одном вредительстве. Разряд Б—П, вид: похищение человека.

74. I. Человек, жена, два сына, дочка (i). Братья, уходя на работу, просят сестру принести им завтрак (e^1 $б^2$), дорогу в поле закладывают стружками (этим выдают сестру змею w^1). Змей перекладывает стружки ($г^3$), девушка идет в поле с завтраком (b^2) идет по неверному пути (g^3). Змей ее похищает (A^1). Поиски братьев (С↑). Пастухи: съешьте моего самого большого вола ($Д^1$). Братья этого не могут (Г neg.) Змий: съешьте двенадцать волов и проч. ($Д^1$), следует Г neg. Братья брошены под камень (Z contr.).

II. Рождается Покатигорошек. Мать рассказывает о беде (B^4). Поиски (С↑). Пастухи и змий—как выше ($Д^1$ $Г^1$—испытание остается для хода действия без последствий). Бой со змеем и победа ($Б^1$—$П^1$). Избавление сестры и братьев ($Л^4$). Возвращение (↓).

$$c^2б^2w^1г^3b^2g^3A^1\ \left\{\frac{С↑\ [Д^1Г^1\ neg.]^3\ [Д^1Г^1\ neg]^3\ Z\ contr}{B^4С↑\ [Д^1Г^1\ роз.]^3\ [Д^1Г^1\ роз.]^3}\right. — Б^1 — П^1\ Л^4\ ↓$$

5) Анализ двухходовой сказки. I ход — разряда Б—П, вид: похищение человека, II ход разряда З—Р, вид: похищение добычи с сбрасыванием в пропасть.

79. I. Бездетный царь, чудесное рождение трех сыновей и трех коней. Братья уходят из дома (↑), встречают Белого Полянина в палатке, бьются ($Д^9$). Два брата побеждены и брошены под кровать, третий побеждает ($Г^9$). „Не убивай меня"—он принимается за меньшего брата (т. е. помощника Z^9). На дальнейшем пути они бьются с обитателем лесной избушки ($Д^9$ $Г^J$), он бежит, по его следам найден вход в иное царство (R^5). Сученко спускается на канате (R^6). „Он вспомнил про царевен, что покрали на тот свет три змия. Пойду их шукать". (A^1 B^1 С ↑. Воспоминание использовано не особенно удачно в качестве соединительного момента). Три боя ($Б^1$—$П^1$). Освобождение ($Л^4$). Передача кольца ($К^2$). третья девица — невеста Сученки ($с^1$). Возвращение (↓).

II. Братья и Полянин похищают девиц, сбрасывают Сученко (*A^1) Поиски (С↑). Схватка с дедом, Сученко получает сильную воду и коня ($Д^9$ $Г^9$ Z^1_7). Полет (R^1). Неузнанное прибытие, служба у золотаря (*).

Притязания ложных героев (Ф). Царевны требуют колец (З). Иван посылает полученные кольца (Р). Царевны все же не узнают героя (У neg.). Он пролезает через уши коня ($Г^1$), срывает с дома крышу (N—вызвано тем, что герой не узнан). Все трижды. После третьего раза Сученко накидывается на Полянина и бросает его с полета об земь (Н). Невеста узнает жениха (У). Тройная свадьба (С*).

Схему см. ниже на стр. 144. В срывании крыши можно видеть рудиментарную форму особой функции: герой подает о себе весть. Эта функция в пределах нашего материала в чистом виде не встречается. Одна из ее форм—бросание кольца в кубок, после чего наступает узнавание.

6) Анализ сложной пятиходовой сказки с переплетением ходов. Первый ход разряда—З—Р, вида: поиски невесты, 2-ой ход без Б—П и З—Р вида: членовредительство, 3-ий—тот же разряд, вида: отнятие помощника, 4-ый тот же разряд, вида: поиски невест, 5-й тот же разряд, вида: вампиризм.

116 I. Царь, царица, сын (i). Родители поручают сына дядьке Катоме (будущий помощник—Z^1), умирают ($е^2$). Сын хочет жениться ($а^1$). Катома показывает Ивану портреты (§), под одним надпись: „Коли кто задаст ей загадку, за того пойдет замуж". (Задача, перенесенная в соединительный момент). Выход из дома (С↑). По дороге загадка придумывается Катомой (предварительное решение—*Р). Катома решает за Ивана еще две задача (З—Р). Свадьба (С*).

II. Царевна после венчания пожимает руку Ивана, узнает его слабость, догадывается о помощи Катомы (§). Они едут гулять ($е^3$—отлучка). Царевна „улещивает" Ивана ($г^3$), он поддается ее ласкам (g^3). Она велит Катоме отрубить руки и ноги ($А^6$—членовредительство) и выбросить его в лес.

III. У Ивана насильственно отнят помощник ($А^{11}$), сам он должен пасти коров.

IV. (Сказка следит за Катомой). Безногий Катома встречает слепого (Z_9^6 — появление помощника и предложение услуг. Для данного хода Катома—герой). Они поселяются в лесу, замышляют похитить купеческую дочь ($а^1$), отправляются (С↑), слепой несет безногого (R^2), они похищают купеческую дочь ($Л^1$), возвращаются (↓). Их преследуют, они спасаются бегством ($Пр^1$—$Сп^1$).

V. Ведьма по ночам сосет груди девицы ($А^{18}$—вампиризм). Они замышляют девицу спасти (С). Схватка с ягой ($Д^2$—$Г^9$). Девица избавлена ($Л^4$).

II. (Развитие). Ведьма указывает героям целебный колодец (Z^2). От воды они выздоравливают ($Л^5$—Ликвидация ущерба применением волшебного средства: Катоме возвращены руки и ноги, слепому—глаза).

IV. (Конец) Слепой женится на девушке (С*).

III. (Развитие) Герои отправляются выручать царевича (С↑) Катома вновь предлагает свои услуги Ивану (Z^9), его освобождают от унизительной службы ($Л^4$). Мирное продолжение брака Ивана и царевны ($с^2$).

7) Анализ много-ходовой сказки. Первый ход разряда без Б—П и без З—Р вида: изгнание и подмена, второй ход—соединение в одном ходу Б—П и З—Р и т. д.

67. I. Король, сын (i). Король ловит лешего, леший просит сына его отпустить (просьба пленника с предварительной поимкой *$Д^4$). Царевич его выпускает ($Г^4$—выполнение). Леший обещает свою помощь (Z^9). Царевича изгоняют ($А^9$), дают с собой дядьку (появление вредителя). Они идут (↑), по дороге дядька обманывает царевича ($г^3$—g^3), отнимает у него одежду и выдает себя за царского сына ($А^{12}$). Царевич и дядька неузнанными прибывают к другому царю, царевич в поварах (^{0}). (Опускаем незначительный эпизод, не имеющий отношения к нити рассказа).

II. Является леший, его дочери дают царевичу скатерть, зеркальце и дудочку (Z^1). Царевна „примечает" царевича (не функция, не узнавание, но подготовка его). Змей требует царевну ($А^{46}$). Клич ($В^1$). Отправка королевича и дядьки (С↑). Является леший, дарит силу, коня, меч (Z^1_7). Бой со змеем ($Б^1$—$П^1$) Царевна избавлена ($Л^4$). Возвращение (↓). Царевна на глазах у всех целует королевича (Рудимент метки К). Дядька требует царевну (Ф). Царевна прикидывается больной, требует лекарства (задача).

III—IV. Требование лекарства вызывает новый ход, т. е. мы имеем случай двойного значения. Царевне нужно лекарство ($а^6$ $В^2$). Царевич и дядька отправляются на корабле (С↑). IV. Дядька топить царевича ($А^{14}$). Зеркальце дает знак тревоги ($В^4$), царевна отправляется его спасать (С↑) Леший дает ей невод (Z^2). Она вытаскивает королевича (оживление $Л^9$), возвращается (↓), все рассказывает (обличение и узнавание). Расстрел дядьки (наказание). Свадьба (С*).

8) Пример анализа сказки с двумя героями.

92. I. Солдатка, чудесное рождение двух сыновей и пр. (i). Они хотят иметь коней ($а^2$), прощаются ($В^3$), отправляются (С↑). Старичок их выспрашивает ($Д^3$ $Г^2$)' дарит коней (Z^1). До этого два продажных коня на рынке оказались негодными (утроение).

II. То же, добыты сабли.

III. Братья уходят из дома (↑), расстаются при столбе, передача платочка (<s). Судьба первого брата: он едет (R^2), попадает в чужую землю, женится на царевне (С*). В седле он находит пузырек с живущей и целующей водой (Z^5—относится уже к одному из следующих ходов).

IV. Второй брат узнает, что змей мучает царевну ($А^{18}$ $В^4$), следует С↑, три боя, перевязанная рана в третьем бою ($Б^1$ $К^1$ $П^1$), освобождение царевны ($Л^1$). Царь высылает водовоза собрать кости царевны (появление ложного героя). Он выдает себя за победителя (Ф). После третьего боя герой приходит во дворец (§), его узнают по перевязанной ране (У), ложный герой обличается (О). Наказание, свадьба (НС*).

III. (Продолжение). Другой брат идет на охоту (отлучка героя—$е^3$). Прекрасная девушка начинает его завлекать (обман вредителя $г^3$). Он

поддается (g^3), она превращается в львицу и пожирает его. (A^{14}— убиение. Одновременно служит преследованием к предыдущему ходу. Львица — сестра змея). Платок дает знак беды (B^1). Брат отправляется ($C\uparrow$). Езда на коне (R^2). Обман львицы, герой не поддается ($г^3$—g^3 neg). Он убивает змеиху ($П^5$). Она отрыгивает брата, он его оживляет ($Л^9$). Львицу прощают (H neg). Возвращение обоих братьев ($\downarrow$). Впоследствии львица губит обоих (A=N).

I—II. a^2 B^3 C $\uparrow$ D^2 $Г^2$ Z^1 = Л. $\downarrow$.

III. $\uparrow > s$ R^2 C* . . Z^5 A^{14} B^4 C $\uparrow$ R^2 $П^5$ $Л^9$ $H_{neg.}$ $\downarrow$ N.
IV. . . A^{18} B^4 $\uparrow$ $Б^1$ $К^4$ П ^{1} $Л^1$ Ф У О Н C*

	[Д	Г	Z]	A	B	C		↑	Д	Г	Z	R	°	Ф	Б З
50 I				A^{XVII}	B^{3}			↑	$д^{7}$	$Г^{7}_{-}$	Z_{-}				
II				a^{6}	B^{3}		Z^{1}	↑	$д^{7}$	$Г^{7}_{+}$	Z^{7}_{+}				
III [1])				A^{XVII}				↑							Пр–
52 I				A^{9}	B^{5}				$Д^{1}$	$Г^{1}$	z^{1}				
II				$[a^{6}]$	B^{5}_{2}	C		↑	$Д^{1}$	$Г^{4}_{-}$	$Z_{=}$				
54 I				A^{9}	B^{5}			↑	$Д^{7}$ $Д^{1}$	$Г^{7}$ $Г^{1}$	z^{9} z^{1}				
II				a^{6}	B^{5}_{2}	C		↑	$Д^{7}$ $Д^{1}$	$Г^{7}_{-}$ $Г^{1}_{-}$	Z^{0}_{-} $Z_{=}$				
56				A^{II}					$Д^{3}$	$Г^{3}$	Z^{VI}				З
57 II				$A^{1\,1}_{1\,2}$	B^{7}	C		↑				$Л^{8}$			З
59 I			Z^{1}	a^{6}	B^{2}	C		↑	$Д^{1}$	$Г^{1}$	Z^{1}				
II				$[a^{1}]$							Z^{3} Z^{4}				З
60 I				A^{3}	B^{4}	C	Z^{3}_{4}	↑							
II	$Д^{8}$	$Г^{8}$	Z^{8}	a^{1}		C		↑	$Д^{8}$	$Г^{8}$	Z^{8}				
61 I, II				A^{1}	B^{4}	C		↑							
III				A^{1}	B^{4}			↑	$Д^{8}$	$Г^{8}$					
62				A^{1}				↑	$Д^{8}$	$Г^{8}$					
64				A^{1}		C		↑	$Д^{1}$ $*д^{7}$	$Г^{4}_{-}$ $Г^{7}$	Z_{-} Z^{9}	R[4]			
65				A^{XVI}				↑	$д^{7}$ $Д^{8}$	$Г^{7}$ $Г^{8}$	Z^{2}_{3} Z^{8}				
66 I				A^{6}				↑		$Г^{7}$	Z^{2}				
II				A^{18}	B^{4}	C			$Д^{1}$	$Г^{1}$	Z^{1}				
68 I	$Д^{4}$	$Г^{4}$	Z^{9}	A^{0}				↑					°		
II			Z^{1}_{7}	A^{16}		C		↑							$Б^{1}$
69 I				A^{3}	B^{2}	C		↑							
II	$*Д^{4}$	$Г^{4}$	Z^{9}	A^{19}	B^{3}	C					Z^{1}				$Б^{1}$
70				A^{6}						°	Z^{4}_{3}				
71				a^{1}	B^{2}	C		↑	$Д^{1}$	$Г^{1}$	Z^{5}	R^{5}			
			K^{2}	$*A^{1}$		C		↑			Z^{1}	R^{1}			

[1]) Элементы Б—П (борьба) и Пр—Сп (погоня) переставлены. [2]) Между

К	П Р		Л	↑	Пр	Сп	*	Ф		У	О	Т	Н	С*
	$Сп^2$				Б⁴	П⁴								с*
				↓										
				↓										
				↓										
				↓										
	Р													С
	Р										О		Н	с²
				↓									Н	
	Р	⎫												
	Р	⎬												С*
	Р	⎭												
			$Л^7$	↓										
				↓	Пр¹	Сп²								
			Л¹	↓										
				↓										
					Пр⁷	Сп¹⁰								
				↓	Пр⁷	Сп¹								
			Л¹	↓	Пр¹	Сп⁴ ²)								
					Пр	Сп⁴								
				↓	Пр¹	Сп²	°			У				С*
			Л⁵											
	П⁶													С*
К¹	П¹		Л⁴	↓	Пр	Сп		Ф		У	О		Н	С*
			Л⁷	↓										
К¹	П¹	↓	Л³						Т₂	У				С*
			Л³	Т²	Пр⁶	Сп⁶				У	О		Н	С*
														с¹
			Л¹											С*

Пр и Сп вставлено $Д^1$ $Г^1$ (Z^9),

		Д	Г	Z		А	Б	С		↑	Д	Г	Z	R	
72						A^1	B^1	C		↑					
73	I					A^5	B^1	C		↑		$Д^1$			
	II					[a^6]		C	Z^3	↑		$Г^1$	Z^5 Z_7^1	R^5 R^2	
	III					*A^1		C		↑	$Д^7$	$Г^7$	Z^9	R^1	
74						A^1	B^4	C C		↑	$Д^1$ $Д^1$	$Г^1$— $Г^1$	Z=		
75						A^4		C					Z^3		
76	I					a^6	B^1	C			$Д^2$	$Г^2$			
	II					A^1	B^2	C							
	III					A^1		C							
77	I	↑	$Д^1$	$Г^1$	Z^5	A^{19}		C							
	II					a^1	B^2	C	Z_2^1	↑		[$Л^{10}$]	Z_9^6		
78	I					a^3	B^1	C		↑	$Д^2$	$Г^2$	Z_4^2		
	II					A^2		C		↑	$Д^1$	$Г^2$	Z_9^3		
	III					a^1		C		↑					
79	I	↑	$Д^9$	$Г^9$	z^9	R_5^6 A^1	B	C							
	II					*A^1		C			$Д^9$	$Г^9$	Z_7^1	R^1	
80						A^1	B^1	C			$Д^9$	$Г^9$		R^6	Z^7
81	I					A^9			Z^1	↑	$Д^9$	$Г^9$	Z_9^6 Z^9	R^6	Z^2
	II					*A^1		C		↑			Z^6	R^5	
82						A^3		C	Z^1	↑					
						A^9				↑			Z_9^6		
83						[a^1]	3	C		↑			$Z^2Z_9^6$	R^1	
84						a^1	B^2	C		↑			Z^3	R^1	
85						A^1	B_2^4	C		↑					
86						A^{17}	B^4	C		↑					
87	I		Д	Г	N	a^6	B^2	C		↑					
	II					a^5	B^2	C		↑					

о		Ф	Б З	К	П Р	Л	↓	Пр	Сп	*	Ф	У	О	Т		Н	С*
			Б^{1}		П^{1}	Л^{4}	↓										с^{0}
						Л^{7}—	↓										
					П^{5}		↓										
о		Ф	З		Р							У	О			Н	С*
			Б^{1}		П^{1}	Л^{4}	↓										
			Б^{1}		П^{1}	Л^{4}	↓	Пр^{1} Пр^{1}	Сп^{7} Сп^{5}								
						ЛZ^{2}											
						ЛZ^{5}											
			Б^{1}		П^{1}	Л^{1}	↓	Пр^{4} Пр^{2}	Сп^{7} Сп^{5}								
			Б^{1}		П^{1}		↓	Пр^{4}	Сп^{7}								
			З		Р	Л^{4}	↓										
			З		Р											Н	С*
	R^{2}		Б^{1}		П^{1}	Л^{4}	↓	Пр^{4} Пр^{4}	Сп^{7} Сп^{7}								
	R^{1}	...	....	III	....	Л^{4}	↓										С*
			З		Р	Л^{1}	↓										
			Б^{1}		П^{1}	Л^{4}										К^{2}	с^{1}↓
о		Ф	З		Р							У—		Т^{1}	N	Н	С*
					П^{5}	Л^{1}	↓										С*
					П^{5}	Л^{4}	↓										
						Л^{4}										Н	С*
			Б^{1}		П^{1}	Л^{7}	↓										
			Б^{1}		П^{1}	Л^{1}	↓										С*
			З		Р									Т^{3}			С*
						Л^{2}	↓										
			Б^{1}		П^{1}	Л^{4}	↓										С*—
			Б^{2}		П^{2} П$^{6}_{2}$	Л^{4}	↓										с^{0}
						Л^{7}	↓										
			Б^{2}		П^{2}	Л	↓	Сп	Пр							Н	с^{0}

		Д	Г	Z		A	B	C		Д	Г	Z
88						a^5	B^4	C	↑			
89						A^9			↑			
90						A^{18}		C	↑			Z^1
91	↑	Д	$Г^7$	$Z^9 = R^1T^4$		A^{18}		C	↑			Z^1
92	I-II					a^2	B^3	C	↑	$Д^2$	$Г^2$	
	III	↑	$\frac{i}{s}<s^1$	R^2C^*	Z^5	A^{14}	B^4	C	↑			
	IV					A^{17}	B^4	C	↑			
93	I					A^1	B^3	C	↑	$Д^2$ $Д^1$	$Г^2$ $Г^1$	Z^2 Z^6
	II					a^4	B^4	C	↑	$*Д^4$	$Г^4$	Z^6_9
	III			Z^2		$*A^7$		C	↑			
94	I					A^1		C	↑	.....		II
	II				C*	A^1	B^4	C	↑			Z^9
	III					A^{14}_1	B^4	C C	↑ ↑			
	IV					a^2		C	Z^1 ↑	$*Д$ $Д^1$	$Г$ $Г^1$	Z^9 Z^8
96	I					A^{19}	B^2	C	↑			
	II					a^1		C	↑			Z^1
	III					a^1		C	↑	$Д^9$	$Г^9$	Z^4
	IV					a^1		C	↑			
97		$Д^6$	$Г^6$	Z^1		A^{11}		.....	.....	 II		.....
						A^1	B^3	C	↑			
98						a^1	Z^9_6	C	↑			
99	I					A^5		C	↑			
	II					[a^1]	Z^9	C	↑			
100	b	$*Д^4$	$Г^4$	Z^9		A^8			↑			
	II					A^{10}						
101	I					a^5				Д	Г	Z^9
	II				C*	A^{10}	B^3	C	↑			
	III					a^1	B^3	C				

[1]) Следует $Б^1$—$П^1$. Между $Л^4$ и ↓ вставлен IV ход.

R	o	Ф	Б З	К	П Р	Л	↓	Пр	Сп	*	Ф	У	О	Т	Н	С*
			Б^2		П^2	Л^1	↓									
			Б^2		П^2	Л^1	↓									
			Б^3		П^3			N							Н	с^0↓N
			Б^3		П^3	Л^4										С*
						ЛZ^2	↓									
R^2					П^5	Л^4									Н	
			Б^1	К^1	П^1	Л					Ф	У	О		Н	С' N
R^2 }																
R^5 }						Л^4										
R^5						Л^2	↓								Н	с^1
R^1	о	Ф	З		Р										{ Н	С* }
																С* }
. . . . .						Л^4										
						Л^4	↓	Пр^1	Сп^1							
						Л^{1X}										
						Л$^3_1$	↓	Пр^1	Сп^1	1)						
						ЛZ^8	↓	Пр^1	Сп^2							
			Б^1		П^1	Л^4	↓									
R^3			Б^1		П^1	ЛZ^9										
R^6 }																
R^5 }					П^5	Л^4										
R^2			Б^1		П^1											С*
. . . . .			Б^1		П^1	Л^8 }										С*
			Б^1		П^1	Л^4 }	↓									
R^3														Т^4		С* ↓ }
					П^5											С* }
						Л^7↓										
Т^4	R^3															С* ↓ }
Т^4					П^5											С* }
	R^1															С*
	R^{II}											Т^2		У		
						Л^6								Т..	....Н	С*
	R^{II}															
			З		Р											С* ↓

Мы выписали половину нашего материала. Спрашивается: нужно ли выписывать остальную? Читатель нам поверит, что новый материал ничего не прибавляет, а исследователь убедится в этом, если будет продолжать анализы сам.

Примечания к отдельным схемам.

50. Эта сказка довольно сложна. Дадим полный анализ ее. 50. I. Царь, царица, сын (i). Конюх предупреждает (§): родится сестра, будет страшная ведьма, съест отца и мать и всех подначальных людей (A^{XVII}, угроза каннибализма через родственников). Иван просится погулять и отпускается (B^3), бежит (↑), встречает двух старых швей: „Вот доломаем сундук иголок и зашьем сундук ниток, тотчас и смерть придет" (беспомощное положение без просьбы—$д^7$). Герой ничего для них не может сделать ($Г_{neg}$). Они ему ничего не дарят ($Z_{neg.}$). То же происходит с Вертодубом, выворачивающим, последние дубы, и с Вертогором выворачивающим последние горы. Иван прибывает к Солнцевой сестрице.

II. Иван грустит (§). Солнцева сестрица трижды выспрашивает его ($в^3$—w^3) $^{2+1}$. Его тянет домой ($а^6$), она его отпускает (B^3), дает щетку, гребенку, два моложавых яблока (Z). Он уходит (↑). Вновь встреча с Ветрогором, Вертодубом и швеями. Он дарит им щетку, гребенку и яблоки (щетка=новые горы, новая жизнь для Вертогора, гребенка=новые дубы, яблоки = молодость старухам. Оказанная услуга—$Г^7$). Старухи дарят ему хусточку (Z^1). Иван прибывает домой.

III. Сестра: поиграй на гуслях (обманный уговор — $г^1$). Мыши предупреждают (§): она пошла зубы точит (A^{XVII}). Иван не поддается обману (g^3 neg), бежит (↑). Ведьма догоняет (преследование—$Пр^1$). Вертодуб ставит дубы, Вертогор горы, хусточка превращается в озеро (спасение через препятствие—$Сп^2$). Он прибывает к „Сестре". Змеиха: пусть Иван-царевич идет на весы, кто кого перевесит ($Б^4$) Весы дают Ивану превосходство ($П^4$). Он навсегда остается у Солнцевой сестры (рудиментарная форма брака—с*).

51. „Волга и Вззуза"—сказка иного класса.

53. То же строение, что и сказки № 52. Второй ход отсутствует.

55. То же.

57. I = 56 I.

58 = 52.

59 II. Более сложный случай.

II. Девушка, чудесная куколка (i). Она идет в город, поселяется у старушки. (Неузнанное прибытие о). Старуха покупает ей льну (Z^4), из него она прядет необычайно тонкую пряжу (см. ниже). Кукла за ночь изготовляет ей ткацкий станок (Z^3). Она ткет необычайное полотно (см. ниже). Старуха несет полотно к царю (§). Он приказывает сшить сорочки той, кто пряла и ткала (Задача). Девушка шьет сорочки (решение). Царь посылает за девушкой (§), свадьба и воцарение Василисы (С**). Случай этот на первый взгляд не совсем ясен.

Очевидно, однако, что пряжа, тканье и шитье—утроение одного элемента. Шитье—решение царской задачи. Что поручение шить сорочки действительно трудная задача, видно, между прочим, из того, что никто не берется их шить, и тогда царь объявляет через старуху: „Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить". Следовательно, пряжа и тканье также решение задач, но самая задача опущена. Это—случай предварительного решения (*Р). Сперва идет решение, а затем и задача. Это, между прочим, видно из слов девушки: „Я знала, что эта работа моих рук не минует". Она предвидит задачу. Покупка льна и изготовление станка отнесены к передаче волшебных средств. Правда, в льне нет ничего волшебного, но он—средство к выполнению задачи. Станок в большей степени носит волшебный характер. Третья задача решается без предварительного получения каких либо средств, но можно предположить, что здесь пропущена передача какой либо (очень тонкой и пр.) иглы. Далее, мы видим, что в этом ходу как будто нет завязки. Но все действие исходит из ситуации: у царя нет жены. Словами она не упоминается, но действия Василисы все диктуются этой ситуацией. Она обладает даром предвидения, и покупка льна и пр. вызвана ее стремлением к царю-жениху. Если этот элеменент обозначить знаком a^1, то схема даст:

$$[a^1] \left\{ \begin{matrix} Z^3 - * \ P \\ Z^4 - * \ P \\ -3-P \end{matrix} \right\} C^{**}.$$

60—II. D^8—$Г^8$ условно обозначена борьба с кобылицей. Укрощение коня обычно не является функцией (см. табл. V № 88), здесь оно использовано, как D, подготовляя Z—передачу жеребцов—помощников.

65—I. Брат зовет сестру на перины. Условно обозначено Пр—без отнесения к виду. Действие куколок, под пение которых девушка погружается в землю, условно обозначено $Сп^4$—спасение через спрятывание.

67. Сказка эта проанализирована выше. Она не включена в схему, так как внесение в схему сказок с Б—П и З—Р в одном ходу создает пестроту, в которой с первого взгляда трудно разобраться.

68. Два незначительных эпизода не включены в схему, элементы Пр—Сп сильно спутаны, не отнесены ни к какому виду.

70. Более сложный случай.

Купеческая дочь—невеста царя (i распространено эпически). Она едет к королю (e^3). Служанка усыпляет невесту ($г^2 - g^2$), выкалывает глаза (A^6). Неузнанное прибытие, девушка у пастуха (°). Невеста просит пастуха купить ей шелку и бархату, она вышивает чудесную корону (Z_4^3), при помощи короны выманивает глаза ($Л^3$). Девушка за ночь вдруг просыпается во дворце ($Т^2$). Царь видит дворец, зовет девушку в гости (§). Служанка велит жандармам засечь ее. (Пр^6—исполнение ассимилировано с A^{13}, приказано принести сердце)

Старик хоронит останки, из них вырастает сад. (Сп^{6}—через превращение). Служанка-царица велит рубить сад. (Пр^{6}). Сад окаменевает. (Сп^{6}). Является мальчик (ex machina) и выманивает у царицы сердце при помощи горьких слез. (Л^{3}=Сп). Девушка вдруг является (текст не совсем ясен, во всяком случае Л^{2}). Следует узнавание (У) и обличение (О),—невеста все расказывает. Наказание, свадьба.

Из трех преследований последнее ассимилировалось с А^{13}—Л^{3}.

76. IV. Ход содержит и Б—П и З—Р по схеме:

$$a^{1}\ C\ [Б^{1}—П^{1}]^{3}\ \begin{cases} З—Р—С^{*} \\ З—Р\ Н\ С^{2}. \end{cases}$$

a′ здесь ассимилировалось с А^{16}. Герой с угрозой требует себе царевну, как это обычно делает змей.

87. Более сложный случай, приведем его целиком.

I. Мужик и три сына (i). Старший отправляется к купцу служить в батраках, но не выдерживает и возвращается. Этот чисто бытовой мотив может быть рассмотрен, как деформация службы у Яги. Сравни службу Правды у купца и друг. Обозначаем—Д Г, не обозначая вида. Младший спасается хитростью. (Г—усыпленный петух). Батрак показывает свою силу на быке (N). Купец боится батрака (мот.). У него якобы пропала корова (а^{6}), он посылает батрака (В^{2}), тот отправляется (С ↑), ловит медведя (Л^{7}), возвращается (↓).

II. Купец еще больше боится (мот.), посылает батрака за деньгами, будто бы отданными чертям (а^{5} В^{2}), тот отправляется (С↑). Три состязания с чертями (Б^{2}—П^{2}). Добыто много денег (Л^{1}—с деталями), возвращение (↓). Купец с женой бежит от батрака, батрак хитрым образом следует за ним. (Юмористическое обращение: бежит не герой, а вредитель, герой преследует. (Сп—Пр). Батрак убивает купца (Н), берет себе его имущество (с^{о}).

Эта сказка, в общем сохраняя строй волшебных сказок, исчерпывающе не может быть объяснена без привлечения материала сказок иных разрядов.

Остальные случаи не представляют особых затруднений, хотя об отдельных деталях можно бы сказать многое.

Список сокращений

Большинство знаков представляют собою первую букву определения (О—обличение, У—узнавание, Н—наказание и т. д.). Если определение состоит из нескольких слов, взята первая буква главного слова (Д—первая функция дарителя, Г—реакция на нее героя). Для некоторых знаков не хватало русских букв (получились бы повторения). Преследование и спасение обозначены знаками Пр и Сп. Для некоторых функций пришлось прибегнуть к латинским буквам. Латинские буквы представляют собой первую букву немецких слов. Так Z—Zaubergabe—волшебный дар, или Zaubermittel—волшебное средство. R—Raumvermittelung. Для завязки взяты три латинские буквы A, B, C. Для подготовительной части взяты маленькие буквы попарно, где это было нужно: e, б—b, в—w, г—g.

Подготовительная часть

i—начальная ситуация; e^1—отлучка старших; e^2—смерть старших; e^3—отлучка младших; $б^1$ — запрет; $б^2$ — приказание; b^1 — нарушенный запрет; b^2—исполненное приказание; $в^1$—выведывание вредителя о герое; $в^2$—выведывание героя о вредителе; w^1—вредителю даются сведения о герое; w^2—герою даются сведения о вредителе; $г^1$—обманные уговоры вредителя; $г^2$—применение им волшебных средств; $г^3$—другие формы обмана; g^1 — герой реагирует на предложение вредителя; g^2—герой механически поддается волшебному воздействию; g^3—герой поддается или механически реагирует на обман вредителя; x—предварительная беда при обманном договоре.

А—Вредительство.

A^1 – похищение человека; A^2—похищение волшебого средства или помощника; A^{II}—насильственное отнятие помощника; A^3—порча посева; A^4—похищение света; A^5—хищения в разных формах; A^6—членовредительство; A^7 — вызывание исчезновения; A^{VII} — забвение невесты (125); A^8—требование выдачи или выманивание, увод; A^9—изгнание; A^{10}—спуск на воду; A^{11}—околдование, превращение; A^{12}—подмена; A^{13}—приказание убить; A^{14} – убиение; A^{15}—заточение: A^{16}—угроза насильственного супружества; A^{XVI} — то же меж родственниками;

A^{17} — угроза каннибализма; A^{XVII} — то же меж родственниками; A^{18} — вампиризм (болезнь); A^{19} — обявление войны.

а—Недостача:

a^1—невесты, человека; a^2 — помощника, волшебного средства; a^3 — диковинок; a^4 — яйца-смерти (любви), a^5 — денег, пропитания, a^6 — в других формах.

В—Соединительный момент.

B^1—клич; B^2—отсылка; B^3—отпуск; B^4 — сообщение беды в разных формах; B^5—увоз; B^6—отпуск и пощада; B^7—жалобная песнь.

С—Согласие на противодействие.

↑—отправка героя из дома.

Д—Первая функция дарителя.

$Д^1$—испытание; $Д^2$ — приветствие, выспрашивание; $Д^3$ — просьба о загробной услуге; $Д^4$—просьба пленника об освобождении; $*Д^4$—то же с предварительным пленением; $*Д^5$—просьба о пощаде; $Д^6$—просьба о разделе; $д^6$—спор без произнесенной просьбы о разделе; $Д^7$ — другие просьбы; $*Д^7$—то же, с предварительным приведением просителя в беспомощное состояние; $д^7$—беспомощное состояние дарителя без произнесенной просьбы. Возможность оказать услугу; $Д^8$—попытка уничтожить; $Д^9$—схватка с враждебным дарителем; $Д^{10}$—предложение волшебного средства в обмен.

Г—Реакция героя.

$Г^1$—выдержанное испытание; $Г^2$—приветливый ответ; $Г^3$—услуга мертвецу; $Г^4$—отпущенный пленник; $Г^5$—пощада просящего; $Г^6$—раздел спорщиков; $Г^{VI}$—обман спорщиков, $Г^7$—различные другие оказанные услуги или выполненные просьбы. Благочестивые поступки; $Г^8$—попытка уничтожения предотвращается и пр.; $Г^9$—победа в схватке; $Г^{10}$—обман при мене.

Z—Овладевание волшебным средством.

Z′—средство передается; z^1 — подарок материального свойства; Z^2—средство указывается, изготовляется; Z^3 — продается, покупается; Z^4—изготовляется; Z^3_4—изготовляется на заказ; Z^5—найдено; Z^6—появляется самостоятельно; Z^{VI}—появляется из земли; Z^6_9—встреча с помощником, предлагающим услуги; Z^7—средство выпивается, с'едается; Z^8—похищается; Z^9 — предложение своих услуг, предоставление себя в распоряжение.

R—Перемещение к месту назначения.

R′—полет; R^2—езда, переноска; R^3—героя ведут; R^4—герою указывают путь; R^5—герой пользуется неподвижными средствами сообщения; R^6—кровавый след указывает путь.

Б—Борьба с вредителем.

$Б^1$—бой на открытом поле; $Б^2$—состязание; $Б^3$—игра в карты; $Б^4$—Взвешивание. (50).

П—Победа над вредителем.

$П^1$—победа в бою; $П^2$—победа или превосходство в состязании; $П^3$ — выигрыш в карты; $П^4$ — превосходство при взвешивании (50); $П^5$—убиение врага без боя; $П^6$—изгнание врага.

К—Клеймение, отметка героя.

К[1]—нанесение отметки на тело; К[2]—передача кольца или полотенца.

Л—Ликвидация ущерба или недостачи.

Л[1]—Непосредственная добыча с применением силы или хитрости; Л[I] — то же. Один персонаж заставляет другого совершить добычу; Л[2]—добыча совершается несколькими помощниками сразу; Л[3]—добыча при помощи об'ектов приманки; Л[4]—ликвидация беды—непосредственный результат предшествующих действий; Л[5] — беда ликвидируется мгновенно применением волшебного средства; Л[6]—бедность ликвидируется применением волшебного средства; Л[7]—ловля; Л[8]—расколдование; Л[9]—оживление; Л[IX]—то же, с предварительной добычей живой воды; Л[10]—освобожсение; ЛZ—ликвидация в форме Z, т.-е.: ЛZ[1]—об'ект поисков передается; ЛZ[2]—указывается и т. д.

↓—Возвращение героя.

Преследование героя.

Пр[1]—полет по воздуху; Пр[2]—требование виноватого; Пр[3]—преследование с рядом превращений в животных; Пр[4]—преследование, с превращением в заманчивые предметы; Пр[5] — попытка поглотить героя; Пр[6]—попытка извести героя; Пр[7]—попытка перегрызть дерево.

Сп—Спасение героя.

Сп[1]—Быстрое бегство; Сп[2]—бросание гребешка и пр.; Сп[3]—бегство с превращением в церковь и пр.; Сп[4] — бегство с укрыванием бегущего; Сп[5]—укрывательство у кузнецов; Сп[6] — ряд превращений в животных, растения и камни; Сп[7]—предотвращение соблазна заманчивых предметов; Сп[8]—спасение от попытки поглотить; Сп[9]—спасение от попытки извести; Сп[10]—скачок на другое дерево.

°—Неузнанное прибытие.

Ф—притязания ложного героя.

З—трудная задача.

Р—решение задачи; *Р—решение до срока.

У—узнавание героя.

О—обличение ложного героя.

Т—трансфигурация.

Т[1] — новый телесный облик; Т[2] — постройка дворца; Т[3] — новая одежда; Т[4]—юмористические и рационализованные формы.

Н—наказание ложного героя или вредителя.

С*—свадьба и воцарение.

С*—свадьба; С*—воцарение: с[1]—обещанный брак; с[2]—возобновленный брак; с[0]—денежное вознаграждение и пр. формы обогащения при развязке

N—неясные или заносные формы.

< — Расставание у подорожного столба.

s—Передача сигнализатора.

Мот.—мотивировки.

pos.—положительный успех функций; neg.—отрицательный успех функций; §—связки; ⋮ —то же, при утроениях.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Предисловие 5

I. К истории вопроса 9

II. Метод и материал 28

III. Функции действующих лиц. 35

IV. Ассимиляции. Случаи двойного морфологического значения одной функции. 74

V. Некоторые другие элементы сказки 79

A. Вспомогательные элементы для связи функций между собой (79). B. Вспомогательные элементы при утроениях (82). C. Мотивировки (83).

VI. Распределение функций по действующим лицам 88

VII. Способы включения в ход действия новых лиц 93

VIII. Об атрибутах действующих лиц и их значении 96

IX. Сказка, как целое 101

A. Способы сочетания рассказов (101). B. Пример анализа сказки. (105). C. Вопрос о классификации (108). D. Об отношении частных форм структуры к общему строю (113). E. Вопрос о композиции и сюжете, о сюжетах и вариантах (125). F. Заключение (127).

Приложения:

I. Материалы для табулатуры сказки 129

II. Дальнейшие примеры анализов. 135

III. Схемы и примечания к ним 141

IV. Список сокращений 149

Цена 1 р. 80 к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Магазины «ACADEMIA»

Ленинград, пр. Володарского, 53-б. Тел. 138-98.
Москва, Тверская, 26. Тел. 5-45-13.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00002272267